

R: $\frac{III}{225}$

В. Чижъ.

фонд
1269
8,955
201-14
1914

БОЛѢЗНЬ
Н. В. ГОГОЛЯ.

МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о, Пименовская ул., соб. д.
1904.

Гос.
Библ. СССР
им. В. И. Ленина

12824-54

Болѣзнь Н. В. Гоголя.

Давно я считалъ необходимымъ изучить болѣзнь Н. В. Гоголя и опредѣлить ея вліяніе на творчество гениальнаго автора «Мертвыхъ Душъ». Нашъ великій критикъ, въ своемъ знаменитомъ письмѣ къ Гоголю писалъ: «или вы больны и вамъ надо лечиться, или... не смѣю досказать своей мысли». То же самое высказалъ С. Т. Аксаковъ въ письмѣ къ И. С. Аксакову ¹⁾. «Если бы я не имѣлъ утѣшенія думать, что онъ на нѣкоторыхъ предметахъ помѣшался, то жестокимъ бы словомъ назвалъ его». Ясный умъ и благородное сердце подсказали и Бѣлинскому и Аксакову вѣрное объясненіе характера Гоголя и его Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями. Глубокое уваженіе какъ къ самому Гоголю, такъ и къ этимъ двумъ благороднымъ пионерамъ нашего просвѣщенія обязываетъ психіатра отвѣтить на вопросъ, такъ категорически поставленный Бѣлинскимъ, объяснить насколько былъ правъ идеально честный С. Т. Аксаковъ. Слѣдовательно, психіатрическое изученіе жизни и произведеній Гоголя имѣетъ не только научный интересъ, но и большое нравственное значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ о томъ, былъ ли боленъ психически Гоголь, какъ ни интересенъ въ научномъ отношеніи, не имѣлъ бы общественнаго значенія, если бы Бѣлинскій и Аксаковъ не считали единственнымъ оправданіемъ Гоголя то, что онъ психически боленъ. Психіатръ долженъ изучить и объяснить жизнь и произведенія Гоголя, главнымъ образомъ для того, чтобы снять съ памяти многострадальнаго гениальнаго автора «Мертвыхъ Душъ» тѣ тяжелыя обвиненія, которыя съ такою душевной тоской были высказаны нашимъ великимъ, и по уму,

¹⁾ Исторія моего знакомства съ Гоголемъ. Русскій Архивъ. 1890, стр. 162.

и по благородству характера, критикомъ. Очевидно, что если Гоголь не былъ психически боленъ, то мы вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ даже не смѣемъ «досказать своей мысли». Громадное вліяніе произведеній Гоголя на развитіе всего нашего просвѣщенія положительно обязываетъ русскаго психіатра объяснить, съ психіатрической точки зрѣнія, жизнь Гоголя, чтобы правильно освѣтить нравственный обликъ нашего великаго сатирика, дать правильное объясненіе причины тѣхъ его поступковъ, которые вызвали негодованіе лучшихъ его современниковъ.

Понимая именно такъ задачу психіатра, я долго не рѣшался приняться за этотъ трудъ; я все ждалъ, что болѣе меня компетентные авторы объяснятъ съ психіатрической точки зрѣнія жизнь и произведенія Гоголя; я ясно сознавалъ, что для такого труда недостаточно знанія учебниковъ психіатріи, а необходимо продолжительное самостоятельное изученіе душевно больныхъ, глубокое знаніе психологіи и наконецъ вдумчивое отношеніе къ предмету. Кромѣ того эта задача представляла много затрудненій въ виду отсутствія полной біографіи Гоголя и полного собранія его писемъ.

Крайне обстоятельный трудъ В. И. Шенрока «Матеріалы для біографіи Гоголя» и изданныя подъ его редакціей «Письма Н. В. Гоголя» въ значительной степени облегчили для психіатра изученіе жизни автора «Мертвыхъ Душъ». Всѣ воспоминанія и вообще вся литература о Гоголѣ разработана Шенрокомъ такъ полно, что изученіе источниковъ очень мало дополняетъ свѣдѣнія, собранныя этимъ почтеннымъ изслѣдователемъ, почему я почти исключительно цитирую трудъ Шенрока, и только очень рѣдко приходится прибѣгать къ ссылкамъ на источники. Изучивъ «Письма Н. В. Гоголя» и всю литературу о Гоголѣ, я однако не нашелъ возможнымъ приступить къ настоящему труду, во-первыхъ, потому, что ожидалъ новыхъ сообщеній о Гоголѣ, по поводу пятидесятилѣтія со дня его кончины, во-вторыхъ, потому, что нѣкоторые вопросы для меня не были совершенно ясны. Поэтому я не могъ, при всемъ моемъ желаніи, закончить этого труда въ 1902 году. Появившееся въ этомъ году изслѣдованіе д-ра Н. Н. Баженова «Болѣзнь и смерть Гоголя» задержало окончаніе моего труда, такъ какъ я долженъ былъ еще разъ проверить мои выводы, для того, чтобы объяснить себѣ значительное разногласіе между взглядомъ д-ра Баженова и моимъ.

Только теперь, послѣ свыше двадцатипятилѣтняго изученія психіатріи и продолжительныхъ занятій литературой о Гоголѣ, я рѣшаюсь высказать мои соображенія о болѣзни Гоголя и ея вліянія на его творчество. Полагаю, что мой трудъ не окажется лишнимъ послѣ изслѣдованія д-ра Баженова уже потому, что, соглашаясь въ общемъ съ д-ромъ Баженовымъ, я кромѣ того, что высказано было этимъ авторомъ, нахожу въ Гоголѣ много патологическихъ проявленій, о которыхъ не говоритъ д-ръ Баженовъ. Мой трудъ, по моему мнѣнію, дополняетъ изслѣдованіе этого автора, и потому въ значительной степени подтверждаетъ справедливость основного взгляда д-ра Баженова, такъ же какъ и его изслѣдованіе подтверждаетъ справедливость моего основного вывода. Въ самомъ дѣлѣ, если у кровати больного два врача соглашались, что пациентъ боленъ, въ зависимости отъ степени своей опытности, своихъ знаній, наконецъ, своихъ способностей, нѣсколько иначе понимаютъ болѣзнь: одинъ находитъ меньше болѣзненныхъ явленій, другой больше, то изъ этого не слѣдуетъ, что пациентъ здоровъ, и оба врача ошибаются; весьма естественно, что, изучая такое сложное явленіе, какъ болѣзнь, одинъ врачъ больше обращаетъ вниманіе на какое-либо одно ея проявленіе, а другой замѣчаетъ большее число симптомовъ болѣзни. Конечно, я не могу рѣшать кто изъ насъ, д-ръ Баженовъ или я, правильнѣе понялъ болѣзнь Гоголя, да это разногласіе и не имѣетъ большого значенія, какъ въ виду того, что въ основномъ выводѣ мы согласны, такъ и потому, что я преслѣдовалъ другую цѣль, чѣмъ д-ръ Баженовъ.

Точный, опредѣленный діагнозъ болѣзни Гоголя, по моему мнѣнію, не имѣетъ большого значенія, да и едва ли возможенъ. Въ современной психіатріи нѣтъ не только общепризнанной классификаціи, но даже и номенклатуры болѣзней, а потому въ зависимости отъ школы, къ которой принадлежатъ психіатры, отъ личныхъ воззрѣній, ставятся на основаніи однихъ и тѣхъ же признаковъ нѣсколько различные діагнозы. Я увѣренъ, что если бы Гоголь жилъ теперь и былъ изслѣдованъ нѣсколькими психіатрами, получилось бы нѣкоторое разногласіе въ ихъ діагнозахъ, а вѣдь наши свѣдѣнія о болѣзни Гоголя весьма неполны, и потому и невозможенъ опредѣленный, точный діагнозъ его болѣзни. Да и какое значеніе имѣетъ такой діагнозъ; въ самомъ дѣлѣ, развѣ не все равно—страдалъ ли онъ періодической меланхоліей, или

круговымъ помѣшательствомъ, или наслѣдственнымъ помѣшательствомъ (folie hereditaire) въ смыслѣ Мореля, или, какъ теперь говорятъ, дегенеративнымъ помѣшательствомъ. Спорить о діагнозѣ болѣзни гениальнаго писателя, пятьдесятъ лѣтъ спустя послѣ его смерти, мнѣ кажется, не имѣетъ смысла, такъ какъ провѣрить справедливости мнѣній мы не можемъ, и потому каждый можетъ оставаться при своемъ мнѣніи.

Психіатрическое изученіе жизни и произведеній Гоголя, думаю я, должно преслѣдовать другую задачу, а именно указанную намъ Бѣлинскимъ. Поэтому я, не задаваясь цѣлью точно діагностировать форму душевной болѣзни Гоголя, изучаю всѣ патологическія явленія у Гоголя, начиная съ его дѣтства. Прежде всего, конечно по возможности, нужно выяснитъ состояніе здоровья его родителей, опредѣлить унаслѣдованныя свойства его организации.

Патологическія проявленія организма Гоголя имѣютъ значеніе лишь постольку они проявлялись въ его поступкахъ и въ его произведеніяхъ, а что нѣкоторые поступки и нѣкоторыя особенности его творчества зависѣли отъ его патологической организации, это было вполне ясно многимъ друзьямъ и знакомымъ Гоголя, которые не иначе могли объяснить причуды Гоголя, какъ тѣмъ что у него «что-то тронулось въ головѣ... вся Москва была о немъ такого мнѣнія» ¹⁾. Психіатры и должны объяснить, какъ развивались и какъ проявлялись патологическіе симптомы, въ чемъ они собственно состояли, и почему они давали право думать друзьямъ Гоголя, что у него «что-то тронулось въ головѣ». Особенно важно анализировать и прослѣдить развитіе этихъ симптомовъ для того, чтобы объяснить, насколько они обусловили тѣ поступки Гоголя, которые вызывали бы негодованіе, если бы совершившій ихъ былъ здоровъ.

Психіатрическое изученіе жизни и произведеній Гоголя необходимо и для того, чтобы объяснить нѣкоторые эпизоды изъ его жизни, совершенно непонятные его біографамъ, не знающимъ психіатріи. Біографія Гоголя, какъ челоѣка больного, не можетъ быть понятна безъ психіатрическаго ея изученія; въ самомъ дѣлѣ какихъ неправдоподобныхъ гипотезъ не высказано было біографами Гоголя для объясненія его поѣздки

въ Любекъ, для объясненія ранняго прекращенія его творческой дѣятельности; писалось и объ любви къ Россетъ, и объ огорченіи отъ неуспѣха Ганца Кюхельгартена, а Кулишъ объясняетъ раннее прекращеніе творческой дѣятельности Гоголя такъ: «смерть Пушкина положила въ жизни Гоголя рѣзкую грань... При жизни Пушкина—Гоголь былъ однимъ челоѣкомъ, послѣ смерти сдѣлался другимъ». Много писали о мистицизмѣ Гоголя, утверждали, что мистицизмъ отвлекъ его отъ художественной дѣятельности, хотя такъ ясно, что Гоголь мистикомъ никогда не былъ, и для Вогюэ не могло быть и сомнѣнія въ несправедливости такого мнѣнія. Дѣйствительно, можно лишь удивляться, какъ возникло убѣжденіе о мистицизмѣ Гоголя. Однимъ словомъ изученіе біографіи Гоголя съ психіатрической точки зрѣнія должно объяснить всю его жизнь, должно указать на тѣ заблужденія біографовъ Гоголя, которыя зависятъ отъ ихъ незнанія психіатріи. Лучшій біографъ Гоголя В. И. Шенрокъ вполне сознавалъ необходимость психіатрическаго изученія біографіи Гоголя, и дѣйствительно развѣ можетъ быть понятна жизнь челоѣка больного лицамъ, не изучавшимъ психіатріи.

Само собою разумѣется, что если бы душевная болѣзнь Гоголя не вліяла на его творчество, не отразилась бы на его художественной дѣятельности, психіатрическое изученіе біографіи Гоголя имѣло бы мало значенія. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ для пониманія произведеній Альфреда де Мюссе нужно знать какія патологическія проявленія представлялъ его организмъ. Совершенно иначе обстоитъ дѣло по отношенію къ Гоголю; біографы не объяснили намъ и, конечно, не могутъ объяснить, почему гениальный сатирикъ не закончилъ «Мертвыхъ Душъ», почему онъ написалъ Выбранныя Мѣста, «Авторскую Исповѣдь», почему Любковъ не играетъ никакой роли въ его произведеніяхъ, почему отрывокъ «Римъ» такъ кратокъ и, нужно прямо сказать, такъ слабъ. Именно художественная дѣятельность Гоголя не вполне понятна, потому что его патологическое состояніе весьма рѣзко отразилось на его художественной дѣятельности. Конечно, не дѣло психіатра оцѣнивать художественныя достоинства произведеній Гоголя, объяснять ихъ; это сдѣлано вполне компетентными критиками, выводами которыхъ психіатръ долженъ пользоваться. Психіатрическое изученіе жизни и произведеній Гоголя потому именно такъ важно, что объясняетъ многое и въ поведеніи, и

¹⁾ Тургеневъ. Литературныя воспоминанія. Изданіе Маркса. III, XII, стр. 61.

въ дѣятельности автора «Мертвыхъ Душъ». Пора наконецъ опровергнуть легенду о какомъ-то переломѣ въ жизни Гоголя, объ измѣненіи его творческой дѣятельности.

Настоящая работа мнѣ представилась особенно трудной, потому что психіатръ обязанъ объяснить не только жизнь Гоголя, но и вліяніе болѣзни на его творчество, а это задача весьма не легкая; тутъ недостаточно знанія психіатріи, а необходимо изученіе весьма обширной литературы о Гоголѣ.

Изъ вышеизложеннаго ясно, почему я предназначаю настоящій трудъ не для врачей, а для всѣхъ интересующихся произведеніями Гоголя. Я не думаю, чтобы узко-спеціальное изслѣдованіе о болѣзни Гоголя могло имѣть серьезное значеніе; для психіатровъ понятны патологическія явленія въ организмѣ Гоголя, а споры о точномъ діагнозѣ его болѣзни безплодны по существу. Поэтому я не нашелъ возможнымъ придать настоящему труду узко-спеціальныя черты, помѣстить его во врачебномъ органѣ. Жизнь и произведенія Гоголя серьезно интересуютъ многихъ образованныхъ людей, а особенно лицъ, изучающихъ русскую литературу. Вотъ именно для этихъ лицъ мною обработанъ настоящій трудъ; въ увѣренности, что онъ уяснитъ многое въ жизни Гоголя, объяснить тѣ особенности его творчества, которыя зависели отъ болѣзни.

Какъ врачъ, я долженъ руководиться совѣтомъ Diderot: *Ton metier est d'interroger la nature, et tu la fais mentir ou tu crains de la faire expliquer*¹⁾; поэтому я не имѣю права обходить вопросы, затрагивать которые крайне тягостно въ виду благоговѣнія къ генію Гоголя; при всемъ моемъ нежеланіи касаться вполне интимныхъ сторонъ его жизни, а также несимпатичныхъ чертъ его характера, я не могъ обойти молчаніемъ, въ виду ихъ большого значенія съ психіатрической точки зрѣнія. Глубокое уваженіе къ плодотворной дѣятельности Гоголя, восхищеніе его чудными художественными произведеніями служатъ ручательствомъ того, что я только въ виду крайней необходимости и любви къ истинѣ говорю объ отрицательныхъ сторонахъ характера и дѣятельности автора «Мертвыхъ Душъ», въ полной увѣренности, что психіатрическое изученіе его жизни и произведеній дастъ намъ, вмѣстѣ съ С. Т. Аксаковымъ «утѣшеніе думать», что многострадальный Гоголь не отвѣтственъ, въ силу своей болѣзни, за свои дурные поступки.

¹⁾ Diderot. De l'interpretation de la nature, XLVII.

I.

Наши свѣдѣнія о здоровьѣ родителей Н. В. Гоголя не достаточно точны и полны для того, чтобы могли служить для объясненія патологической организаціи геніальнаго автора «Мертвыхъ Душъ». Мы конечно никогда не будемъ обладать необходимыми для насъ свѣдѣніями, потому что не только состояніе здоровья лицъ давно умершихъ, но даже нашихъ знакомыхъ остается намъ часто неизвѣстнымъ. Особенно скрываются нервные и душевные разстройства, и напр. Мебиусъ не могъ получить точныхъ свѣдѣній о здоровьѣ родителей Ницше¹⁾.

Намъ извѣстны лишь три обстоятельства, которыя могли оказать вліяніе на здоровье Н. В. Гоголя; первое—это болѣзнь Василя Афанасьевича Гоголя; второе—нервность Марьи Ивановны Гоголь; третье—ея молодость, когда она родила своего знаменитаго сына.

По всей вѣроятности В. А. страдалъ туберкулезомъ и умеръ отъ этой болѣзни; по словамъ М. И. Гоголь: «До женитьбы у него два года была лихорадка, отъ которой его вылѣчилъ извѣстный въ то время докторъ Трахимовскій» [Шенрокъ, т. 1. 53]. Однако это было не выздоровленіе, а улучшеніе, легко объяснимое тою благопріятною обстановкой, въ которой жилъ больной. Наконецъ, наступило, какъ это обыкновенно бываетъ, ухудшеніе; В. А. хворалъ нѣсколько лѣтъ, наконецъ болѣзнь приняла неблагоприятное теченіе. «Мужъ мой,—говоритъ М. И.,—болѣлъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ и когда пошла кровь горломъ, онъ поѣхалъ въ Кишиневъ, чтобы посоветоваться съ докторомъ». Горловое кровотеченіе—явленіе весьма характерно для туберкулеза легкихъ т.-е. чахотки. Дальнѣйшимъ подтвержденіемъ такого распознаванія болѣзни В. А., можетъ служить его письмо: «мнѣ хорошо, но грудью страдаю ужасно и спать едва могу»; такъ именно жалуются на свое страданіе умирающіе чахоточные. Какъ и большинство чахоточныхъ В. А. не понималъ серьезности своего положенія и уже въ безнадежномъ состояніи поѣхалъ въ Лубны лѣчиться, съ полною увѣренностью на успѣхъ; послѣ непродолжительнаго лѣченія въ Лубнахъ, В. А. скончался на сорокъ четвертомъ году жизни; даже въ Лубнахъ онъ интересовался хозяйствомъ, что еще разъ подтверждаетъ, что онъ не понималъ опасности своего положенія.

¹⁾ Möbius. Ueber das pathologische bei Nietzsche. 1902 г.

Несмотря на неполноту наших свѣдѣній о болѣзни В. А., едва ли можно сомнѣваться, что онъ умеръ отъ чахотки; общая картина болѣзни, весьма характерные для чахотки припадки и, наконецъ, отношеніе больного къ болѣзни, все это даетъ намъ право думать, что отецъ нашего гениальнаго писателя страдалъ туберкулезомъ.

Такое пониманіе болѣзни В. А. имѣетъ значеніе, потому что туберкулезомъ В. А. мы можемъ объяснить болѣзненность и вообще слабость организма нашего гениальнаго писателя; безспорно Н. В. Гоголь физически слабый человѣкъ, съ узкими плечами, впалой грудью; онъ всегда былъ худощавъ и никогда не имѣлъ вполне здороваго, свѣжаго цвѣта лица. Едва ли можно сомнѣваться, что слабая физическая организація имѣла громадное значеніе во всемъ развитіи Н. В. Гоголя, во всей его жизни, въ складѣ его характера, въ образѣ жизни.

Туберкулезъ отца можетъ быть причиной вырожденія, патологической организаціи всѣхъ или нѣкоторыхъ дѣтей; несомнѣнно, что у отца, умершаго отъ туберкулеза, могутъ быть вполне здоровыя дѣти. Поэтому слѣдуетъ ограничиться предположеніемъ, что туберкулезъ В. А. Гоголя могъ быть причиной патологической организаціи нервной системы, или вырожденія его великаго сына; съ большимъ правомъ мы можемъ объяснить слабость организма Н. В. Гоголя чахоткой его отца. Сильнымъ подтвержденіемъ такого предположенія служить большая смертность дѣтей В. А. Гоголя: изъ двѣнадцати дѣтей осталось въ живыхъ только пятеро; конечно большая смертность бываетъ между дѣтьми вполне здоровыхъ родителей, но все же она, особенно если дѣти погибаютъ въ первые годы жизни, чаще бываетъ у дѣтей, происходящихъ отъ больныхъ родителей.

Наши свѣдѣнія о Марьѣ Ивановнѣ не отличаются точностью и не даютъ возможности составить вполне правильное сужденіе о здоровьѣ этой прекрасной женщины. Лица, оставившія намъ отрывочныя воспоминанія о М. И. Гоголь, не относились къ ней съ необходимою для точнаго наблюденія, объективностью, въ чемъ конечно ихъ нельзя упрекать; и ея личное обаяніе, и ореолъ матери гениальнаго писателя лишали ея знакомыхъ необходимою для наблюденія объективности. Несомнѣнно, что М. И. Гоголь обладала благороднымъ характеромъ, чуткой ко всему прекрасному душой; она умѣла любить и умѣла возбу-

ждать любовь; она, несомнѣнно, обладала живымъ, весьма гибкимъ умомъ, и была хорошо образована, принимая во вниманіе условія ея жизни. Поэтому я считаю рѣшительно невозможнымъ даже предположеніе, что М. И. страдала душевной болѣзнію; нѣтъ сомнѣнія, что до конца жизни эта чудная женщина сохранила психическое здоровье, и никогда никакой душевной болѣзнію не страдала.

Вмѣстѣ съ такимъ категорическимъ заключеніемъ, мы однако же не можемъ отрицать, что М. И. была надѣлена нервной, патологической организаціей; говоря иначе, это не была вполне здоровая, нормальная или обыкновенная женщина, что конечно ни коимъ образомъ не уменьшаетъ нашего уваженія и симпатіи къ матери гениальнаго писателя. Нельзя не обратить вниманія на неустойчивость и рѣзкія смѣны ея настроенія, и зависящаго отъ настроенія поведенія; то она, не сходя съ мѣста, не мѣняя позы, цѣлые часы думала неизвѣстно о чемъ, при чемъ лицо ея становилось безжизненнымъ, то была весела, оживлена и подвижна. Конечно, и у всѣхъ настроеніе мѣняется, на всѣхъ насъ нападаетъ вялость, смѣняющаяся подвижностью, но у М. И. неподвижность и мечтательность достигали до такой степени, что обращали на себя вниманіе лицъ ее знавшихъ. Очевидно, что въ этомъ отношеніи она отличалась отъ большинства; мы не можемъ судить, насколько патологическій характеръ имѣли эти необусловленные внѣшними причинами смѣны настроенія; можетъ быть, неподвижная мечтательность М. И. зависѣла отъ навязчивыхъ идей, можетъ быть, отъ обмановъ чувствъ, можетъ быть, эти смѣны настроенія и не имѣли такого тяжелого характера. Безспорно, что у лицъ, надѣленныхъ патологической организаціей нервной системы, безъ всякой внѣшней причины, происходятъ рѣзкія колебанія настроенія: полная апатія смѣняется оживленіемъ; вдругъ безъ всякой причины субъектъ чувствуетъ слабость, общую вялость, полное равнодушіе ко всему, ему тяжелы всякое усиліе, всякая перемѣна. Также безъ всякой внѣшней причины развивается оживленіе: субъектъ чувствуетъ себя хорошо, ему кажется все легкимъ, онъ становится подвиженъ, разговорчивъ, ищетъ новыхъ впечатлѣній; оба состоянія исчезаютъ также безъ всякой внѣшней причины. Эта же неустойчивость настроенія М. И. выражалась и въ томъ, что она легко впадала въ отчаяніе, «что повторялось впоследствии нерѣдко, такъ

какъ по природной добротѣ она горячо принимала къ сердцу не только собственные несчастія, но и горе близкихъ лицъ» (Шенрокъ, Т. I, стр. 53).

Меньшее значеніе имѣетъ мнительность и подозрительность М. И.; притомъ, мы не знаемъ насколько она отличалась въ этомъ отношеніи отъ той среды, въ которой жила. Безспорно, что М. И. была крайне мечтательна и поразительно непрактична, чѣмъ, конечно, и можно только объяснить, что она оставляла почти безъ средствъ горячо любимого сына, хотя ея имѣніе при мало-мальски умѣломъ хозяйствѣ давало бы достаточный для безбѣднаго существованія доходъ. Поразительная непрактичность М. И. едва ли можетъ быть объяснена воспитаніемъ; она была воспитана какъ и всѣ, а вѣдь не мало вдовъ помѣщицъ настолько удовлетворительно вели свое хозяйство, что помогали своимъ сыновьямъ въ первые годы ихъ службы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ М. И. была настолько легкомысленна, что у заѣзжихъ торговцевъ дѣлала выше средствъ закупки и даже покупала вещи ей ненужныя; сынъ упрекалъ ее, что «вы пошли доискиваться правды у кочующаго лавочника, пріѣхавшаго на ярмарку». Мать, горячо любящая единственного сына, — покупаетъ ненужный хламъ, а сынъ ея бѣдствуетъ въ Петербургѣ, М. И. не была глупа, въ обычномъ смыслѣ этого слова; напротивъ, это была богато одаренная натура, но нужно думать, что мышленіе М. И. вполне зависѣло отъ чувствованій, отъ непосредственныхъ впечатлѣній; она не была надѣлена волей, не управляла въ должной мѣрѣ ходомъ мышленія.

Понятно, что М. И. гордилась своимъ сыномъ, рассказывала о его славѣ, хвалила его произведенія, увѣряла себя, что ея сынъ извѣстенъ Государю и т. п.; материнская любовь даже и болѣе уравновѣшенныхъ, чѣмъ М. И., матерей, лишаетъ возможности критически относиться къ дѣтямъ. При томъ же М. И. имѣла полное право гордиться своимъ сыномъ и мало преувеличивала его славу.

Въ концѣ концовъ мы такъ мало знаемъ о здоровьѣ М. И., что должны ограничиться самымъ общимъ заключеніемъ: М. И. была женщиной нервной, натурой неуравновѣшенной; при большой мягкости сердца, чуткости, она не обладала дѣловыми способностями, мало была способна къ спокойной разсудочной дѣятельности; фантазія у ней была сильно развита. Она казалась

странной, прямо-таки ненормальной Данилевскому и Трахимовскому; послѣдній сообщаетъ, что «М. И. Гоголь вмѣстѣ съ тѣмъ была крайне впечатлительна и подозрительна: бывали дни, недѣли, цѣлые мѣсяцы, когда впечатлительность М. И. доходила до крайнихъ предѣловъ, достигала почти болѣзненнаго состоянія». Геніальный сынъ, конечно, замѣтилъ болѣзненность своей матери и въ письмѣ къ сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ отъ 12, VI. 1839» говоритъ: «Слава Богу, наша маменька физически совершенно здорова. Я разумѣлъ душевную, умственную болѣзнь, о ней была рѣчь».

Необходимо однако принимать во вниманіе, что М. И. овдовѣла тридцати двухъ лѣтъ; несомнѣнно, что раннее вдовство очень сильно вліяетъ на здоровье нервной системы; особенно сильно было вліяніе этого обстоятельства на здоровье нервной, ненормальной М. И.; весьма возможно, что если бы не было этого крайне неблагоприятнаго для здоровья нервной системы обстоятельства, «нервность» М. И. не достигла бы такой крайней степени. На основаніи собственныхъ, достаточно многочисленныхъ наблюденій, я придаю большое значеніе раннему вдовству.

Мы не знаемъ, какою душевной болѣзнію страдалъ племянникъ Н. В. Гоголя, Трушковскій, а потому тотъ фактъ, что племянникъ страдалъ душевной болѣзнію, еще не даетъ намъ достаточно основаній, чтобы судить о вырожденіи въ семьѣ Гоголей; можетъ быть Трушковскій страдалъ пріобрѣтенной душевной болѣзнію; возможно, что патологическая организація была унаслѣдована и отъ отца.

Трудно рѣшить, насколько молодой возрастъ матери могъ быть причиной патологической организаціи нервной системы Н. В. Гоголя; какъ аргументъ, такъ и на основаніи наблюденій надъ животными, мы должны думать, что между дѣтьми очень молодыхъ матерей относительно много слабыхъ и хилыхъ. Весьма возможно, что слабое тѣлосложеніе Н. В. Гоголя, его хилое здоровье, хотя отчасти зависить отъ крайней молодости его матери. Однако мы не обладаемъ точными наблюденіями, указывающими, что молодость матери можетъ быть причиной вырожденія и слабости здоровья потомства. Еще менѣе основаній мы имѣемъ утверждать, что молодость матери можетъ быть причиной патологической нервной организаціи потомства; это возможно, но не доказано.

М. И. было пятнадцать лѣтъ, когда она родила великаго сатирика; у другихъ дѣтей не было нервныхъ расстройствъ; по этому можно, съ нѣкоторымъ основаніемъ, объяснить патологическую организацію нервной системы и вообще хилое здоровье Н. В. Гоголя крайней молодостью его матери.

Такимъ образомъ наши скудныя свѣдѣнія о здоровьѣ родителей Н. В. Гоголя не даютъ намъ права давать какія-либо категорическія заключенія; мы знаемъ, что состояніе здоровья родителей нерѣдко вліяетъ на здоровье потомства; у вполне здоровыхъ родителей могутъ быть больныя дѣти, и наоборотъ—у больныхъ родителей бываютъ здоровыя дѣти. Сестры Н. В. Гоголя, по крайней мѣрѣ, младшія, до старости пользовались удовлетворительнымъ здоровьемъ, а Н. В. Гоголь безспорно былъ болѣзненный человѣкъ.

Гораздо важнѣе выяснить, что въ біологическомъ отношеніи унаслѣдовалъ Н. В. Гоголь отъ своихъ родителей, выяснить можно ли біологически объяснять геніальность Н. В. Гоголя, какъ даръ унаслѣдованный, или же геніальность автора «Мертвыхъ Душъ» не можетъ быть объяснена законами наслѣдственности, слѣдовательно, должна считаться случайнымъ, чисто индивидуальнымъ уклоненіемъ.

Отецъ Н. В. Гоголя былъ человѣкъ обыкновенный; онъ не выдавался изъ среды, въ которой жилъ, не достигъ совершенства въ какомъ-либо родѣ дѣятельности; онъ не захотѣлъ закончить своего образованія, пробовалъ служить, но безъ успѣха, ревностно занимался хозяйствомъ, но хозяиномъ былъ плохимъ. Онъ писалъ недурныя пьесы для театра Трошинскаго, но эти пьесы были очень далеки отъ совершенства и не обратили на себя вниманія; онъ писалъ стихи, но вѣдь было время, когда всѣ, кому нечего было дѣлать, писали плохіе стихи. Говорятъ онъ былъ хорошій рассказчикъ; приходится вѣрить этому показанію.

Едва ли можно сомнѣваться, что В. А. Гоголь былъ мягкій, добрый, хорошій человѣкъ, любимый своею семьей и своими знакомыми; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не отличался ни трудолюбіемъ, ни энергіей, ни настойчивостью, ни дѣловитостью.

Геніальный сынъ унаслѣдовалъ отъ добродушнаго и ласковаго отца только хилое здоровье и, можетъ быть, патологическую организацію нервной системы; едва ли можно утверждать, что

В. А. Гоголь передалъ свою способность хорошо рассказывать; во-первыхъ, весьма сомнительно, чтобы такая способность, или такое свойство, передавались по наслѣдству. По крайней мѣрѣ между дѣтьми извѣстныхъ ораторовъ и актеровъ, хорошихъ рассказчиковъ не больше чѣмъ между дѣтьми лицъ, не обладавшихъ этой способностью. Во-вторыхъ, едва ли Н. В. Гоголя можно считать хорошимъ рассказчикомъ; онъ былъ геніальный чтецъ своихъ геніальныхъ произведеній, неподражаемый, и можетъ быть геніальный рассказчикъ смѣшныхъ по преимуществу «непечатныхъ» анекдотовъ, но вообще онъ не обладалъ выдающимся даромъ слова и не говорилъ хорошо ни о чемъ, кромѣ той области, которую постигалъ въ совершенствѣ въ силу своей исключительной и односторонней геніальности. Также едва ли можно допустить, что В. А. передалъ своему сыну свой литературный талантъ. Уже не говоря о томъ, что талантъ В. А. былъ крайне посредственный, едва ли можно найти что-либо кромѣ внѣшняго сходства, между невинными, отъ нечего дѣлать, написанными для забавы богатаго родственника и его гостей театральными пьесами В. А. Гоголя, и «Ревизоромъ».

Вообще, Н. В. Гоголь ни въ чемъ не походилъ на своего благодушнаго отца; отецъ былъ доволенъ своею жизнію, вполне мирился съ окружающей обстановкой. Геніальный сынъ всегда стремился впередъ, никогда не мирился съ дѣйствительностью; отецъ былъ благодушенъ и любилъ всѣхъ и все, сынъ былъ практиченъ и дѣловитъ; отецъ былъ лѣнивъ, сынъ былъ трудолюбивъ и дѣятеленъ, насколько это позволяло ему его слабое здоровье. Отецъ наслаждался жизнію, какъ ни скромна была его доля счастья, сынъ могъ бы имѣть все въ жизни, и не наслаждался никогда жизнію, потому что по своему темпераменту не могъ наслаждаться жизнію. Отецъ провелъ жизнь, какъ праздникъ, для геніальнаго сына жизнь была страданіе, прерываемое короткими моментами восторговъ, о которыхъ В. А. и мечтать не могъ. Чтобы оцѣнить насколько сынъ не походилъ на отца, необходимо принять во вниманіе, что отецъ для своего времени, былъ такъ же, если не лучше, образованъ, чѣмъ сынъ.

Вообще, нечасто сынъ такъ мало похожъ на отца, какъ авторъ «Мертвыхъ Душъ» на В. А. Гоголя. Можно сказать, что Н. В. Гоголь былъ такой же плохой хозяинъ, какъ и его отецъ, но съ этимъ рѣшительно нельзя согласиться. Н. В. Гоголь не за-

нимался хозяйствомъ, потому что небольшое имѣніе матери не могло его даже интересовать; но если бы ему пришлось заняться хозяйствомъ, онъ былъ бы прекрасный хозяинъ, такъ какъ обладалъ главнымъ свойствомъ хорошаго хозяина — узнавать и подчинять себѣ людей. Можно, конечно, говорить, что В. А. Гоголь имѣлъ вліяніе на своего сына, какъ человѣкъ образованный и даже литературный. Хотя это уже выходитъ изъ сферы моей специальности, могу замѣтить, что образованіе отца имѣло вліяніе лишь на внѣшнюю жизнь Н. В. Гоголя: если бы онъ выросъ въ необразованной семьѣ, онъ могъ бы заглотнуть, его гений отъ этого былъ бы намъ неизвѣстенъ, но все-таки Н. В. былъ бы гениальнымъ человѣкомъ.

Безспорно, что чѣмъ болѣе Н. В. Гоголь походилъ бы на своего отца, тѣмъ легче бы ему жилось; страдальческая жизнь Н. В. Гоголя убѣдительно доказываетъ намъ, что онъ унаслѣдовалъ отъ чахоточнаго отца только хилое здоровье.

Весьма немного Н. В. Гоголь унаслѣдовалъ отъ своей матери; ихъ сходство мало уловимо и трудно опредѣлимо; приходится удовольствоваться такими же неопредѣленными, туманными выраженіями, какъ неопредѣленно это сходство. И у матери, и у сына была сильно развита духовная жизнь; это были духовныя натуры, если можно такъ выразиться; М. И. такъ же какъ и ее сынъ обладала натурой высшаго порядка. Конечно, все это неопредѣленно, но вѣдь мы и не можемъ точнѣе опредѣлить сходство сына и матери, оба они не были вульгарны, это были не монеты, похожія всѣ другъ на друга, а медали хотя и разной величины, но обѣ изъ благороднаго металла. Если мы обратимъ вниманіе, что М. И. всегда горячо любила своего гениальнаго, но едва ли пріятнаго въ семейномъ кругу сына, мы не можемъ отказать этой старосвѣтской помѣщицѣ въ большой душевной чуткости. Душевность, чуткость, способность любить все это свидѣтельствуетъ о высокой душѣ М. И.; эта духовность была унаслѣдована сыномъ.

Этимъ и кончается сходство М. И. Гоголь съ ее сыномъ. Онъ не унаслѣдовалъ отъ матери ни ее любвеобильности, ни ее кротости, ни ее непосредственнаго сердечнаго интереса къ жизни, ни ее покорности судьбѣ, ни ее непрактичности, ни ее душевной простоты и прекрасной наивности. М. И. Гоголь обрисована и въ ее письмахъ, и въ письмахъ Н. В. Гоголя, и въ воспоминаніяхъ

друзей ее знаменитаго сына весьма хорошо, и потому едва ли можно сомнѣваться, что сходство между нимъ и матерью было весьма не велико, а главное неопредѣленно. Такое заключеніе подтверждается и тѣмъ, что живая связь между матерью и сыномъ, несмотря на ихъ взаимную любовь, скоро порвалась, зато оба часто и много писали другъ другу. Н. В. Гоголь полѣнился въ 1839 году съѣздить къ матери и выписалъ невыѣзжавшую далеко старушку-мать въ Москву, да еще въ чужой домъ. Едва ли радость М. И. Гоголь при свиданіи съ сыномъ много отличалась отъ того душевнаго состоянія, которое переживала мать Базарова, когда этотъ послѣдній пріѣзжалъ домой. М. И. Гоголь жилось гораздо легче, чѣмъ ее сыну; такъ же какъ и ее мужъ она обладала жизнерадостностью и умѣла довольствоваться немногимъ. Ей хотѣлось увеличить доходы своего имѣнія, но и хозяйственныя неудачи она понимала, но конечно лишь смутно, материнскимъ сердцемъ она понимала, но стремленія сына, сущность страданія своего великаго сына; но стремленія сына, сущность и причины его страданій, были совершенно чужды ее натурѣ.

Что Н. В. Гоголь біологически ничего кромѣ слабаго здоровья не унаслѣдовалъ отъ отца, и очень мало унаслѣдовалъ отъ матери, доказывается и тѣмъ, что всѣ его сестры рѣшительно ни въ чемъ не походили на своего гениальнаго брата. Онѣ ничѣмъ не выдавались изъ среды, ничѣмъ не заявили своихъ способностей, прожили жизнь въ той же средѣ, въ которой родились, жили безмятежно и пользовались счастьемъ, насколько это удастся обыкновеннымъ людямъ. Гениальный больной братъ и здоровый, похожія на своихъ родителей сестры были совершенно чужды другъ другу; даже блестящее образованіе, полученное Анной и Елизаветой Гоголь, благодаря ихъ знаменитому брату, не выдѣлило ихъ изъ толпы, и для насъ вполне понятно, что попытки Н. В. Гоголя пріохотить своихъ сестеръ къ литературному труду оказались безуспѣшны. Ничего безусловно выдающагося, ничего даже похожаго на гениальность, въ хорошей, честной, даже скажемъ, умной семьѣ Н. В. Гоголя не было, что и доказывается тѣмъ, что изъ этой семьи не вышло ни одного человѣка, хотя бы чѣмъ либо выдѣливагося изъ толпы, хотя сколько-нибудь извѣстнаго.

Такимъ образомъ мы имѣемъ право притти къ заключенію, что гениальность автора «Мертвыхъ Душъ» не была имъ унаслѣдована,

что въ семьѣ его не было ничего, что бы могло намъ объяснить геній Н. В. Гоголя. Еще разъ мы видимъ, что геній родился въ самой обыкновенной, почтенной семьѣ; между предками и сестрами Н. В. Гоголя не было ни одного лица, обладавшаго выдающимися способностями. Мы можемъ утверждать, что геній можетъ родиться въ каждой семьѣ, безъ всякой подготовки; геній это какое-то случайное, непонятное намъ уклоненіе. Біографія Н. В. Гоголя еще разъ подтверждаетъ намъ, что мы рѣшительно не знаемъ ни біологическихъ, ни психологическихъ условий, способствующихъ развитію генія. Особенно убѣдительно это положеніе подтверждается біографіей Н. В. Гоголя; не только своей геніальностью, но и всей своей организаціей, всѣмъ своимъ духовнымъ складомъ онъ отличался отъ своего семейства. Онъ во всемъ, по отношенію къ собственному семейству, былъ исключительнымъ явленіемъ; слѣдовало бы сказать, что геніальность это какое-то уродство, но это слово имѣетъ дурной смыслъ. Пока мы должны довольствоваться этимъ словомъ, такъ какъ оно лучше другихъ выражаетъ все то небольшое, что мы знаемъ о происхожденіи геніевъ. Н. В. Гоголь не былъ похожъ ни на отца, ни на мать, его геніальность не была дальнѣйшимъ развитіемъ способностей, имѣвшихся въ его семьѣ; почему-то, по непонятнымъ намъ причинамъ, въ почтенной, благодушной семьѣ родился геніальный сатирикъ. Поневолѣ намъ приходится геніальность Н. В. Гоголя объяснить болѣзнію, такъ какъ только болѣзнь можетъ намъ объяснить такое рѣзкое уклоненіе, такое существенное отличіе. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ же иначе можно объяснить тотъ несомнѣнный фактъ, что Н. В. Гоголь и своими удивительными способностями, и своей организаціей отличался отъ всѣхъ членовъ своего семейства. Только болѣзнь могла обусловить это столь полезное для всѣхъ насъ уродство и уклоненіе отъ типа. Унаслѣдованное вырожденіе или болѣзнь, перенесенныя въ дѣтствѣ, или же, что наиболѣе вѣроятно, то и другое вмѣстѣ, обусловили то уклоненіе въ организаціи, то уродство въ строеніи головного мозга, которое выразилось и въ геніальности, и въ особенностяхъ характера Н. В. Гоголя. Иначе мы не можемъ объяснить геніальности Н. В. Гоголя: болѣзнь обусловила одностороннее развитіе головного мозга, задержала гармоническое развитіе всего головного мозга.

Патологическая организація нервной системы Н. В. Гоголя

несомнѣнна и ею, или говоря иначе, болѣзнью, мы можемъ объяснить геніальность автора «Мертвыхъ Душъ». Остается не вполне выясненнымъ, чѣмъ объясняется и болѣзнь, и геніальность Н. В. Гоголя: унаслѣдованнымъ вырожденіемъ или случайнымъ заболѣваніемъ въ дѣтскомъ возрастѣ, но вѣдь это и не имѣетъ большого значенія.

Я вполне понимаю, что объясненіе геніальности, какъ патологическаго явленія, мало выясняетъ намъ сущность дѣла; если даже и признать какъ безусловно доказанное, что геній обусловленъ болѣзнью, что вообще геніальность есть патологическое уклоненіе отъ типа, все же остается не выясненнымъ главное: какія болѣзни и какимъ образомъ обуславливаютъ геніальность, какія уклоненія мозга бываютъ у геніальныхъ людей.

Однако такое объясненіе имѣетъ и нѣкоторую цѣнность, такъ какъ благодаря ему намъ вполне ясна ошибка біографовъ, старающихся объяснить геніальность характеромъ родителей, воспитаніемъ, влияніемъ среды и т. п. Всѣ такія попытки совершенно несостоятельны, какъ въ томъ убѣждаетъ насъ жизнь Н. В. Гоголя; ни среда, ни характеръ родителей, ни воспитаніе, ни впечатлѣнія дѣтства, ни образованіе, однимъ словомъ ничто, кромѣ болѣзни, не можетъ объяснить намъ удивительныхъ способностей Н. В. Гоголя.

Вообще, воспитаніе, влияніе родныхъ и друзей очень мало воздѣйствуютъ на геніальныхъ людей; жизнь Н. В. Гоголя можетъ служить этому хорошимъ подтвержденіемъ. В. А. Гоголь имѣлъ самое ничтожное влияніе на своего сына, въ чемъ конечно нельзя его обвинить; геніальный сатирикъ самъ перевоспиталъ себя, развивался вполне самостоятельно. Біографы, обычно, стараются объяснить жизнь и творчество генія воздѣйствіями на него среды, забывая, что геній и воспринимаетъ, и перерабатываетъ иначе, чѣмъ мы, обыкновенные люди; геній именно отличается и крайней самостоятельностью и громадной своеобразностью.

II.

О дѣтствѣ Н. В. Гоголя намъ ничего неизвѣстно, кромѣ того, что онъ часто хворалъ и вообще былъ ребенокъ болѣзненный; какъ и относительно дѣтства всѣхъ великихъ людей, и о дѣтствѣ Н. В. Гоголя имѣются свѣдѣнія, не заслуживающія ни малѣй-

шаго довѣрія. Есть любители сообщать невѣроятныя свѣдѣнія о жизни великихъ людей, почему вообще нужна крайняя осторожность при оцѣнкѣ сообщеній о Н. В. Гоголѣ; даже правдивый и образованный Данилевскій писалъ, что Гоголь «трехъ лѣтъ отъ роду, не учась грамотѣ у учителя, уже бѣгло читалъ и писалъ слова мѣломъ».

Нѣтъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что до поступленія въ Гимназію высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ, Гоголь воспитывался и учился также какъ и его сестры, ничѣмъ особеннымъ не выдѣлялся. Его болѣзненность мѣшала ему учиться настолько, что въ Полтавѣ потребовались усиленные занятія съ особо приглашеннымъ для этой цѣли учителемъ. Если бы до отъѣзда въ Нѣжинъ, Н. В. Гоголь чѣмъ-либо выдѣлялся, его наблюдательная мать обратила бы на это вниманіе и запомнила бы его подмѣченное.

Самымъ цѣннымъ матеріаломъ для сужденія объ отрочествѣ Н. В. Гоголя слѣдуетъ считать его письма. На основаніи этихъ писемъ можно судить, что и въ Нѣжинѣ здоровье Гоголя было неудовлетворительно; онъ жалуется на боли въ груди въ письмахъ отъ 14. VIII. 1821; 6. IX. 1821; онъ былъ опасно боленъ въ 1822-мъ году, и «долгое время не могъ писать (письмо отъ 10. X 1822); въ письмѣ отъ 3 X 1823, Гоголь пишетъ»: «извините, что я такъ худо пишу. Это отъ непривычки; ибо я, по правдѣ вамъ сказать, былъ боленъ». Жалобы Гоголя на свое плохое здоровье подтверждаются свидѣтельствомъ Данилевскаго: «онъ былъ болѣзненный ребенокъ. Лицо его было какое-то прозрачное. Онъ сильно страдалъ отъ золотухи; изъ ушей у него текло»... [Шенрокъ I. 123]. Воспоминаніе Данилевскаго о болѣзненности Гоголя заслуживаетъ полного довѣрія въ глазахъ врача; у дѣтей чахоточныхъ родителей часто бываетъ «золотуха», «прозрачное» лицо, гноетеченіе изъ ушей.

Слѣдуетъ считать большимъ счастьемъ, что Гоголь былъ отданъ въ Гимназію высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ, такъ какъ, съ большимъ правомъ, можно думать, что только благодаря крайне благоприятнымъ для здоровья условіямъ жизни въ этомъ заведеніи здоровье гениальнаго отрока значительно улучшилось. Прекрасный климатъ, великолѣпный садъ, новое зданіе, обширныя помѣщенія, удовлетворительный столъ, относительно малое число часовъ школьныхъ занятій, хорошій уходъ, образцовая медицинская помощь со стороны д-ра Орлая, все это Гоголь

едва ли бы нашелъ въ другомъ учебномъ заведеніи. Все, что намъ извѣстно о почтенномъ докторѣ Орлаѣ, даетъ намъ право думать, что Орлай никогда не забывалъ о своей главной обязанности, вносилъ врачебную точку зрѣнія въ дѣло воспитанія и, насколько могъ, заботился о здоровьѣ ввѣренныхъ его попеченію и какъ директора, и какъ врача, воспитанниковъ. Такимъ образомъ Гимназія высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ, укрѣпивъ здоровье Гоголя, сослужила великую службу передъ всѣмъ человѣчествомъ.

За первые годы пребыванія Гоголя въ Нѣжинѣ здоровье его несомнѣнно поправилось, что доказывается и всѣмъ его поведеніемъ и его письмомъ къ матери отъ 14. IV. 1826 года: «касательно моего здоровья, смѣло могу васъ увѣрить, что я еще никогда не былъ въ такомъ хорошемъ состояніи, какъ теперь: весель, радостенъ».

Дурное состояніе здоровья Гоголя въ первые годы его жизни въ ~~Нѣжинѣ~~ ^{Нѣжинѣ} весьма сильно вліяло и на его развитіе, и на его поведеніе. Слѣдуетъ согласиться съ Шенрокомъ (т. I, стр. 126), такъ характеризующимъ Гоголя за этотъ періодъ: «Гоголь долго держалъ себя ребенкомъ, при чемъ рѣшительно не обращалъ въ низшихъ классахъ ничьего вниманія; ему даже отводилось не слишкомъ завидное мѣсто въ свободныхъ товарищескихъ отношеніяхъ, хотя онъ не отставалъ отъ сверстниковъ въ обыкновенныхъ мальчишескихъ проказахъ въ классахъ и дортуарахъ, вслѣдствіе чего если и пользовался общеою любовью школьниковъ, то не внушалъ къ себѣ уваженія. Надъ нимъ часто смѣялись и трунили, толкали его, получая отъ него соотвѣтствующее возмездіе въ видѣ насмѣшливыхъ прозвищъ и кличекъ».

Дурнымъ состояніемъ здоровья Гоголя въ первые годы его жизни въ Нѣжинѣ нужно объяснить и то обстоятельство, что онъ не пристрастился къ какому либо спорту, хотя на физическія упражненія въ гимназіи было обращено столь большое вниманіе, что при выпускѣ «по окончаніи музыки, пѣнія и танцевъ бились на рапирахъ и сабляхъ пансіонеры, окончившіе курсъ наукъ: Григорьевъ, Данилевскій и Миллеръ», «танцовали матлотъ Пузырьскій и Данилевскій I. ¹⁾». Гоголь всю свою жизнь не любилъ физическихъ упражненій, что, конечно, объясняется его хилымъ

¹⁾ Лавровскій. Гимназія высшихъ наукъ Т. III. 1874. стр. 157.

здоровьемъ, и въ особенности очень дурнымъ состояніемъ здоровья въ отрочествѣ, т.-е. въ томъ періодѣ жизни, когда здоровые мальчики приохочиваются къ физическимъ упражненіямъ.

Гоголь плохо учился въ гимназій высшихъ наукъ, но его лѣность и плохіе успѣхи, никоимъ образомъ, не могутъ быть объяснены его болѣзненностью въ первые годы пребыванія въ Нѣжинѣ; слабыя, болѣзненные дѣти могутъ учиться очень хорошо; такъ какъ физическія упражненія, шалости не по силамъ такимъ дѣтямъ, дѣтское самолюбіе ихъ часто страдаетъ отъ ихъ физической слабости, то они учатся съ особымъ стараніемъ, и, по мѣрѣ способностей, старанія ихъ увѣнчиваются успѣхомъ. Очень здоровыя, хорошо сложенные дѣти нерѣдко тяготеютъ продолжительными классными занятіями; ихъ организмъ требуетъ движенія, бурныхъ шалостей. Что не слабое здоровье Гоголя было виной его плохихъ успѣховъ въ гимназій, доказывается и тѣмъ, что и въ старшихъ классахъ т.-е., когда его здоровье было удовлетворительно, онъ учился также, какъ и въ младшихъ.

Меня удивляетъ, что даже такой опытный и ученый педагогъ, какъ Н. А. Лавровскій, обвиняетъ Гимназію высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ за плохіе успѣхи Гоголя. Уже не говоря о томъ, что между преподавателями были и вполне почтенныя лица, и даже такіе, какъ профессоръ Бѣлоусовъ, настолько выдающійся и опередившей свое время, что жестоко пострадалъ за свое превосходство, но изъ Гимназій высшихъ наукъ вышло немало весьма полезныхъ и вполне просвѣщенныхъ дѣятелей, вся жизнь Гоголя свидѣтельствуетъ намъ, что, по складу своего ума, онъ не могъ хорошо учиться. Для меня несомнѣнно, что въ самой лучшей школѣ Гоголь учился бы плохо, хотя, конечно, изъ очень хорошей школы онъ вышелъ бы съ большимъ запасомъ свѣдѣній, чѣмъ изъ Гимназій высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ. Гоголь не могъ хорошо учиться, потому что своимъ умственнымъ складомъ, всей своей духовной организаціей рѣзко отличался отъ обыкновенныхъ людей. Несомнѣнно, что онъ обладалъ и воспримчивостью, и памятью, и сообразительностью несравненно лучшими, чѣмъ хорошіе ученики; несомнѣнно, что, даже оставляя въ сторонѣ его творчество, онъ по уму былъ гораздо выше средняго уровня, все-таки онъ не могъ никогда и ни въ какой школѣ учиться хорошо. По складу своего ума, въ теченіе всей своей жизни Гоголь могъ хорошо усваивать лишь то, что его интере-

совало лично, что имѣло непосредственный интересъ для него лично, что имѣло для него прямое значеніе; все остальное онъ усваивалъ и перерабатывалъ очень плохо, хуже чѣмъ лица среднихъ способностей. Поэтому онъ учился плохо въ школѣ, былъ сквернымъ профессоромъ, очень умнымъ человѣкомъ, съ весьма неполнымъ образованіемъ.

Гоголь не могъ хорошо учиться, потому что объективное знаніе, знаніе, какъ таковое, для него не имѣло значенія, не могло его интересовать. Арнольди, познакомившійся съ Гоголемъ въ послѣдніе годы его жизни, весьма тонко подмѣтилъ основное свойство ума Гоголя. «Если вы рассказывали ему что-нибудь для него новое, бросающее новый свѣтъ на отдѣльнаго человѣка или даже на цѣлое сословіе, онъ никогда не старался вникнуть внимательно въ вашъ рассказъ, замѣтить на сколько онъ былъ справедливъ и усвоить его себѣ или взять изъ него что-нибудь, какъ бы слѣдовало писателю съ такимъ громаднымъ талантомъ, задумавшему описать всю Россію въ одной поэмѣ—нѣтъ. Онъ просто переставалъ васъ слушать, дѣлался разсѣяннымъ и ясно показывалъ вамъ, что рассказъ не занимаетъ его. Учиться у другихъ онъ не любилъ»¹⁾. Психіатръ могъ бы къ этому мѣткому и весьма цѣнному наблюденію Арнольди прибавить лишь нѣсколько словъ: «потому что онъ не могъ».

Благодаря своей прекрасной памяти, Гоголь хотя и плохо, но учился въ Гимназій высшихъ наукъ; можно однако думать, что въ заведеніи болѣе требовательномъ онъ не кончилъ бы курса; слѣдовательно, еще разъ мы должны быть благодарны Гимназій высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ. Мы не имѣемъ основанія не довѣрять одному изъ наставниковъ Гоголя г. Кулжицкому, писавшему въ 21 № «Москвитянина» за 1854 (Шенрокъ т. I, стр. 86): «Онъ учился у меня три года и ничему не научился, какъ только переводить первый параграфъ изъ хрестоматіи при латинской грамматикѣ Кошанскаго». Едва ли при современныхъ требованіяхъ гениальный Гоголь окончилъ бы гимназію.

Только психіатръ можетъ понять странный и непонятный складъ ума Гоголя; дѣйствительно, для педагога неясно, почему способный, интеллигентный и даже вдумчивый ученикъ учится плохо; одни объясняютъ плохіе успѣхи такихъ учениковъ лѣнью,

¹⁾ Арнольди. Мое знакомство съ Гоголемъ. Русскій Вѣстникъ 1862.

другіе обвиняють въ плохихъ успѣхахъ школу. Гоголь не былъ живымъ, рѣзвымъ мальчикомъ; такіе мальчики, даже надѣленные хорошими способностями, иногда учатся плохо, потому что ихъ сильный организмъ требуетъ много физическаго движенія. Всѣ мы встрѣчали людей умныхъ и способныхъ, вполне равнодушныхъ къ знанію; эти люди съ сильно развитой физической жизнью: кутилы, обжоры, охотники, спортсмены и т. п.; ихъ духовная жизнь угнетена, если можно такъ выразиться, насчетъ физической жизни. Гоголь былъ человѣкъ интеллигентный, жившій почти всецѣло духовной жизнью, и тѣмъ не менѣе всю жизнь, «онъ у другихъ учиться не любилъ»... очевидно, что ничто не могло его отвлекать отъ умственной жизни: всегда онъ жилъ духовной жизнью, не любилъ физическихъ упражненій, не кутилъ, не пилъ, и вообще не наслаждался земными радостями; онъ не прочь былъ хорошо покушать и иногда пофрантить, но вѣдь эти маленькія слабости не могли отвлекать его отъ умственныхъ интересовъ.

Мы, психіатры, прекрасно знаемъ тотъ странный складъ ума, который вполне проявился у Гоголя уже въ его отрочествѣ: полное равнодушіе къ знанію, при хорошихъ способностяхъ, отсутствіе интереса ко всѣмъ предметамъ преподаванія безразлично рядомъ съ дѣятельнымъ, пытливымъ умомъ именно бываетъ у лицъ съ патологической организаціей нервной системы. Эти лица не могутъ любить знанія, не любятъ учиться у другихъ, имъ нѣтъ возможности пріохотить ихъ къ наукѣ, пріучить ихъ къ систематической умственной работѣ. Ихъ живо интересуется только то, что имѣетъ непосредственный интересъ къ ихъ личности, и поэтому они могутъ имѣть хорошія познанія въ нѣкоторыхъ областяхъ, при полномъ невѣжествѣ въ другихъ. Несмотря на всю свою интеллигентность, они равнодушны къ истинѣ, не любятъ учиться.

Такъ какъ я подробно высказался по этому вопросу въ моей работѣ «Интеллектуальныя чувствованія у душевно-больныхъ¹⁾», то здѣсь ограничусь лишь краткимъ изложеніемъ.

У нѣкоторыхъ лицъ съ патологической организаціей нервной системы крайне слабы или даже совершенно недоразвиты интеллектуальныя чувствованія т.-е. чувствованія, сопряженные съ

умственной дѣятельностью. Я думаю, что правильнѣе всего вмѣстѣ съ Ladd¹⁾ и Davis²⁾ интеллектуальныя чувствованія свести въ двѣ группы, два класса, признавать два основныхъ типа—это любовь изслѣдованія, изученія и любовь къ истинѣ. У лицъ съ патологической организаціей нервной системы изученіе, изслѣдованіе не вызываетъ пріятныхъ чувствованій, они не могутъ испытывать какъ Гете «священное изумленіе» передъ истиной. Конечно, немало и вполне здоровыхъ лицъ, не любящихъ изученія, не чувствующихъ прелести истины, но это тупые люди или наконецъ лица, у которыхъ животная жизнь подавляетъ духовную.)

При врожденной слабости или недоразвитіи интеллектуальныхъ чувствованій, при хорошихъ умственныхъ способностяхъ, умственные занятія, какъ въ школѣ такъ и по окончаніи ея, не могутъ быть успѣшны. Самолюбіе, личный интересъ, капризъ, та или другая цѣль могутъ понудить такихъ лицъ заняться наукой; иногда въ началѣ дѣло идетъ недурно, но уже скоро врожденная слабость интеллектуальныхъ чувствованій проявляетъ себя; не испытывая пріятныхъ чувствованій при изслѣдованіи, утѣшающихъ скромныхъ и даже скудно одаренныхъ тружениковъ науки, лицо съ врожденной слабостью интеллектуальныхъ чувствованій, забрасываетъ начатую работу; остается только блестяще-написанное вступленіе, первая глава и т. п. Друзья, не понимающіе особенностей его склада ума, удивляются, что талантливый, самоуверенно толкующій о своихъ научныхъ трудахъ психопатъ не можетъ окончить ни одного начатаго труда обвиняется среда, недостатокъ средствъ и т. п.

Изученіе жизни Гоголя крайне поучительно именно въ этомъ отношеніи, такъ какъ у Гоголя весьма рельефно былъ выраженъ этотъ дефектъ нервной организаціи, и мы хорошо можемъ въ теченіе всей жизни автора «Мертвыхъ Душъ» прослѣдить его нелюбовь учиться у другихъ, такъ какъ всегда онъ учился лишь тому, что имѣло непосредственное отношеніе къ его личности, следовательно, весьма немногому.

Дальнѣйшее изученіе біографіи Гоголя выяснитъ намъ вполне этотъ дефектъ нервной его организаціи.

У лицъ съ слабыми интеллектуальными чувствованіями не мо-

1) Нейрологическій вѣстникъ 1899. вып. 1, 2, 3.

1) Psychologie p. p. 564—569 г.

2) Elements of Psychologie 284—286

Может быть священного изумления перед истиной, и потому они не могут быть правдивы; они или прямо говорят неправду, или без всякой надобности, или для достижения грубо-утилитарных целей, или замѣняют истину фразами и риторикой; неискренность, преувеличенія и умолчанія суть неизбѣжные послѣдствія отсутствія священного изумленія перед истиной. Было бы несправедливо такихъ лицъ обвинять во лживости; они не испытываютъ того непріятнаго чувствованія, которое переживаетъ нормальный, порядочный человекъ, когда онъ, по той или другой причинѣ, обманываетъ; профессоръ, рѣшившійся, чтобы понравиться начальнику или вліятельному другу, прочесть лекцію не изъ курса, но специально подготовленную на сей случай, долго чувствовалъ бы себя очень дурно, стыдился бы своихъ слушателей; Гоголь, угостившій Пушкина и Жуковского лекціей объ А. Машунѣ, напротивъ былъ самаго лучшаго о себѣ мнѣнія и презиралъ какъ товарищей, такъ и студентовъ.

Эта неискренность Гоголя, обусловленная патологической организацией его нервной системы, сказалась очень рано вмѣстѣ съ его удивительною практичностью; въ письмѣ отъ 7.1.1822 онъ пишетъ, что взялъ у товарища ножикъ, чтобы «посмотрѣть»; «я забылъ ему отдать сейчасъ, а положилъ въ свой ящикъ, но черезъ минуту посмотрѣлъ въ ящикъ, и его уже тамъ не было. Теперь онъ говоритъ, чтобы я отдалъ сейчасъ ему восемь рублей, а не то—такъ онъ возьметъ всѣ мои вещи и еще пожалуется гувернерамъ, и они меня накажутъ со всею строгостью». Гоголь обѣщаетъ больше не брать чужихъ вещей и проситъ «пришлите мнѣ денегъ, хоть рублей десять». Конечно, вполне нормальные, но дурно воспитанные и дурные мальчики пишутъ и не такія небылицы родителямъ, чтобы выманить десять рублей, но вѣдь Гоголь былъ воспитанъ правдивыми, нѣжно его любящими родителями, былъ хороший сынъ и скромный мальчикъ. Это письмо очень характерно; я зналъ одного кадета, выманивавшего у родителей пятнадцать рублей, выдумавъ, что онъ сломалъ казенное ружье; онъ кончилъ очень дурно.

Удивительная практичность Гоголя, его непостижимое умѣніе подмѣчать слабыя стороны людей и пользоваться этими слабостями, проявилась у него очень рано. Кукольникъ рассказываетъ: «Иванъ Семеновичъ (Орлай) не жаловалъ, если ученики во время лекцій оставляли классы и прогуливались

по коридорамъ, а Гоголь любилъ эти прогулки, а потому немудрено, что частенько наткнулся на директора, но всегда выходилъ сухъ изъ воды и всегда одною и тою же продѣлкой. Завидѣвъ Ивана Семеновича издали, Гоголь не прятался, шелъ прямо къ нему навстрѣчу, раскланивался и докладывалъ: «Ваше превосходительство! я сейчасъ получилъ отъ матушки письмо. Она поручила засвидѣтельствовать вашему превосходительству усерднѣйшій поклонъ и донести, что по вашему имѣнію идетъ все хорошо». (Имѣніе Орлая, при которомъ находилось всего шесть душъ, находилось по сосѣдству съ деревней матери Гоголя)... «Душевно благодарю! Будете писать къ матушкѣ, не забудьте поклониться ей отъ меня и поблагодарить...» Таковъ былъ обыкновенный отвѣтъ Ивана Семеновича, и Гоголь безпрепятственно продолжалъ прогулку по коридорамъ (Шенрокъ I, с. 76).

Необходимо замѣтить, что Орлай считался хорошимъ знакомымъ семейства Гоголя, заботился о Н. В. Гоголѣ и принималъ въ немъ особенное участіе; въ случаѣ нужды въ деньгахъ, Гоголь могъ свободно обращаться къ Орлаю.

Еще болѣе искусства, уже совсѣмъ несвойственнаго обыкновеннымъ ученикамъ, проявилъ Гоголь, притворившись «бѣшеннымъ»; большого довѣрія заслуживаетъ рассказъ Кукольника объ этомъ происшествіи; но вѣдь и для того, чтобы избѣгнуть тѣлеснаго наказанія, ученики не притворяются «бѣшенными». Такое тонкое пониманіе начальническихъ сердецъ недоступно не только отрокамъ, но и взрослымъ, а Гоголь сообразилъ, что онъ, притворившись бѣшеннымъ, избѣгнетъ наказанія и причинитъ большія хлопоты и испугъ начальству и доктору. Само собою разумѣется, что Гоголь скверно изобразилъ «бѣшенство», такъ какъ не видѣлъ душевнобольныхъ, но для начальства и доктора, также не знавшаго психіатріи (а въ то время ея никто не зналъ), вѣрнаго изображенія «бѣшенства» и не требовалось.

Вотъ все, что можно сказать объ отроцествѣ Гоголя; на основаніи имѣющихся у насъ свѣдѣній, мы можемъ заключать, что въ этомъ возрастѣ проявились лишь нѣкоторыя особенности его характера, его нервной организации. Гоголь такъ рѣзко не походилъ на обыкновенныхъ людей, его организація была такъ своеобразна, что съ увѣренностью можно утверждать, что въ самой лучшей школѣ, самые опытные педагоги не разгадали бы этого

отрока, не могли бы существенно вліять на его развѣтіе. Гимназія высшихъ наукъ укрѣпила здоровье геніальнаго отрока, кое-чему его научила; большое ей спасибо за это.

III.

Только въ юношескомъ возрастѣ Гоголь занялъ между товарищами подобающее его крупной личности мѣсто; только теперь мы замѣчаемъ расцвѣтъ духовной жизни автора Мертвыхъ душъ.

Художественныя и творческія способности Гоголя въ этомъ періодѣ жизни проявились въ увлеченіи театромъ; по всей вѣроятности, онъ съ горячностью занялся театральными представленіями и хорошо игралъ. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ могъ заняться Гоголь въ Нѣжинѣ, а его богатая духовная натура требовала дѣятельности; къ научнымъ занятіямъ онъ былъ неспособенъ, къ физическимъ упражненіямъ—еще болѣе, рисовальщикъ онъ оказался плохой; вслѣдствіе недостаточнаго знанія языковъ сокровища художественной литературы ему были почти недоступны, и потому послѣ неудачныхъ попытокъ заняться рисованіемъ и литературой, Гоголь увлекся театромъ.

Еще болѣе ярко проявилась богатая духовная натура въ ранней проницательности, въ тонкой наблюдательности. Въ письмахъ къ Г. И. Высоцкому восемнадцатилѣтній Гоголь проявляетъ проницательность и вдумчивость, далеко не заурядныя; это серьезный, вдумчивый и наблюдательный юноша; можно лишь удивляться, какъ рано Гоголь сталъ серьезно относиться къ жизни, понимать слабыя стороны людей. Впрочемъ, нѣтъ надобности останавливаться на этомъ обстоятельстве, такъ какъ быстрое развитіе въ юношескомъ возрастѣ нельзя считать явленіемъ патологическимъ.

Въ юношескомъ возрастѣ у Гоголя проявилось два симптома его патологической нервной организаціи.

Во-первыхъ, Гоголь въ этомъ возрастѣ былъ совершенно безучастенъ къ женщинамъ; какъ по его письмамъ, такъ и по воспоминаніямъ его товарищей, никакихъ любовныхъ увлеченій въ этомъ возрастѣ у Гоголя не было.

Періодъ полового созрѣванія у всѣхъ нормальныхъ юношей сопровождается любовными увлеченіями, въ зависимости отъ характера, воспитанія, среды, любовь проявляется весьма различно; мы можемъ наблюдать всѣ переходы отъ мечтательной любви

къ невѣдомой героинѣ до грубаго посѣщенія «съ гигиеническаго цѣлю» по совѣту родственника или товарища «пансіоновъ безъ древнихъ языковъ». Нормальный юноша непремѣнно влюбляется или прямо начинается съ того, чѣмъ кончается любовь. Чѣмъ выше духовная натура юноши, чѣмъ лучше воспитаніе, имъ полученное, тѣмъ большую роль въ его жизни играетъ любовь; юноши тупые въ нравственномъ отношеніи, съ сильно развитою физическою жизнію, дурно воспитанные, довольствуются скотскою любовію и, при возможности удовлетворять свои тѣлесныя потребности, совершенно не доступны настоящей любви, и безучастны ко всѣмъ порядочнымъ дѣвушкамъ и женщинамъ.

При невозможности удовлетворить естественнымъ путемъ тѣлесныя потребности, юноши, по крайней мѣрѣ многіе, мастурбируютъ; по всей вѣроятности, въ Нѣжинѣ, въ двадцатыхъ годахъ, проституція не процвѣтала, а потому между учениками Гимназіи высшихъ наукъ мастурбація была распространена весьма сильно. Такъ какъ мастурбація не можетъ удовлетворить нормальныхъ юношей, то они непремѣнно или влюбляются или, по мѣрѣ возможности, удовлетворяютъ естественнымъ путемъ свои тѣлесныя потребности.

Считаю необходимымъ оговориться, что мнѣ крайне непріятно касаться этого вопроса, но, къ сожалѣнію, я не могу его обойти, въ виду того, что общепризнано, что здоровье автора «Мертвыхъ Душъ» пострадало именно отъ мастурбаціи. Еще на школьной скамѣ, я помню, наши почтенные наставники, убѣждая насъ во вредѣ онанизма, ссылались на примѣръ Гоголя: такой геніальный человѣкъ и заболѣлъ отъ онанизма. Недавно одинъ нашъ извѣстный ученый, когда я замѣтилъ въ разговорѣ, что отъ онанизма съ ума сойти нельзя, возразилъ мнѣ: «ужъ на что Гоголь былъ геніаленъ, и то заболѣлъ отъ онанизма». Однимъ словомъ, традиція объ онанизмѣ Гоголя такъ распространена, что, при всемъ нежеланіи касаться этого вопроса, я непремѣнно долженъ обстоятельно имъ заняться.

Вообще, не доказано, что Гоголь былъ онанистъ, и весьма возможно, что онъ вовсе не мастурбировалъ, или же мастурбировалъ лишь въ періодъ полового созрѣванія и въ ранней молодости. Легенда о мастурбаціи Гоголя создавалась потому, что онъ не имѣлъ любовныхъ увлеченій, даже самыхъ грубыхъ; это отсутствіе любовныхъ увлеченій объясняютъ тѣмъ, что онъ мастур-

бировавъ. Иначе лица, не знающія патологии половой жизни, и не могутъ объяснить отсутствія любовныхъ увлеченій. Но, во-первыхъ, у нѣкоторыхъ лицъ съ патологической организаціей нервной системы половыя желанія или совершенно отсутствуютъ, или такъ слабы, что они и не мастурбируютъ, и не имѣютъ половыхъ увлеченій. Весьма возможно, что Гоголь именно принадлежалъ къ этой категоріи, т.-е. и не мастурбировалъ, и не имѣлъ никакихъ любовныхъ увлеченій; такое предположеніе не можетъ быть опровергнуто, но и не можетъ быть доказано. Во-вторыхъ, нѣкоторые мастурбанты имѣютъ любовныя увлеченія; боязнь заразиться дурною болѣзнію, застѣнчивость побуждаютъ такихъ лицъ, когда не представляется возможности безопасно и удобно удовлетворить свои желанія естественнымъ путемъ, прибѣгать къ мастурбаціи. Поэтому только лица, не знающія патологии половой жизни, думаютъ, что субъектъ, не имѣющій половыхъ увлеченій, предается мастурбаціи.

По моему мнѣнію, мы можемъ съ одинаковымъ правомъ допустить, что Гоголь былъ мастурбантъ и что у Гоголя или совершенно отсутствовали половыя желанія, или были такъ слабы, что онъ не удовлетворялъ ихъ, ни естественнымъ путемъ, ни мастурбаціей.

Первое предположеніе болѣе распространено, и Ломброзо его считаетъ доказаннымъ; въ сущности для психіатра не имѣетъ большого значенія, какое изъ двухъ допущеній соотвѣтствуетъ дѣйствительности ¹⁾.

Если дѣйствительно Гоголь былъ мастурбантъ, то это доказываетъ лишь то, что Гоголь былъ надѣленъ патологической организаціей нервной системы; несомнѣнно, что мастурбація была симптомомъ болѣзни, а не ея причиной; если бы гениальный авторъ «Мертвыхъ Душъ» не былъ больнымъ или, по крайней мѣрѣ, ненормальнымъ, онъ не былъ бы мастурбантомъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ здоровый человѣкъ можетъ удовлетвориться мастурбаціей, можетъ не любить, не чувствовать сильнѣйшаго отвращенія къ мастурбаціи. Въ самомъ дѣлѣ, что, кромѣ патологической организаціи нервной системы, могло мѣшать Гоголю и кутить, и любить?

Если мы будемъ считать вѣрнымъ второе предположеніе, то

¹⁾ Lombroso. Der geniale Mensch. S. 116.

также должны считать такую ненормальность симптомомъ патологической организаціи нервной системы; трудно сказать, что мастурбація въ теченіе всей жизни или полное отсутствіе половыхъ желаній — составляетъ болѣе тяжелое патологическое явленіе, и потому, по моему мнѣнію, вопросъ, былъ ли Гоголь мастурбантъ, не заслуживаетъ большого вниманія. Важно и даже очень важно, что Гоголь не имѣлъ любовныхъ увлеченій, ни грубыхъ, ни идеальныхъ. Это особенно важно, потому что этотъ симптомъ его патологической организаціи оказалъ громадное вліяніе на его творчество. Гоголь не умѣлъ изображать любви, и любовь не играетъ роли въ его произведеніяхъ, если не считать романтической любви Андрея въ «Тарасѣ Бульбѣ». Въ изображеніи этого эпизода Гоголь проявилъ свое непониманіе любви: онъ ее описалъ совсѣмъ не такъ, какъ описывалъ явленія ему извѣстныя и понятныя. Непонятная, неизвѣстная Гоголю любовь могла ему казаться какою-то таинственной, чудной силой, способной понудить казака Андрея измѣнить казачеству и религіи только для того, чтобы увидѣть паненку, которую онъ развѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, видѣлъ въ Кіевѣ. Не только въ то время, но и въ наше, такіе простяки невозможны, и во всѣхъ произведеніяхъ Гоголя нѣтъ такого невозможнаго эпизода, какъ любовь Андрея. Гоголь, не интересовавшійся женщинами вслѣдствіе своей врожденной ненормальности, зналъ ихъ плохо, и изображалъ гораздо слабѣе, чѣмъ мужчинъ. Строго говоря, онъ не далъ намъ ни одного законченнаго изображенія женщины; онъ всегда съ большимъ знаніемъ рисовалъ мужчинъ. Я помню, какъ долго не могъ понять, почему въ произведеніяхъ Гоголя любовь не играетъ роли, почему лучшимъ его женскимъ образомъ была старуха Коробочка, почему онъ не далъ намъ художественныхъ образовъ дѣвушекъ: вѣдь Улинька это не образъ. Если бы и были сомнѣнія насчетъ того, зналъ ли Гоголь женское сердце, наблюдалъ ли онъ съ своею громадною проницательностію дѣвушекъ, то Улинька должна была бы насъ убѣдить, что Гоголь страдалъ патологическою организаціей нервной системы, лишившей его способности любить. Эта ненормальность Гоголя совершенно непонятна нѣкоторымъ его біографамъ; особенно рѣзко доказала непониманіе сложной натуры Гоголя г-жа Черницкая ¹⁾, удивительно ложно истолковавъ отношенія Гоголя къ

¹⁾ «Сѣверный Вѣстникъ» 1890, I.

Смирновой; «вообразивъ въ Гоголѣ рыцаря-однолюба, она не церемонится съ фактами», совершенно вѣрно говоритъ Шенрокъ (т. IV, стр. 369). Г-жа Черницкая рѣшительно не понимаетъ, что Гоголь не могъ любить: вся его жизнь и всѣ его произведения доказываютъ, что любви для него не существовало. Шенрокъ обнаруживаетъ глубокое знаніе Гоголя, горячо опровергая взглядъ Черницкой.

Извѣстно, что Гоголь любилъ рассказывать «непечатные» анекдоты и мастерски ихъ рассказывалъ; эти рассказы остались намъ неизвѣстны, потому что, въ виду ихъ крайней циничности, слышавшіе не могли ихъ намъ передать. Насколько я могъ узнать, конечно изъ вторыхъ рукъ, т.-е. отъ лицъ, слышавшихъ эти рассказы изъ устъ друзей и знакомыхъ Гоголя, цинизмъ весьма убѣдительно свидѣтельствуетъ о недоразвитіи у нашего великаго сатирика половой любви. Какъ я уже говорилъ объ этомъ въ моей работѣ «Тургеневъ, какъ психопатологъ»¹⁾, лица съ недоразвитыми или угасшими половыми чувствованиями именно склонны къ цинизму, любятъ неприличныя фотографіи, скабрзные рассказы и т. п. То же самое приходится повторить по поводу «непечатныхъ» анекдотовъ Гоголя: только органическимъ недостаткомъ, т.-е. недоразвитіемъ половой любви, можно объяснить, что великій художникъ могъ находить удовольствіе въ рассказахъ, просто гадкихъ для обыкновеннаго здороваго человѣка. Гоголь рассказывалъ «непечатные» анекдоты съ такимъ мастерствомъ, съ такимъ удовольствіемъ, что несомнѣнно его воображеніе было направлено въ извѣстную сторону: это не были шутки грубаго чувственнаго человѣка, лишеннаго художественнаго чутія,—нѣтъ, это были именно художественныя произведенія больного, страдающаго врожденнымъ недоразвитіемъ половой жизни.

Какъ извѣстно, Гоголь даже хотѣлъ напечатать довольно нескромный рассказъ «Пращка»; я не читалъ этого произведенія, но слышалъ, что и тутъ проявился грубый цинизмъ больного генія. Гоголь былъ настолько уменъ, что былъ крайне цѣломудренъ въ своихъ произведеніяхъ, предназначенныхъ для печати, но зато въ обществѣ друзей съ чисто болѣзненнымъ цинизмомъ описывалъ самыя грязныя, самыя сладострастныя сцены; воображеніе его много работало въ этомъ направленіи.

¹⁾ «Вопросы Философіи» 1899.

Не меньшее значеніе имѣетъ второй симптомъ патологической организациі нервной системы Гоголя, ясно проявившійся уже въ юношескомъ возрастѣ. Симптомъ этотъ еще мало разработанъ въ психіатріи, и по самому существу дѣла не совсѣмъ ясенъ не только для профановъ, но даже для специалистовъ; для его уразумѣнія необходимы и знаніе психологіи, и, главное, способность къ психологическому анализу.

Гоголь сразу, безъ всякаго основанія, или внѣшняго повода, измѣняетъ свои взгляды на людей; всѣ въ его глазахъ дѣлаются пошляками, ничтожествами; исключеніе составляютъ лишь лица имъ очень любимыя, ему особенно близкія. Тѣ лица, которыхъ онъ уважалъ, и которыя имѣли полное право на его уваженіе, безъ всякаго повода, безъ всякаго основанія вызываютъ съ его стороны только высокомѣрное порицаніе и презрѣніе.

Гоголь, такъ сказать, съ молокомъ матери всосалъ благоговѣніе къ Д. П. Трошинскому, привыкъ гордиться родствомъ съ этимъ сановникомъ, привыкъ считать его просвѣщеннымъ вельможей, благодѣтелемъ Малороссіи; вдругъ безусловное благоговѣніе замѣняется отрицательнымъ, высокомѣрнымъ отношеніемъ. Совершенно неосновательно объяснять такую перемѣну тѣмъ, что Гоголя оскорбило невниманіе Трошинскаго къ его матери, когда къ его пріѣзду дѣлались большія приготовленія, а между тѣмъ его «высокопревосходительство» не благоволило пріѣхать (Шенрокъ, I, стр. 135, примѣч.). Уже не говори о томъ, что Гоголь всегда былъ почтителенъ къ «властямъ придержащимъ», онъ былъ настолько уменъ, что не могъ требовать аккуратности въ посѣщеніяхъ отъ больного старика. Необходимо не забывать, что Д. И. Трошинскій родился въ 1754 году, а умеръ въ 1829, слѣдовательно, два года спустя послѣ того, какъ Гоголь измѣнилъ къ нему отношеніе.

Еще менѣе имѣлъ правъ Гоголь отрицательно относиться къ Орлаю; этотъ гуманный, почтенный директоръ такъ снисходительно и заботливо воспитывалъ Гоголя, что имѣлъ полное право на уваженіе и благодарность геніальнаго юноши; тѣмъ, кто не признаетъ этой черты характера Гоголя симптомомъ патологической организациі его нервной системы, крайне тяжело читать отзывы Гоголя объ Орлаѣ; если геніальный юноша такъ отрицательно и высокомѣрно относился къ руководителю своего воспитанія, то чего же слѣдуетъ ожидать отъ посредственностей и тупицъ.

Нечего и говорить, что отношеніе къ обыкновеннымъ смертнымъ было еще болѣе высокомѣрно; это «дураки», «существователи»; Гоголю тяжело даже жить среди такихъ ничтожествъ. «Ты знаешь всѣхъ нашихъ существователей, всѣхъ населившихъ Нѣжинъ. Они задавили корою своей земности, ничтожнаго самодовольствія высокое назначеніе человѣка. И между этими существователями я долженъ пресмыкаться... Изъ нихъ не исключаются и дорогіе наставники наши». (Письмо къ Г. И. Высоцкому. 26, VI, 1827).

Какъ и всегда бываетъ у лицъ съ патологической организаціей, у Гоголя «существователи» вызываютъ враждебное отношеніе не потому, что они только существуютъ, а потому, что они непочтительны и не любезны. Вина существователей всегда состоитъ въ томъ, что презирающій ихъ очень требователенъ въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ, очень обижается, что «дураки» его мало уважаютъ, а потому считаетъ себя напрасно оскорбляемымъ и даже преслѣдуемымъ. Само собою разумѣется, что презирающій «существователей» очень высокаго мнѣнія о самомъ себѣ, считаетъ себя неизмѣримо выше неуважающихъ, а слѣдовательно оскорбляющихъ и даже преслѣдующихъ существователей; онъ, конечно, со временемъ уничтожитъ всѣхъ своихъ преслѣдователей, такъ какъ онъ неизмѣримо выше ихъ.

Все это съ буквальной точностью повторилось и въ исторіи болѣзни Гоголя; въ письмѣ къ матери отъ 1. III. 1826 онъ между прочимъ пишетъ: «но врядъ ли кто вынесъ столько неблагодарностей, несправедливостей, глупыхъ, смѣшныхъ притязаній, холоднаго презрѣнія и проч. Все выносилъ я безъ упрековъ, безъ роптанія, никто не слыхалъ моихъ жалобъ, я даже всегда хвалилъ виновниковъ моего горя. Правда, я почитаюсь загадкой для всѣхъ, никто не разгадалъ меня совершенно... Нѣтъ, я слишкомъ знаю людей, чтобы быть мечтателемъ. Уроки, которые я отъ нихъ получилъ, останутся навѣки неизгладимыми, и они вѣрная порука моего счастья. Вы увидите, что со временемъ за всѣ ихъ худыя дѣла я буду въ состояніи заплатить благодарностями, потому что зло ихъ обратится мнѣ въ добро».

Для психіатра не имѣетъ особаго значенія, что восемнадцатилѣтній, плохой ученикъ, кромѣ участія въ спектакляхъ, не имѣлъ никакого права презирать существователей; къ сожалѣнію, и вполне нормальные люди, конечно не всѣ, переоцѣниваютъ свои до-

стоинства и свысока смотрятъ на лицъ, у которыхъ не достойны «развязать ремень обуви»; такое ни на чемъ не основанное высокомѣріе особенно часто у плохо учившихся или, говоря правильнѣе, невѣжественныхъ молодыхъ людей. Моралистъ имѣлъ бы право упрекнуть Гоголя за такое высокомѣрное презрѣніе—это не былъ тупой, глупый юноша, которому прощительно презрѣніе даже къ «дорогимъ наставникамъ». Психіатръ долженъ съ особымъ вниманіемъ анализировать происхожденіе высокомѣрнаго презрѣнія Гоголя ко всѣмъ, кромѣ немногихъ любимыхъ имъ лицъ. Несмотря на всю свою проницательность, ни въ чемъ «существователей» Гоголь обвинить не могъ: во-первыхъ, они ничѣмъ не заслуживали презрѣнія, во-вторыхъ, даже Гоголь въ восемнадцать лѣтъ не могъ правильно судить своихъ «дорогихъ наставниковъ»; при томъ же Гоголь и не интересовался ни образованіемъ, ни умомъ своихъ «дорогихъ наставниковъ», такъ какъ учился лишь настолько, чтобы выдержать экзаменъ. Можно было бы думать, что намъ остались неизвѣстны истинныя причины высокомѣрнаго презрѣнія Гоголя къ лицамъ, вмѣстѣ съ которыми ему пришлось жить; такое предположеніе невѣроятно для психіатра. Мы знаемъ, что лица съ организаціей Гоголя никогда объективно къ людямъ не относятся; они презираютъ или, по крайней мѣрѣ, отрицательно относятся къ людямъ только потому, что тѣ недостаточно ихъ уважаютъ, не поклоняются имъ; тѣ же, кто почему-либо уважаетъ этихъ строгихъ судей существователей, оказываются и умными и прекрасными. Лица съ *параноическимъ характеромъ*, а именно такой характеръ проявился у Гоголя уже въ юношескомъ возрастѣ, непремѣнно съ высокимъ презрѣніемъ, или, по крайней мѣрѣ, вполне отрицательно относятся ко всѣмъ, кромѣ ближайшихъ друзей; а ихъ друзьями могутъ быть люди ихъ почитающіе, имъ поклоняющіеся. Для субъекта съ параноическимъ характеромъ всѣ люди ничтожны по сравненію съ нимъ, онъ всѣхъ ихъ презираетъ, хотя къ тому не имѣютъ никакихъ основаній; вѣдь и Гоголь ни въ чемъ не могъ обвинить существователей. Дѣйствительной причиной отрицательнаго отношенія ко всѣмъ и даже лицамъ, имѣющимъ полное право на уваженіе и благодарность у лицъ съ параноическимъ характеромъ, служитъ убѣжденіе, что къ нимъ всѣ относятся враждебно, что ихъ преслѣдуютъ, что «врядъ ли кто вынесъ столько неблагодарностей, несправедливостей, глупыхъ

смѣшныхъ притязаній, холоднаго презрѣнія и проч.), сколько они. Понятно, что они не могутъ иначе, какъ вполне отрицательно и съ презрѣніемъ, относиться къ своимъ преслѣдователямъ; имъ тяжело жить вмѣстѣ съ «существователями», причиняющими имъ столько огорченій.

Письмо Гоголя къ матери отъ 1. III. 1828 имѣетъ громадное значеніе для уясненія его параноическаго характера; оно особенно цѣнно, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ психіатра, потому что Гоголь, какъ и большинство лицъ съ параноическимъ характеромъ, былъ очень скрытенъ и, конечно, скрывалъ свои мысли о враждебномъ отношеніи къ нему «существователей», свои мысли о ничтожествѣ своихъ воображаемыхъ враговъ. Онъ былъ уменъ и понималъ, что подобныя жалобы могутъ ему повредить, обострить отношенія, усилить преслѣдованія, а потому только въ письмѣ къ матери проговорился объ этомъ обстоятельстве. Мы имѣемъ много основаній допустить, что мысли объ общемъ враждебномъ къ нему отношеніи, о преслѣдованіи его «существователями» весьма занимали Гоголя уже въ 1827 году. Съ такимъ же правомъ мы можемъ допускать, что Гоголь, со свойственной ему скрытностью и осторожностью, написалъ матери далеко не все, что онъ думалъ, значительно сгладилъ и смягчилъ жалобы на перенесенныя преслѣдованія.

Конечно, у Гоголя, какъ и у всѣхъ лицъ съ параноическимъ характеромъ, убѣжденіе, что его преслѣдуютъ, сложилось путемъ размышленія, было выводомъ изъ посылокъ; вѣдь и душевная жизнь больныхъ подчинена законамъ психологіи и логики; ихъ душевной жизнью управляютъ тѣ же законы, которые управляютъ нѣмой. Едва ли нужно говорить, что въ дѣйствительности не было никакихъ основаній для убѣжденія Гоголя, что его дѣлаютъ непріятности, что его преслѣдуютъ; напротивъ, мы знаемъ, что у него всегда было много поклонниковъ, что онъ умѣлъ находить преданныхъ друзей, умѣлъ пользоваться людьми, умѣлъ заставлять ихъ быть ему преданными и полезными.

Если несомнѣнно, что есть вполне здоровые молодые люди, съ высокомѣріемъ относящіеся и къ высокопоставленнымъ родственникамъ, и къ «дорогимъ наставникамъ» и къ товарищамъ, то столь же несомнѣнно, что здоровые молодые люди вовсе не склонны считать себя несчастными жертвами несправедливыхъ преслѣдованій.

Мысль о преслѣдованіи, о незаслуженныхъ непріятностяхъ является логическимъ выводомъ, необходимымъ дополненіемъ убѣжденія или даже неяснаго, но весьма живого чувства въ собственномъ превосходствѣ, въ собственномъ величіи. Понятно, что субъектъ, убѣжденный въ своемъ неизмѣримомъ превосходствѣ, свысока относится къ «существователямъ», а такъ какъ послѣдніе, конечно, не замѣчаютъ воображаемаго превосходства субъекта съ параноическимъ характеромъ, то къ высокомѣрію присоединяется враждебность. Если такой субъектъ и скрываетъ свои идеи о собственномъ величіи, и потому не даетъ повода къ насмѣшкамъ, все же «существователи» ему кажутся врагами, преслѣдователями, потому что ихъ равнодушное отношеніе къ воображаемому величію есть уже оскорбленіе, «холодное презрѣніе». Такому субъекту кажется оскорбленіемъ, «холоднымъ презрѣніемъ» непризнаніе его превосходства, обращеніе съ нимъ такое же, какъ и съ другими «существователями»; «дорогіе наставники», такъ же какъ и товарищи, казались Гоголю «виновниками его горя», и потому онъ къ нимъ относился враждебно, и какъ человѣкъ необыкновенный, въ чемъ онъ былъ увѣренъ, съ высокомѣріемъ.

Идеи величія, непремѣнный элементъ параноическаго характера, появились у Гоголя очень рано; въ вышеупомянутомъ письмѣ къ матери онъ уже общается «за всѣ ихъ худыя дѣла» заплатить благодарностями, потому что зло ихъ обратилось въ добро... «никто не разгадалъ меня совершенно».

Неизвѣстно, когда и какъ сформировались въ умѣ Гоголя мысли о его величіи, о его высокомъ назначеніи, о его неизмѣримомъ превосходствѣ надъ окружающей средой. Въ письмѣ къ матери отъ 24 III 1827 г. Гоголь пишетъ: «испытую свои силы для поднятія труда важнаго, благороднаго на пользу отечества, для счастья гражданъ, для блага жизни подобныхъ»; конечно, эти благородныя юношескія мечты дѣлаютъ только честь Гоголю; можно лишь удивляться, что юноша, одушевленный такими благородными желаніями, не находилъ нужнымъ хорошенько учиться. Болѣе ясно высказывается Гоголь въ письмѣ къ Высоцкому отъ 26 VI 1827 г. «Уединяюсь совершенно отъ всѣхъ, не находя здѣсь ни одного, съ кѣмъ бы могъ слить долговременныя думы свои, кому бы могъ ввѣрить мысленія свои, я осиротѣлъ и сдѣлался чужимъ въ пустомъ Нѣжинѣ». Въ письмѣ

отъ 3 X 1827 г. къ Косяровскому видно, что мысли о своемъ превосходствѣ уже давно занимали Гоголя. «Еще съ самыхъ временъ прошлыхъ, съ самыхъ лѣтъ почти непониманія, я пламенѣлъ неугасимою ревностью сдѣлать жизнь свою нужною для блага государства, я хотѣлъ принести хотя малѣйшую пользу. Тревожныя мысли, что я не буду мочь, что мнѣ преграждать дорогу, что не дадутъ возможности принести ему малѣйшую пользу, бросали меня въ глубокое уныніе. Холодный потъ проскакиваетъ на лицѣ моемъ при мысли, что можетъ быть мнѣ доведется погибнуть въ пыли, не означивъ своего имени ни однимъ прекраснымъ дѣломъ, быть въ мірѣ и не означить своего существованія—это было для меня ужасно». При всей своей скрытности Гоголь настолько обнаруживалъ свое самолюбіе, что уже видѣлъ: «У васъ почитаютъ меня своенравнымъ, какимъ-то педантомъ, думающимъ, что онъ умнѣе всѣхъ, что онъ созданъ на другой ладъ отъ людей... Какъ угодно почитайте меня, но только съ настоящаго моего поприща вы узнаете настоящий мой характеръ» (письмо къ матери отъ 1 III 1827). Очевидно, что Гоголю не удалось скрыть свои мысли о своемъ превосходствѣ, и онъ видѣлъ, что мать любящимъ сердцемъ, хотя отчасти, по-няла заблужденія сына.

Въ 1828 г. убѣжденіе въ своемъ превосходствѣ и, слѣдовательно, своемъ высокомъ призваніи въ душѣ Гоголя окрѣпло настолько, что онъ твердо рѣшилъ покинуть Малороссію, гдѣ его не оцѣнили и гдѣ онъ не могъ проявить себя, и ѣхать въ Петербургъ и даже въ чужія края. «Я ѣду въ Петербургъ непременно въ началѣ зимы, а оттуда Богъ знаетъ, куда меня занесетъ; весьма можетъ быть, что попаду въ чужіе края, что обо мнѣ не будетъ ни слуху, ни духу нѣсколько лѣтъ. Увѣренность въ своей необыкновенной судьбѣ такъ сильна, что онъ поручаетъ Косяровскому свою семью, занимается составленіемъ дарственной записи, передающей его часть наслѣдства матери.

«Можетъ быть и весьма вѣроятно, что въ самомъ дѣлѣ я отлучусь и слишкомъ далеко (это и есть мое намѣреніе), обо мнѣ не будетъ и слуху, между тѣмъ уплыветъ десять лѣтъ, законная давность, почему знать, каковы еще будутъ мои сестры! можетъ быть жадные наслѣдники не дадутъ ей и мѣста, гдѣ бы преклонить голову (Письмо Косяровскому 8 IX 1828 г.). Очевидно, что Гоголь чувствовалъ себя неизмѣримо выше окружаю-

щей среды, не могъ въ ней оставаться. Окружающая среда была такъ ему ненавистна, что онъ окончательно рѣшилъ уйти куда-нибудь подальше, туда, гдѣ ничто не будетъ ему напоминать о ненавистномъ прошломъ; онъ предназначенъ для другой жизни, хотя и не знаетъ для какой именно. Понятно, что для такого необыкновеннаго человѣка небольшое имѣніе жалкая обуза, и онъ, что, конечно, дѣлаетъ честь его сердцу, спѣшитъ переехать его матери.

Удивительный размахъ юношескаго честолюбія Гоголя ставилъ въ затрудненіе его біографовъ; допускалось вліяніе Д. П. Троицкаго, а Кояловичъ даже допускалъ, что на отроческую душу Гоголя имѣли сильное вліяніе слышанныя имъ преданія казацкой старины, въ которыхъ небольшая роль досталась его ближайшихъ предковъ. Шенрокъ вполне правъ, не соглашаясь съ мнѣніемъ Кояловича, и совершенно вѣрно и мѣтко характеризуетъ Гоголя въ юношескомъ возрастѣ. «Чѣмъ притязательнѣе становились замыслы Гоголя, тѣмъ на большее число лицъ распространялось его критическое отношеніе».

Біографы Гоголя, объяснявшіе широкій размахъ его юношескаго честолюбія чисто психологическими мотивами и вліяніемъ среды, упускаютъ изъ виду, что Гоголь не мечталъ о карьерѣ, богатствѣ, не имѣлъ хотя бы неясной мысли о какой-либо дѣятельности. Неужели нормальные молодые люди такъ думаютъ о своей будущности, какъ Гоголь? Развѣ здоровые молодые люди мечтаютъ исчезнуть на много лѣтъ въ чужихъ краяхъ, чтобы объ нихъ не было «ни слуху» и передаютъ свои права на имѣніе, чтобы черезъ десять лѣтъ «жадные наслѣдники» не завладѣли имъ.

Еще яснѣе намъ будетъ патологическій характеръ юношескаго честолюбія Гоголя, если мы припомнимъ, что въ то время онъ не имѣлъ рѣшительно никакихъ правъ считать себя выше другихъ, рассчитывать на удачу. Бѣдный, некрасивый, неловкій, болѣзненный, дурно образованный, кончившій по второму разряду, не знающій иностранныхъ языковъ, не обладающій никакими талантами, мелкій дворянинъ не имѣлъ права на успѣхъ въ жизни. Самъ Гоголь хорошо понималъ, что онъ не имѣетъ никакихъ правъ на блестящее будущее; въ томъ же письмѣ къ Косяровскому онъ пишетъ: «я знаю кое-какія ремесла: хорошій портной, недурно раскрашиваю стѣны алфрескою, живописью

работаю на кухнѣ и много кое-чего уже разумѣю изъ повареннаго искусства». Рядомъ съ такимъ разумнымъ сужденіемъ, Гоголь, какъ лицо съ параноическимъ характеромъ, все же приписываетъ себя хорошія качества: «всегда благодарю Бога—это за свою настойчивость и терпѣніе, которыми я прежде мало обладалъ: теперь ничего изъ начатаго мною я не оставлю, пока совершенно не окончу». Чрезвычайно характерное соединеніе вѣрнаго сужденія умнаго человѣка и патологической переоцѣнки лица съ параноическимъ характеромъ; нельзя считать это случайно сорвавшейся фразой, риторической фигурой; въ продолженіе всей своей жизни Гоголь высказывалъ ту же мысль: до сихъ поръ я ничего не сдѣлалъ, но навѣрное я много сдѣлаю.

Биографы Гоголя оправдываютъ ни на чемъ въ дѣйствительности не основанное высокое мнѣніе о себѣ и о своемъ призваніи его геніальностью; онъ прозрѣлъ свое великое будущее; принято думать о Гоголѣ, что онъ предугадалъ, предчувствовалъ и, въ концѣ концовъ, не ошибся въ своемъ дѣйствительно великомъ и славномъ призваніи. Конечно, послѣдующая дѣятельность автора «Мертвыхъ Душъ» даетъ право на такое неправильное заключеніе; но вѣдь самъ Гоголь никоимъ образомъ не могъ въ 1827 г. понимать, что онъ надѣленъ своеобразнымъ геніемъ, онъ не могъ ни догадываться, ни предчувствовать этого, а потому и не былъ надѣренъ заняться литературой. Геніальность необычайно рѣдко бываетъ у лицъ съ параноическимъ характеромъ, а всѣ такіа лица также переоцѣниваютъ свои силы, также много ожидаютъ отъ будущаго, также отрицательно относятся къ настоящему и къ людямъ, какъ Гоголь. Вѣдь, если бы Гоголь случайно не занялся литературой, онъ не измѣнилъ бы своего мнѣнія о себѣ, своего отрицательнаго отношенія къ дѣйствительности, и когда онъ завоевалъ себѣ право на величіе, онъ основывалъ высокое о себѣ мнѣніе не на своихъ дѣйствительныхъ заслугахъ, которыя цѣнили очень низко.

Такимъ образомъ уже въ юношескомъ возрастѣ у Гоголя проявился параноическій характеръ; идеи величія и идеи преслѣдованія онъ высказывалъ уже очень рано; въ психіатріи еще не рѣшенъ окончательно вопросъ, какія идеи появляются раньше: идеи величія или идеи преслѣдованія; можетъ быть, онѣ развиваются параллельно; поэтому я не буду здѣсь разбирать этого

вопроса, такъ же какъ и вопроса о происхожденіи идей величія, тѣмъ болѣе, что объ этомъ я уже высказалъ мои взгляды въ работѣ «Апперцептивные процессы у душевнобольныхъ»¹⁾.

Я вполне понимаю, что пока мои доводы мало убѣдительны, и мнѣ могутъ возразить, что и здоровые юноши переоцѣниваютъ свое достоинство, отрицательно относятся ко всему и ко всѣмъ; пока я на такое возраженіе отвѣчу, что есть здоровые люди, незнающіе сколько имъ лѣтъ, не умѣющіе помножить двузначное число на однозначное; но однако лицо, вполне недоуверенное психіатріи, усумнилось бы въ психическомъ здоровьѣ своего знакомаго, если бы тотъ не могъ сказать, сколько ему лѣтъ, сколько копѣекъ въ трехъ двухгривенныхъ и т. п. Конечно, патологическое отъ фізіологическаго отличается лишь количественно; ничего абсолютнаго, отличающаго здороваго отъ больного нѣтъ. Впрочемъ, мнѣ придется еще много говорить о параноическомъ характерѣ Гоголя и потому я надѣюсь, что въ дальнѣйшемъ изложеніи это патологическое явленіе мнѣ удастся выяснитъ и полнѣе, и убѣдительнѣе.

Какъ психіатръ, я не останавливаюсь вообще на развитіи характера Гоголя, на его умственномъ развитіи, на его отношеніи къ матери и т. п. Все это сдѣлано весьма обстоятельно вполне компетентными изслѣдователями, особенно Шенрокомъ, и нѣтъ надобности повторять вкратцѣ то, что описано весьма обстоятельно и вполне вѣрно.

Я останавливаюсь лишь на двухъ особенностяхъ характера Гоголя, имѣющихъ нѣкоторое значеніе въ глазахъ психіатра.

Какъ-то странно, что юноша, ужасающійся мысли «погибнуть въ пыли, не означивъ своего имени ни однимъ прекраснымъ дѣломъ», поклявшійся «ни одной минуты короткой жизни своей не утерять, не сдѣлавъ блага», даже въ письмѣ къ другу, живущему въ Петербургѣ, пишетъ «какой-то у васъ модный цвѣтъ на фракѣ? Мнѣ очень бы хотѣлось сдѣлать себѣ синій съ металлическими пуговицами», спрашиваетъ у матери деньги на шитье фрака у лучшаго портного и вообще много заботится о своемъ туалетѣ. По своему франтовству Гоголь даже выдѣлялся между «нашими дураками» настолько, что его бывшій наставникъ, т.-е. жалкій «существователь» Кулжинскій обратилъ вни-

¹⁾ Архивъ психіатріи 1887.

маніе на эту черту характера и такъ хорошо о ней помнилъ, что много лѣтъ спустя сообщалъ объ этомъ слѣдующее («Москвитининъ», 1854 № 21): «Гоголь прежде всѣхъ своихъ товарищей, кажется, одѣлся въ партикулярное платье. Какъ теперь вижу его въ свѣтло-коричневомъ сюртукѣ, котораго полы подбиты были какою-то красною матеріей въ большихъ клѣткахъ. Такая подкладка считалась тогда *пес plus ultra* молодого щегольства, и Гоголь, идучи по гимназій, безпрестанно обѣими руками, какъ будто не нарочно, раскидывалъ полы сюртука, чтобы показать подкладку».

Было бы совершенно неправильно считать это щегольство невиннымъ мальчишествомъ, такъ какъ у Гоголя навсегда осталась претензія на щегольство; даже въ послѣдніе годы своей жизни Гоголь своимъ страннымъ щегольствомъ удивлялъ Арнольди. Также нельзя объяснять щегольство Гоголя любовью къ красивому; какъ извѣстно, костюмъ Гоголя, по мѣткому выраженію Лонгинова (Шенрокъ I. 143), «представлялъ рѣзкую противоположность щегольства и неряшества».

Лица съ параноическимъ характеромъ, такъ глубоко, можно сказать, органически увѣрены въ своемъ неизмѣримомъ превосходствѣ, такъ презируютъ «существователей», что рѣшительно не могутъ понимать даже мелкихъ своихъ недостатковъ, своихъ смѣшныхъ сторонъ; при томъ же имъ всегда хочется выдѣлиться отъ «существователей», не быть на нихъ похожими. Опытный психіатръ даже не станетъ объяснять параноику смѣшную сторону его туалета, потому что такой разговоръ только вызоветъ напрасное раздраженіе со стороны больного; параноикъ не можетъ понять, какъ онъ можетъ одѣваться дурно; то, что у другихъ смѣшно, у него дѣлается прекраснымъ; онъ смѣется надъ франтовствомъ другихъ, но то, что онъ дѣлаетъ, все прекрасно, потому что онъ выше толпы, онъ презируетъ своихъ враговъ. Такой больной можетъ отлично разсуждать о слабостяхъ другихъ людей, удивляться почему они не стараются избавиться отъ своихъ слабостей, но все, что онъ находитъ нужнымъ дѣлать, хорошо уже потому, что онъ это дѣлаетъ, и если онъ носить голубой галстукъ на розовой рубашкѣ, то это не можетъ быть нехорошо, потому что ему это нравится.

Только параноическимъ характеромъ Гоголя можно объяснить безвкусное, а подъ конецъ жизни, даже чудоковатое его фран-

товство; неужели Гоголь не понималъ, какъ смѣшно франтовство, особенно у человѣка бѣднаго; неужели у него не было достаточно наблюдательности и вкуса, чтобы понимать какъ смѣшны и прямо тягостны были его туалеты, которые онъ, по словамъ Арнольди, надѣвалъ въ Калугѣ. Не только Гоголь, но и люди неизмѣримо ничтожнѣе по сравненію съ Гоголемъ, или подавляютъ свое желаніе пофрантить, или научаются одѣваться элегантно.

Можетъ казаться, что дѣловитость и расчетливость Гоголя доказываютъ, что онъ былъ вполне здоровъ; дѣйствительно, можно удивляться какъ восемнадцатилѣтній Гоголь предусмотрительно осведомляется у Высоцкаго о петербургскихъ цѣнахъ и вообще объ условіяхъ жизни, какъ дѣловито оцѣниваетъ сообщенныя ему свѣдѣнія; даже въ томъ письмѣ къ матери, въ которомъ онъ проговорился о преслѣдованіяхъ и о своемъ величіи, онъ очень разумно обсуждаетъ вопросъ о жалованіи управляющему; онъ прекрасно знаетъ цѣны платья и видимо знаетъ толкъ въ деньгахъ.

Въ этомъ отношеніи онъ не похожъ ни на своихъ родителей, ни на своихъ сестеръ. Интересно, какъ рано складываются даже такіе мелкіе особенности личности; какъ извѣстно, Гоголь всю жизнь былъ очень дѣловитъ и зналъ цѣну деньгамъ. Конечно, такая дѣловитость и практичность ничуть не доказываютъ, что Гоголь былъ психически вполне здоровъ; не только лица съ патологической организаціей нервной системы, но и совершенно сумасшедшіе могутъ очень умѣло обращаться съ деньгами, прекрасно понимать свои выгоды и даже обманывать въ денежныхъ дѣлахъ вполне здоровыхъ людей.

Чувствованіе собственности очень элементарно и потому можетъ быть сохранено при многихъ душевныхъ болѣзняхъ; въ самомъ дѣлѣ, развѣ немало душевнобольныхъ и теперь управляютъ своими дѣлами гораздо лучше многихъ здоровыхъ.

Біографія Гоголя еще разъ подтверждаетъ, что основныя свойства характера складываются очень рано; въ Нѣжинѣ вполне ясно проявились не только основные или главные элементы личности Гоголя, но даже и такіе второстепенные, какъ безвкусное щегольство и дѣловитость. Я здѣсь не упоминаю о томъ, что уже въ юношескомъ возрастѣ Гоголь проявилъ свою гениальность—онъ уже *удивлялъ* людей, подмѣчалъ ихъ особен-

ности и смѣшныя стороны, и гениально ихъ передавалъ или изображалъ; пока это было лишь простое передразниваніе или игра на сценѣ. Какъ это обычно и бываетъ никто не отгадалъ гениальности Гоголя; самъ онъ, что вполне естественно, не понималъ значенія этой своей способности; не могъ же онъ мечтать о карьерѣ актера: въ то время актеры не пользовались уваженіемъ.

Самъ Гоголь лучше своихъ біографовъ понималъ неизмѣнность своего характера; мы должны согласиться съ нимъ, когда онъ говоритъ: «внутренне никогда не мѣнялся».

Умственные интересы не играли роли въ жизни Н. В. Гоголя, даже въ юношескомъ возрастѣ, то-есть въ томъ періодѣ, когда нормальные юноши, хотя конечно не всѣ, съ горячностью юности увлекаются идеей служенія наукъ.

IV.

Первые годы жизни Гоголя—періодъ его жизни наименѣе намъ извѣстный; свѣдѣнія объ этой порѣ жизни автора «Мертвыхъ Душъ» крайне скудны, такъ какъ тогда мало кто интересовался неизвѣстнымъ молодымъ человѣкомъ, а самъ Гоголь за это время писалъ очень рѣдко матери. Несомнѣнно, что ничего уже больше объ этомъ періодѣ жизни Гоголя мы никогда не узнаемъ, почему объ этомъ періодѣ психіатръ можетъ сказать очень мало.

Вслѣдствіе неспособности къ систематической, упорной работѣ и крайняго самолюбія, Гоголь не могъ хорошо устроиться въ Петербургѣ. Со свойственной ему дѣловитостью, онъ нашелъ весьма удобнаго для себя спутника, который заботился о расходахъ и вообще облегчилъ Гоголю дорожные хлопоты. Приѣхавъ въ Петербургъ, онъ отправился къ сановнику Л. И. Кутузову съ рекомендательнымъ письмомъ Д. П. Трошинскаго и такъ понравился Кутузову, что тотъ скоро перешелъ съ нимъ на ты и пригласилъ его часто бывать у себя. Нашлось и мѣсто, которымъ былъ бы очень доволенъ обыкновенный, дѣльный молодой человѣкъ; правда, мѣсто было неважное, и въ началѣ безъ жалованья или съ маленькимъ жалованьемъ, но вѣдь всѣ, а особенно кончившіе по второму разряду, XIV классомъ, начинаютъ такъ. Настойчивымъ трудомъ, энергіей, начавъ съ маленькаго мѣста, дѣльные молодые люди достигаютъ степеней извѣстныхъ, особенно при

протекціи, хотя бы и не большой; но, конечно, Гоголь съ его самолюбіемъ считалъ для себя унижительнымъ служить и работать, какъ всѣ. То, что считаютъ удачей, или, по крайней мѣрѣ, обычной службой, ему казалось неожиданной неудачей. «Вездѣ совершенно встрѣчалъ онъ однѣ неудачи, и, что всего страннѣе, тамъ, гдѣ ихъ вовсе нельзя было ожидать. Люди совершенно неспособные, безъ всякой протекціи легко получали то, чего я съ помощью своихъ покровителей, не могъ достигнуть». Намъ вполне понятно, что Гоголь, даже съ помощью покровителей, не могъ достигнуть того, чего достигали самые обыкновенные труженники, не имѣвшіе никакой протекціи. Гоголь не хотѣлъ работать и даже съ презрѣніемъ смотрѣлъ на работу. «Но признаюсь, ежели и тамъ нужно будетъ употреблять столько времени на глупыя занятія, то я слуга покорный». Гоголь не хотѣлъ работать такъ же, какъ не хотѣлъ въ Нѣжинѣ учиться, потому что онъ рѣшительно не былъ способенъ къ усидчивому, систематическому труду.

Само собою разумѣется, что служебныя неудачи не могли огорчать Гоголя; въ самомъ дѣлѣ, развѣ могли имѣть для Гоголя значеніе оцѣнки его «людьми совершенно неспособными», проводящими время за «глупыми занятіями»? Въ глазахъ Гоголя это была лишь непріятность, къ которой онъ привыкъ, незаслуженное преслѣдованіе, или же, что впервые онъ высказываетъ въ своихъ письмахъ, испытаніе, посланное свыше для его же счастья. «Какъ благодарю я вышнюю десницу за тѣ непріятности и неудачи, которыя довелось испытать мнѣ. Ни за какія драгоцѣнности въ мірѣ не примѣнилъ бы ихъ. Чего не извѣдалъ я въ то короткое время. Иному во всю жизнь не случилось имѣть такого разнообразія». Однимъ словомъ повторяется тоже самое, что уже высказано было въ письмѣ матери отъ 1 III 1827 г.

Для Гоголя работа въ канцеляріи была такъ тяжела, такъ невозможна, что даже нужда въ деньгахъ не могла его понудить работать хотя бы сколько-нибудь сносно; едва ли требованія къ Гоголю, какъ начинающему чиновнику, были очень строги; но извѣстно, что онъ даже не ходилъ по нѣсколькимъ днямъ подъ рядъ на службу.

Гоголь предпочелъ выпрашивать деньги у своего отдаленнаго родственника А. А. Трошинскаго. «Благодарность своему богатому родственнику Гоголь побуждаетъ высказать также

свою «въ живѣйшихъ и трогательнѣйшихъ выраженіяхъ», совѣтуя вмѣстѣ съ тѣмъ сказать о себѣ, что онъ въ своихъ письмахъ къ ней «не можетъ нахвалиться ласками и благодѣяніями, безпрестанно ему оказываемыми» (Шенрокъ т. 233). Большинство обыкновенныхъ молодыхъ людей предпочитаетъ «глупую работу» выпрашиванію денегъ у богатыхъ родственниковъ и лести имъ; но психіатръ не поставитъ въ упрекъ Гоголю, что онъ нуждался въ деньгахъ, вслѣдствіе нежеланія хорошенько служить: онъ не могъ служить, работа ему была не по силамъ, невозможна для него.

Само собою разумѣется, что Петербургъ не могъ удовлетворить Гоголя; очень скоро онъ почувствовалъ себя въ Петербургѣ еще хуже, чѣмъ въ Нѣжинѣ; ничто не интересовало его въ Петербургѣ, да и не могло интересоватъ, вслѣдствіе особенностей его характера; сколько извѣстно, даже драматическій театръ не привлекалъ его, уже не говоря объ оперѣ, балетѣ и музеяхъ. Гоголь пишетъ матери, что онъ не ходитъ въ театръ, изъ страха увлечься, а часто посѣщать театръ у него нѣтъ денегъ; но истинные театралы въ молодости ходятъ въ галерку, сидятъ безъ обѣда, чтобы имѣть деньги на покупку мѣстъ на галеркѣ. Гоголь не нуждался въ такой степени, какъ многіе студенты-театралы; полученныя отъ А. А. Трошинскаго деньги Гоголь, по его словамъ, употребилъ на покупку зимняго пальто и упоминаетъ, какъ о чемъ-то необыкновенномъ, что онъ «всю зиму отхваталъ въ лѣтней шинели». Въ годы Гоголя многіе не имѣютъ зимняго пальто, но по нѣскольку разъ въ недѣлю ходятъ въ театръ, оперу, концерты и т. п. Меня всегда удивляло, что даже такой серьезный біографъ Гоголя, какъ Шенрокъ, неоднократно упоминаетъ о томъ, что Гоголь могъ отдаваться художественнымъ наслажденіямъ; именно Гоголь вслѣдствіе патологической организациі нервной системы ничѣмъ не могъ интересоваться, кромѣ собственной личности, и даже въ молодости, когда обыкновенные люди увлекаются театромъ, пѣніемъ, стихами (поэзія доступна немногимъ), не ходилъ въ театръ, и ни въ чемъ не видно его увеличенія поэзіей. Правда, онъ интересовался театромъ, насколько это касалось его самого, и даже пробовалъ поступить на сцену, но повидимому, очень легко приписывается съ неудачей. Письмо къ матери отъ 29 IX 1830 г. по-
то Гоголь очень мало интересовался живописью; о

своихъ манишкахъ онъ пишетъ гораздо обстоятельнѣе, чѣмъ о выставкѣ въ академіи художествъ; ни малѣйшаго впечатлѣнія, эта выставка, нужно думать, на Гоголя не произвела, хотя онъ еще не видѣлъ до тѣхъ поръ картинъ великихъ мастеровъ. Какъ увидимъ потомъ, Лувръ также не произвелъ на него сильнаго впечатлѣнія.

Вообще, можно утверждать, что въ Петербургѣ его ничто не заинтересовало, и Гоголь чувствовалъ себя чужимъ въ Петербургѣ такъ же, какъ и въ Нѣжинѣ; лишь кружокъ пріятелей, ему поклонявшихся, доставлялъ ему удовольствіе, что Гоголь откровенно и заявлялъ: «мнѣ любо, когда я не ищу, но моего ищутъ знакомства». Вся жизнь Гоголя была почти непрерывнымъ страданіемъ именно потому, что ему ничего не было «любо», кромѣ того, когда его «ищутъ знакомства», но и это скоро ему уже не доставляло большого удовольствія, хотя всю жизнь и было «любо».

Безспорное психическое заболѣваніе поразило Гоголя на двадцать первомъ году жизни. Какъ извѣстно, 13 августа 1829 г. онъ уѣхалъ на пароходѣ за границу и 24 сентября на томъ же пароходѣ вернулся въ Петербургъ. Для всѣхъ біографовъ Гоголя этотъ эпизодъ его жизни такъ загадоченъ и непонятенъ, что даже такой проникательный ученый какъ Н. С. Тихонравовъ одной изъ важныхъ причинъ, вызвавшихъ поѣздку Гоголя за границу считаетъ неудачу, постигшую его Ганса Кюхельгартсена, а Шенрокъ говоритъ «такимъ образомъ, основнымъ психологическимъ мотивомъ поѣздки Гоголя было невольное поэтическое влеченіе» (Т. I, стр. 188). Если такіе серьезные изслѣдователи могли притти къ столь неосновательнымъ выводамъ, то нечего удивляться, что г-жа Черныцкая причиной поѣздки за границу считаетъ безумную любовь Гоголя къ Россетѣ, хотя въ то время онъ даже не могъ познакомиться съ этой фрейлиной.

Правильнѣе всѣхъ свою поѣздку объясняетъ самъ Гоголь. «Какъ бы то ни было, но это противувольное мнѣ самому влеченіе было, такъ сильно, что не прошло пяти мѣсяцевъ по прибытіи моемъ въ Петербургъ, какъ я сѣлъ уже на корабль, не будучи въ силахъ противиться чувству, мнѣ самому непонятному. Проектъ и цѣли моего путешествія были очень неясны». Слѣдуетъ повѣрить Гоголю, когда онъ объясняетъ возникновеніе этого противувольнаго влеченія, «мнѣ всегда казалось, что въ жизни моей

мнѣ предстоитъ какое-то большое самопожертвованіе, и что именно для службы моей отчизнѣ, я долженъ буду воспитаться гдѣ-то вдали отъ нея. Я не зналъ ни какъ это будетъ, ни почему это нужно; я даже не задумался объ этомъ, но видѣлъ самага себя такъ живо въ какой-то чужой землѣ тоскующимъ по своей отчизнѣ; картина эта такъ часто меня преслѣдовала, что я чувствовалъ отъ нея грусть».

Слѣдовательно, сперва у Гоголя возникла навязчивая идея; какъ гениальный наблюдатель, онъ прекрасно характеризуетъ признаки навязчивыхъ идей; онъ не зналъ «какъ» и «почему», «даже не задумался объ этомъ»; такіа идеи П. И. Ковалевскій вѣрно называетъ заблудившимися; больной не знаетъ и не понимаетъ какъ и почему у него возникла навязчивая или заблудившаяся идея. Въ этомъ еще нѣтъ ничего безусловно патологическаго, вѣдь и мы иногда не можемъ опредѣлить «какъ» и «почему» возникла у насъ та или другая идея. Больной однако, хотя и неясно, понимаетъ, что эта идея уже сложилась не обычнымъ путемъ, что она по своему содержанію не гармонируетъ съ міросозерцаніемъ больного, что она ему чуждая, не похожа на другія. Гоголь тоже понималъ, что мысль о самопожертвованіи, о воспитаніи вдали отъ родины, не вытекаетъ изъ міросозерцанія, не образовалась обычно, нелѣпа сама по себѣ. Но, конечно, не это составляетъ сущность навязчивыхъ идей; какъ то показываетъ самое ихъ названіе, онѣ навязываются сознанію, завладѣваютъ имъ; больной даже при всемъ желаніи, если навязчивая идея, по содержанію, ему непріятна, не можетъ освободиться отъ нея, не можетъ изгнать ея изъ сознанія. Навязчивая идея, какъ-то говоритъ Гоголь, «преслѣдовала его»; онъ не могъ отъ нея освободиться, и эта мысль, такъ же какъ и безсиліе отъ нея освободиться, были ему тягостны; онъ чувствовалъ «грусть».

Навязчивыя идеи нерѣдко остаются бездѣтельными, не вліяютъ на поступки, но могутъ и овладѣть волей; навязчивые, или насильственные, или импульсивные поступки могутъ быть обусловлены навязчивыми идеями. Идея стремится осуществиться; больной понимаетъ нелѣпость идеи, дурныя послѣдствія поступка, борется съ своимъ желаніемъ. Начинается тяжелая душевная борьба, мучительное для больного душевное томленіе; больной или уступаетъ навязчивой идеѣ и отдается импульсу, или подавляетъ патологическое желаніе. Душевное томленіе можетъ быть такъ

мучительно, такъ невыносимо, что, наконецъ, больной уступаетъ импульсу или навязчивому состоянію, хотя и сознаетъ, что поступаетъ безразсудно, и даже дурно, или глупо. Конечно, многое зависитъ отъ содержанія навязчивой идеи; если она ничтожна, больной легко уступаетъ насильственному желанію, напр., моетъ послѣ всякаго прикосновенія руки, считаетъ окна домовъ, мимо которыхъ проходитъ. Хотя больной и понимаетъ, что мыться, или считать окна безцѣльно, или даже глупо, но бороться противъ такихъ невинныхъ, хотя и чуждыхъ ему желаній, не стоитъ. Если навязчивое желаніе опасно или преступно, борьба продолжается долго и иногда кончается побѣдой желанія; такъ одна моя знакомая, измученная продолжительной борьбой, отрѣзала одну изъ двухъ костей, у своей старшей, замужней сестры; такъ извѣстный поджигатель Ш. совершилъ не менѣ четырнадцати поджоговъ¹⁾. Если же идея ужасаетъ больного, поступокъ представляется ему возмутительнымъ и крайне преступнымъ, даже у тяжело больныхъ находятся силы для побѣды надъ навязчивымъ желаніемъ. Я наблюдалъ больного, мучимаго желаніемъ осквернить чашу съ дарами во время выноса; это былъ глубоко набожный человѣкъ; онъ не ходилъ въ церковь, чтобы не поддаться насильственному желанію, хотя въ больницѣ, гдѣ онъ содержался, была церковь. Я не понималъ, почему этотъ очень набожный больной, получившій высшее образованіе, не ходитъ въ церковь, и даже совѣтовалъ ему посѣщать церковь; наконецъ, больной признался мнѣ, что его давно мучаетъ мысль о святотатствѣ; «картина»—что будетъ, если онъ ловкимъ ударомъ вышибетъ чашу изъ рукъ священника или плюнетъ въ нее его «часто преслѣдовала»; ему хотѣлось это сдѣлать и чувствуя, что, если онъ придетъ въ церковь, онъ совершитъ этотъ ужасный поступокъ, онъ не ходилъ въ церковь.

Конечно, если навязчивое желаніе фактически трудно осуществимо, требуетъ подготовительныхъ дѣйствій, борьба продолжается долго. Гоголь долженъ былъ подготовить мать, достать денегъ, добыть паспортъ и т. п.; наконецъ онъ ѣдетъ, при чемъ сперва преобладаетъ дурное настроеніе, обусловленное со-

¹⁾ Я описалъ этотъ случай «Объ импульсивныхъ актахъ». Вѣстникъ Судебной Медицины 1887; въ этой работѣ изложено ученіе объ импульсивныхъ актахъ.

знаніемъ, что онъ поступаетъ безразсудно и что онъ крайне огорчаетъ мать; едва ли гениальный Гоголь не понималъ, что его поѣздка смѣшна.

Даже много лѣтъ спустя, онъ хорошо помнилъ, что «противувольное мнѣ самому влеченіе было такъ сильно что я сѣлъ на корабль, не будучи въ силахъ противиться чувству, мнѣ самому непонятному». Хорошо помнилъ Гоголь, что онъ ѣхалъ «вовсе не затѣмъ, чтобы наслаждаться чужими краями», помнилъ, что на пароходѣ ему «стало грустно».

Обыкновенно больные, совершивъ импульсивный актъ, уступивъ насильственному желанію, успокоиваются, чувствуютъ себя хорошо, потому что навязчивая идея исчезаетъ; психіатры знаютъ, что укоры совѣсти даже въ тѣхъ случаяхъ, когда больной отлично понимаетъ, что совершилъ преступленіе, напр. поджогъ, не портятъ прекраснаго расположенія духа. Какъ только Гоголь пріѣхалъ въ Германію, онъ вполне успокоился, чувствовалъ себя такъ хорошо, что могъ основательно присмотрѣться къ постройкѣ домовъ въ Германіи; со свойственной ему дѣловитостью онъ изучалъ именно то, что могло пригодиться при перестройкѣ дома въ Васильевкѣ. Мы можемъ вполне повѣрить Гоголю, общавшему матери изъ Любека отъ 13 VII 1829: «Никакого особеннаго волненія не испытываю я»; самъ Гоголь удивляется, что столь очаровательная для молодого образованнаго провинціала «заграница» не произвела на него впечатлѣнія. «Но признаюсь все это еще какъ будто скользитъ по мнѣ и пролетаетъ мимо, не приковывая ни къ чему моего безжизненнаго вниманія». Конечно, Гоголь, при всей своей проницательности, не понималъ патологической особенности своей организаціи — неспособности интересоваться чѣмъ-либо, не имѣющаго прямого отношенія къ его личности. Какъ тонкій наблюдатель, онъ не могъ не отмѣтить дѣйствительно удивительнаго факта — молодой человѣкъ, долго мечтавшій о заграничѣ, наконецъ-то попалъ въ заветную страну и однако: «Ничего не бывало. Я въѣхалъ такъ, какъ бы въ давно знакомую деревню, которую привыкъ видѣть часто». Психіатръ поражается гениальной наблюдательностью двадцатилѣтняго Гоголя; дѣйствительно, для него всѣхъ насъ поражающая заграница такъ же неинтересна, какъ и давно знакомая деревня. Онъ даже пытается объяснить это удивительное безучастіе; онъ говоритъ, что его «вниманіе безжизненно»; если онъ

дѣйствительно хотѣлъ именно такъ сказать о своемъ вниманіи, то мы можемъ только изумляться его проницательности. Необходимо отмѣнить, что рядомъ съ такой тонкой наблюдательностью относительно своего душевнаго состоянія, онъ очень мало подмѣтилъ въ Любекѣ, хотя и старался занять мать описаніями имъ видѣннаго; обыкновенный молодой человѣкъ описалъ бы Любекъ гораздо лучше¹⁾.

Такъ какъ въ Германіи Гоголя ничто не интересовало, ему не зачѣмъ было оставаться за границей, и онъ, въ относительно хорошемъ расположеніи духа, вернулся въ Петербургъ; припадокъ прошелъ и больной почувствовалъ себя гораздо лучше; нѣтъ душевнаго томленія, нѣтъ борьбы, нѣтъ «противувольнаго» влеченія. Сознаніе, что совершонъ ненужный и даже смѣшной поступокъ, беспокоило Гоголя такъ же мало, какъ и другихъ больныхъ. По возвращеніи въ Петербургъ Гоголь былъ здоровъ.

Если бы за свою поѣздку Гоголь былъ преданъ суду, и меня спросили какъ эксперта о состояніи его умственныхъ способностей, я безъ колебанія, на основаніи имѣющихся у насъ свѣдѣній, высказался бы за душевную болѣзнь и невмѣняемость; на основаніи своего опыта, какъ эксперта, я увѣренъ, что судъ согласился бы со мною и примѣнилъ бы 96 ст. Уложенія о наказаніяхъ.

Такимъ образомъ первый несомнѣнный приступъ душевной болѣзни былъ у Гоголя на двадцать первомъ году жизни; считаю необходимымъ замѣтить, что импульсивные акты особенно часты именно въ этомъ возрастѣ; поджоги чаще всего совершаются психопатами въ возрастѣ полового созрѣванія. Поѣздки, какъ импульсивные акты, совершаются рѣдко, вслѣдствіе матеріальной трудности осуществленія; кромѣ того часто онѣ считаются глупой мальчишеской выходкой; я помню больного лютеранина, лѣтъ двадцати, отправившагося пѣшкомъ въ православный монастырь, расположенный верстъ за полтора отъ его дома, помню больную крестьянку, уѣхавшую потихоньку изъ дому въ губернский городъ, чтобы сдѣлаться діаконисой; оба, конечно, потомъ только удивлялись, какъ могла имъ придти въ голову такая странная мысль.

1) Я былъ въ Любекѣ и потому могу судить о томъ, какъ мало «безжизненное вниманіе» Гоголя было направлено на наблюденія въ этомъ городѣ.

Послѣ припадка здоровье Гоголя было удовлетворительно; 1830 — 32 годы лучшие въ многострадальной жизни автора «Мертвыхъ Душъ», потому что въ эти годы онъ пользовался удовлетворительнымъ здоровьемъ.

Несомнѣнно, что послѣ возвращенія изъ-за границы Гоголь принялся за свои безсмертныя «Вечера на хуторѣ»; для психіатра не имѣетъ значенія, когда именно, т.-е. въ 1829 или слѣдующемъ году, были написаны эти чудные рассказы, такъ какъ установлено, что до 1833 года здоровье Гоголя было хорошо.

Очень важно, что, какъ это окончательно доказалъ Шенрокъ, «преимущественно съ матеріальной точки зрѣнія смотрѣлъ онъ на дѣло въ началѣ», со свойственной ему дѣловитостью онъ замѣтилъ, что въ Петербургѣ интересуются Малороссіей, и хотѣлъ воспользоваться этимъ настроеніемъ, чтобы заработать деньги. Неуспѣхъ Ганса Кюхельгартена, непомѣщеніе въ Сѣверномъ Архивѣ даже перевода статьи «О торговлѣ русскихъ въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в.» доказали Гоголю, что нужно искать чего-либо новаго, интереснаго, чтобы заработать деньги на литературномъ поприщѣ¹⁾. Очевидно, не рассчитывая на блестящую обработку, онъ хотѣлъ заинтересовать содержаніемъ, при чемъ не придавалъ большого значенія и не возлагалъ большихъ надеждъ на это свое произведеніе. Онъ проситъ мать собирать свѣдѣнія о мѣстныхъ нравахъ, обычаяхъ и т. п., и вмѣстѣ съ тѣмъ проситъ прислать комедію отца, съ тѣмъ, что, можетъ быть, ее удастся продать театру. Едва ли можно сомнѣваться, что Гоголь не догадывался, даже смутно не предчувствовалъ, что онъ творитъ рассказы, которые составятъ ему славу, которыми будутъ наслаждаться миллионы его согражданъ.

Вечера—произведеніе Гоголя, написанное имъ, когда онъ пользовался наилучшимъ здоровьемъ, и потому наименѣе интересное

¹⁾ Шенрокъ, сопоставляя записъ Гоголя «выручилъ за статью (О торговлѣ и т. д.) 20 руб.» и тотъ фактъ, что статья эта была не напечатана, приходитъ къ предположенію, что переводъ былъ настолько неудовлетворителенъ, что хотя за него и было заплачено переводчику, но помѣстить его въ журналъ не признали удобнымъ». Такое объясненіе совершенно не правдоподобно уже потому, что такихъ простодушныхъ редакторовъ нѣтъ и не было; я думаю, что Гоголь по своему оптимизму записалъ въ приходъ 20 руб., отдавъ переводъ въ редакцію, гдѣ ему сказали, какъ то и бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, что статья можетъ быть напечатана, и если будетъ напечатана, то за нее заплатятъ 20 руб.

для психіатра. Перечитывая его много разъ, съ самымъ большимъ вниманіемъ, я ничего не могъ найти въ этихъ дивныхъ рассказахъ, что бы указывало на патологическое въ ихъ авторѣ. Впрочемъ, это можетъ быть зависеть и оттого, что восхищеніе отъ этихъ рассказовъ такъ сильно, что критическое къ нимъ отношеніе мнѣ не по силамъ. Можно лишь отмѣтить, что авторъ этихъ рассказовъ не знаетъ любовныхъ наслажденій и потому окружаетъ героинь романтическимъ ореоломъ. Все въ этихъ рассказахъ, кромѣ любви, сама жизнь; какъ только авторъ заговариваетъ о любви, о дѣвушкѣ или молодой женщинѣ, его восторженный романтизмъ очаровываетъ даже пресыщеннаго житію человѣка. Выдающіяся достоинства этаго произведенія Гоголя оцѣнены вполне; въ качествѣ простого читателя могу замѣтить, что только человѣкъ совершенно тупой можетъ не понимать прелести «Вечеровъ».

Въ этомъ, въ сущности, первомъ произведеніи Гоголя, несмотря на его крѣпкую молодость, проявились характерныя особенности его гения; уже тутъ мы встрѣчаемъ никому недоступное искусство давать живые образы съ помощью нѣсколькихъ штриховъ; уже въ «Вечерахъ» мы встрѣчаемъ совершенно живыхъ людей.

Геній Гоголя проявился сразу, очень рано, случайно, неожиданно для него самого, какъ что-то ему чуждое; безъ всякой подготовки, безъ всякой помощи, если можно такъ сказать, инстинктивно сталъ творить Гоголь, такъ же какъ соловей начинаетъ пѣть. Не по недостаточности свѣдѣній объ этомъ періодѣ жизни, а въ силу нашей неспособности понимать геній, мы рѣшительно не понимаемъ, какъ могъ двадцатилѣтній, мало видѣвшій, мало читавшій Гоголь овладѣть искусствомъ изображенія въ степени, недоступной опытнымъ, настойчивымъ, образованнымъ художникамъ слова. Намъ приходится довольствоваться объясненіемъ, въ сущности ничего не объясняющимъ, что Гоголь былъ надѣленъ особою способностью, не имѣющей у обыкновенныхъ смертныхъ.

Самъ Гоголь не цѣнилъ своего перваго произведенія, какъ не цѣнилъ и слѣдующихъ, понималъ ихъ не такъ, какъ понимаемъ ихъ мы, то-есть, мы должны сказать, что онъ ихъ не понималъ.

Онъ цѣнилъ ихъ лишь въ практическомъ отношеніи, и мастерски воспользовался своимъ успѣхомъ, чтобы завязать полезныя знакомства и улучшить свои финансы; очень скоро онъ по-

знакомился съ Плетневымъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ, Смирновой (тогда Россетъ); уже въ 1831 году Плетневъ далъ ему мѣсто учителя въ Патріотическомъ Институтѣ и доставилъ уроки въ частныхъ домахъ. Едва ли должность скромнаго учителя была выгоднѣе, чѣмъ служба въ канцеляріи; нужно думать, что Гоголь взялся за новое дѣло окончательно убѣдившись въ невозможности быть чиновникомъ. Графъ В. А. Соллогубъ рассказываетъ, какъ незавидна была доля гениальнаго писателя во время его учительства въ домѣ Васильчиковой, и право трудно понять, какъ у Гоголя хватало терпѣнія выносить всѣ непріятности. Едва ли онъ цѣнилъ эти занятія, какъ средство завязать связи въ высшемъ свѣтѣ; въ письмѣ къ матери онъ гордится своими знакомствами; болѣе вѣроятно, что онъ чувствовалъ себя такъ хорошо, что ему все казалось сносно, что жизненные неудачи мало его огорчали. Соллогубъ сообщаетъ даже, что Гоголь тогда былъ веселъ и даже весьма некстати смѣшилъ всѣхъ. Самъ Гоголь въ письмѣ къ матери отъ 16. IV 1831 весьма ясно характеризуетъ свое состояніе. «Я теперь болѣе, нежели когда-либо, тружусь, и болѣе нежели когда-либо веселъ. Спокойствіе въ моей груди величайшее».

V.

Самый важный и самый интересный періодъ жизни Гоголя—это съ 1830 по 1836; за эти годы сложились взгляды великаго писателя, въ эти годы имъ были созданы почти всѣ его великія произведенія, такъ какъ и «Мертвыя души» задуманы и начаты были въ Петербургѣ, и только окончательно обработаны и написаны за границей. Конечно, продуктивность Гоголя за этотъ періодъ жизни всецѣло зависѣла отъ сравнительно удовлетворительнаго состоянія его здоровья; можно лишь удивляться, какъ много сдѣлалъ нашъ великій сатирикъ за такой въ сущности короткій срокъ; вѣдь шесть лѣтъ это весьма немного; особенно, если мы примемъ во вниманіе, что въ то же время, онъ давалъ уроки, читалъ лекціи, занимался исторіей.

Для психіатра вполне понятно, что Гоголемъ почти все создано до 1836 года; это дѣйствительно лучшая пора для лицъ съ такой патологической организаціей нервной системы, какая была у Гоголя. Съ окончаніемъ молодости болѣзнь пошла впередъ болѣе быстрыми шагами, ухудшеніе стало прогрессировать

быстро, появилось раннее увяданіе, а, слѣдовательно, ослабленіе производительности.

Уже одно это обстоятельство указываетъ вполне ясно, что творчество Гоголя, какъ, впрочемъ, и всѣхъ великихъ творцовъ, очень мало зависѣло отъ внѣшнихъ условій, а почти всецѣло отъ внутреннихъ. Гоголь относился отрицательно къ Петербургу, жилому ему въ Петербургѣ нехорошо, и тѣмъ не менѣе только въ Петербургѣ проявилось его творчество во всемъ блескѣ.

Въ виду того, что за этотъ періодъ Гоголь пользовался относительно хорошимъ здоровьемъ, психіатру нѣтъ надобности подробно разсматривать все пережитое Гоголемъ въ Петербургѣ; можно ограничиться лишь краткимъ очеркомъ, только для того, чтобы выяснитъ развитіе болѣзни и послѣдующее состояніе Гоголя.

Успѣхъ «Вечеровъ» еще болѣе усилилъ самолюбіе Гоголя; даже по отношенію къ своимъ ближайшимъ друзьямъ онъ сталъ держать себя такъ высокомерно, что «наиболѣе любимый изъ кружка, Данилевскій, по его собственному показанію, никогда не рѣшался начинать съ Гоголемъ разговоръ о серьезныхъ его интересахъ, а вступалъ въ откровенную бесѣду о такихъ предметахъ только по приглашенію послѣдняго (Шенрокъ II, 4); даже среди своихъ друзей; Гоголь «никогда не держалъ себя нараспашку». Непокосимое убѣжденіе въ своемъ превосходствѣ, идеи величія, какъ то часто бываетъ, весьма импонировали знакомымъ и друзьямъ Гоголя; даже такой образованный и умный пріятель Гоголя, какъ Анненковъ, такъ смотрѣлъ глазами Гоголя, такъ подчинялся его сужденіямъ, что, утверждаетъ: «Честь безкорыстной борьбы за добро, во имя только самаго добра и по одному только отвлеченію къ извращенной и опошленной жизни, должна быть удержана за Гоголемъ этой эпохи». Интересно было бы знать, что сказалъ бы Анненковъ про обыкновеннаго смертнаго, такъ добравшагося до кафедръ, какъ это сдѣлалъ Гоголь, и такъ злоупотребившаго высокимъ званіемъ профессора.

Не нужно быть психіатромъ, чтобы понять, что убѣдить въ своемъ всестороннемъ превосходствѣ можетъ только больной съ бредовой идеей величія; если человѣкъ лжетъ, то это всѣ скоро замѣчаютъ. Великіе здоровые люди, конечно, лучше насъ, обыкновенныхъ смертныхъ, сознаютъ свои недостатки, и потому, напр., великій ученый и не станетъ никого убѣждать, что онъ ри-

суетъ лучше Рафаэля, а если бы ему вздумалось похвастать, то надъ нимъ только смѣялись бы. Гоголь, вслѣдствіе патологической организаціи нервной системы, такъ глубоко былъ убѣжденъ въ своемъ превосходствѣ, что былъ увѣренъ въ томъ, что уже черезъ три мѣсяца педагогической дѣятельности онъ несравненный педагогъ. Это убѣжденіе было въ немъ такъ сильно, что онъ почти убѣдилъ въ такомъ чудѣ Погодина. «Онъ рассказывалъ мнѣ много чудесъ о своемъ курсѣ Исторіи въ женскомъ Патріотическомъ институтѣ въ Петербургѣ. Изъ его воспитанницъ нѣтъ ни одной не успѣвшей». Если бы почтенный, опытный педагогъ такъ похвасталъ предъ Погодинымъ, то Погодинъ, съ его трезвымъ умомъ, или бы просто посмѣялся надъ хвастуномъ, или же записалъ въ дневникъ нѣсколько обидныхъ для хвастуна фразъ. Но Погодинъ настолько повѣрилъ двадцатидвухлѣтнему педагогу, въ мартѣ начавшему «курсъ», а въ іюнѣ рассказавшему «много чудесъ», что «такъ заинтересовался педагогическою дѣятельностью Гоголя, что тотчасъ написалъ Плетневу просьбу прислать ему для просмотра тетради Гоголевскихъ ученицъ въ патріотическомъ институтѣ». Плетневъ отвѣтилъ Погодину: «Не думаю, чтобы тетради ученицъ Гоголя могли вамъ на что-нибудь пригодиться... Я послѣ вашего письма нарочно пересматривалъ эти тетради и увѣрился, что ученическія записки всѣ равны, т. е. съ ошибками грамматическими, логическими и пр. и пр. ¹⁾». Слѣдовательно, и Плетневъ не сразу оцѣнилъ по достоинству «чудеса», сообщенныя Гоголемъ Погодину.

Казалось, что послѣ такого эпизода человѣкъ и не столь умный, какъ Погодинъ, долженъ бы весьма скептически относиться къ увѣреніямъ Гоголя, однако нашъ знаменитый историкъ долго считалъ Гоголя историкомъ, вѣрилъ въ его занятія исторіей.

Кто прочиталъ прекрасный трудъ Барсукова «Жизнь и труды Погодина», тотъ вполне пойметъ, что если рассказамъ Гоголя повѣрилъ Погодинъ, то Плетневъ, Жуковский и Пушкинъ должны были слѣпо вѣрить всему, что имъ говорилъ Гоголь. Чѣмъ менѣе склоненъ человѣкъ къ хвастовству, къ преувеличенію, къ неправдѣ вообще, тѣмъ онъ довѣрчивѣе, тѣмъ менѣе

¹⁾ Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина, т. 4, ст. 114.

онъ можетъ понять обманъ, а именно такими идеально правдивыми, чистосердечными и потому крайне довѣрчивыми людьми были эти идеально прекрасные друзья Гоголя.

Конечно, не всѣ психопаты съ идеями величія умѣютъ убѣдить почти всѣхъ въ своемъ универсальномъ превосходствѣ; для того, чтобы убѣждать людей, нужно имъ чравиться, нужно быть имъ пріятнымъ, нужно ихъ понимать, а гезіальный Гоголь именно читалъ въ сердцахъ людей, умѣлъ имъ нравиться и ими поэтому управлять. Нужно удивляться, съ какимъ рѣдкимъ умѣньемъ онъ держалъ себя по отношенію къ лицамъ, ему нужнымъ, и ни чуть не стѣснялся съ людьми, ему бесполезными. Насколько онъ обладалъ этимъ искусствомъ даже на двадцать третьемъ году жизни, мы узнаемъ изъ воспоминаній С. Т. Аксакова. Гоголь посѣтилъ Аксаковыхъ для того, чтобы съ помощью С. Т. Аксакова познакомиться съ Загоскинымъ, который былъ нуженъ Гоголю, какъ директоръ московскихъ театровъ. Благодушные, честные Аксаковы, конечно, и не догадались о цѣли визита къ нимъ Гоголя, который тотчасъ же понялъ, что Аксаковы его искренніе поклонники. Гоголь не нашелъ нужнымъ понравиться Аксаковымъ. «Вообще, въ немъ было что-то отталкивающее, недопускавшее меня до искренняго увлеченія. Константинъ... помнить, что онъ держалъ себя непривѣтливо, небрежно и какъ-то свысока, чего, разумѣется, не было, но могло такъ показаться. Ему не понравились манеры Гоголя, который произвелъ на всѣхъ, безъ исключенія, невыгодное, несимпатическое впечатлѣніе». Съ Загоскинымъ Гоголь держалъ себя такъ, что вполне очаровалъ нужнаго ему директора театровъ, и при томъ такъ, что С. Т. Аксаковъ, присутствовавшій при свиданіи, ничего не замѣтилъ, и не понялъ, чѣмъ Гоголь очаровалъ Загоскина. «Ну что,—спросилъ я Загоскина,—какъ понравился тебѣ Гоголь?»—«Ахъ, какой милый,—закричалъ Загоскинъ,—милый, скромный, да какой, братецъ, умница, умница!» и пр. и пр., а Гоголь, ничего не сказалъ, кромѣ самыхъ обиходныхъ, пошлыхъ словъ ¹⁾.

Если умный, весьма чуткій С. Т. Аксаковъ рѣшительно не понималъ, какъ внушилъ Гоголь Загоскину такое прекрасное о

¹⁾ С. Т. Аксаковъ. Исторія моего знакомства съ Гоголемъ. Русскій Архивъ. 1890. 8, стр. 68.

себѣ мнѣніе, присутствуя при ихъ свиданіи, то нечего удивляться, что почти всѣ, изучавшіе жизнь и произведенія Гоголя, понимали его еще менѣе, чѣмъ С. Т. Аксаковъ.

Глубокое, органическое убѣжденіе въ универсальномъ превосходствѣ такъ дѣйствовало на умныхъ и авторитетныхъ друзей Гоголя, что тѣ очень скоро убѣдились, что авторъ «Вечеровъ» можетъ писать и объ исторіи, и объ этнографіи, и объ архитектурѣ, однимъ словомъ, можетъ всему учить. Гоголь и очаровалъ и убѣдилъ въ своихъ универсальныхъ способностяхъ всѣхъ, кого онъ находилъ нужнымъ очаровать; они также, какъ и Загоскинъ, думали о Гоголѣ: «какой скромный», «какой умица». Поощреніе, высокое мнѣніе такихъ ученыхъ, какъ Погодинъ, Плетневъ, Максимовичъ, такихъ знаменитыхъ поэтовъ, какъ Жуковский и Пушкинъ, такой умной женщины, какъ Смирнова, до извѣстной степени, вліяло даже на Гоголя, преисполненнаго чудовищнымъ самоувереніемъ, и онъ, безъ всякой подготовки, почти безъ всякихъ знаній, начинаетъ писать обо всемъ, что случайно обратитъ его вниманіе. Онъ пишетъ по дидактикѣ (Планъ преподаванія всеобщей исторіи), по этнографіи, (О малороссійскихъ пѣсняхъ), объ архитектурѣ, скульптурѣ, живописи и музыкѣ, объ исторіи Малороссіи, объ исторіи среднихъ вѣковъ, объ историкахъ. Мы не можемъ упрекать друзей Гоголя за то, что они не остановили молодого, гениальнаго писателя на этомъ пути, и не объяснили ему, что такіе статьи недостойны его гения, что онъ не подготовленъ для научныхъ изслѣдованій. Во-первыхъ, друзья Гоголя были вполне имъ убѣждены, что онъ можетъ обо всемъ писать лучше другихъ, а во-вторыхъ, если бы какой-либо другъ Гоголя указалъ ему на заблужденія, то тотчасъ же обратился бы въ недруга и Гоголь прекратилъ бы съ нимъ знакомство.

Конечно, мы можемъ сожалѣть, что Гоголь тратилъ время и трудъ на статьи, недостойныя его гения, отвлекался отъ художественныхъ работъ, но все же эти статьи неизмѣримо полезны его писемъ «къ калужской губернаторшѣ», и вообще писемъ, писанныхъ изъ-за границы.

Я никакъ не могу согласиться съ многоуважаемымъ авторомъ Матеріаловъ для біографіи Гоголя, «приписывающимъ «легкое воззрѣніе» Гоголя на трудъ и долгъ вліянію Пушкина; между тѣмъ Гоголь, по недостатку выдержки въ трудѣ, не въ силахъ

былъ заковать себя въ суровыя колодки долга, и даже не считалъ этого для себя обязательнымъ. Такое легкое воззрѣніе въ значительной мѣрѣ объясняется вліяніемъ усвоеннаго отъ Пушкина взгляда—о преимуществахъ избранниковъ передъ толпой». (Шенрокъ; 1, стр. 371). Нѣсомнѣнно, что Пушкинъ и въ своихъ произведеніяхъ, и собственнымъ примѣромъ училъ насъ поклоняться труду и благоговѣть передъ долгомъ; упорный трудъ Петра Великаго нашелъ въ Пушкинѣ восторженнаго цѣнителя. Самъ Пушкинъ, чтобы описать лишь одно событіе—Пугачевскій бунтъ, много работалъ, изучалъ на мѣстѣ преданія и памятники, а послѣ тщательнаго, самаго добросовѣстнаго изученія, далъ скромное и краткое описаніе. Пушкинъ вполне повѣрилъ Плетневу, такъ рекомендовавшему Гоголя. «Онъ любитъ науки только для нихъ самихъ и готовъ для нихъ подвергнуть себя лишенію всѣхъ благъ». Нужно замѣтить, что Плетневъ былъ профессоръ, и лучше Пушкина зналъ Гоголя. Никитенко откровенно признается, какъ и почему онъ былъ введенъ въ грублужденіе Гоголемъ. «Признаюсь, и я подумалъ, что человѣкъ, который такъ въ себѣ увѣренъ, не испортитъ дѣла, и старался его сблизить съ попечителемъ»¹⁾. А Никитенко излишней довѣрчивостью не отличался, зналъ жизнь и людей.

Хотя Гоголь во время своей жизни въ Петербургѣ пользовался относительно хорошимъ здоровьемъ, но вполне здоровъ не былъ. Вслѣдствіе его крайней скрытности, мы даже не можемъ съ полною точностью судить о состояніи его здоровья, и нельзя отрицать, что нѣкоторые симптомы его болѣзненнаго состоянія намъ неизвѣстны, а о нѣкоторыхъ мы можемъ только догадываться.

Нельзя не отмѣтить, что уже съ 1831 года онъ жалуется на плохое здоровье, и даже преувеличиваетъ значеніе своихъ недуговъ. Отъ 16. IV 1831 г. онъ пишетъ матери: «я было вздумалъ захворать геморроидами», а Погодинъ такъ увѣрилъ въ томъ, что онъ серьезно боленъ, что Погодинъ записалъ въ свой дневникъ: «Говорилъ съ нимъ о Малороссійской Исторіи. Большая надежда, если возстановится его здоровье (ор. cit.). Также о печальномъ состояніи своего здоровья Гоголь говорилъ Акса-

¹⁾ Русская Старина 1889.

ковымъ. «Дорогой онъ удивилъ меня тѣмъ, что началъ жаловаться на свои болѣзни (я не зналъ тогда, что онъ говорилъ объ этомъ Константину) и сказалъ даже, что боленъ неизлѣчимо. Смотри на него изумленными и недоувѣрчивыми глазами, потому что онъ казался здоровымъ, я спросилъ его: «Да чѣмъ же вы больны»? Онъ отвѣчалъ неопредѣленно и сказалъ, что причина болѣзни его находится въ кишкахъ». Слѣдовательно, ипохондрическое настроеніе, игравшее такую большую роль въ жизни Гоголя съ 1836 года, проявилось очень рано; нѣтъ данныхъ для рѣшенія вопроса о томъ, отошли эти идеи на задній планъ съ 1832 по 1836 годы, или Гоголь ихъ скрывалъ изъ опасенія повредить своей карьерѣ. Я не могу считать ипохондрическими его жалобы на Петербургскій климатъ, желаніе или намѣреніе съѣздить на Кавказъ; Гоголь былъ слабаго здоровья, а потому его жалобы на Петербургскій климатъ были основательны, а желаніе съѣздить полѣчиться на Кавказъ вполне разумно.

Согласенъ съ др. Баженовымъ, что въ 1833 г. у Гоголя былъ приступъ меланхоліи ¹⁾; самое тяжелое состояніе, по всей вѣроятности, было во второй половинѣ года; въ декабрѣ меланхолическое состояніе переходитъ въ состояніе повышеннаго самочувствія—экзальтацію, весьма рельефно выраженную въ первой половинѣ 1834 г. Только въ письмѣ къ Максимовичу отъ 9. XI. 1833 г. Гоголь очень кратко говоритъ о своемъ состояніи. «Если бы вы знали, какіе со мной страшные (у Кулиша страшные) перевороты, какъ сильно растерзано все внутри меня! Боже, сколько я пережегъ (у Кулиша—пережилъ), сколько перестрадалъ! Но теперь я надѣюсь, что все успокоится, и я буду снова дѣятельный, движущійся». Кулишъ передаетъ намъ, что въ промежутокъ между іюлемъ и ноябремъ съ Гоголемъ случилось «нѣчто необыкновенное». Шенрокъ называетъ 1833 г. мертвымъ для производительности Гоголя и говоритъ, что «одной изъ причинъ занимающаго насъ застоя въ творчествѣ Го-

¹⁾ Баженовъ. Болѣзни и смерть Гоголя, стр. 21. Небольшое разногласіе между нами въ оцѣнкѣ этого приступа не имѣетъ существеннаго значенія; я думаю, что это было только меланхолическое состояніе, смѣнившееся затѣмъ экзальтаціей или легкимъ маниакальнымъ состояніемъ. Это разногласіе такъ неважно и при томъ не имѣетъ значенія, что мнѣ кажется излишнимъ останавливаться на его разъясненіи.

голя могло быть также развѣ нездоровье, вообще слишкомъ часто возвращавшееся къ нему» (Шенрокъ; II; 160).

Однако, если для психіатра несомнѣнно, что у Гоголя въ 1834 году было ясно выраженное меланхолическое состояніе, перешедшее къ началу слѣдующаго года въ экзальтаціонное состояніе, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что это былъ единственный приступъ за петербургскій его періодъ. Рядомъ съ ясно выраженными, тяжелыми приступами, у нѣкоторыхъ больныхъ бываютъ болѣе слабые, неясные. Подавленное состояніе, такъ же какъ и экзальтаціонное, искусно скрываются нѣкоторыми, и даже близкіе имъ люди не подозреваютъ душевной болѣзни. Я хорошо зналъ больного, у котораго только одинъ разъ въ жизни маниакальный приступъ достигъ такой силы, что понадобилось лѣченіе въ больницѣ; онъ такъ хорошо скрывалъ свои меланхолическія и маниакальныя состоянія, что о его болѣзни, кромѣ меня, знала его очень умная жена, съ своей стороны, дѣлавшая все, чтобы облегчить положеніе мужа. Знакомые этого больного лишь удивлялись неровности его характера: то онъ былъ очень золъ, молча работалъ, неохотно говорилъ и больше сидѣлъ запершись дома, то дѣлался разговорчивымъ, предприимчивымъ, посѣщалъ общество, собиралъ у себя знакомыхъ, рассказывалъ скромные анекдоты и т. п.

Что у Гоголя кромѣ тяжелаго приступа меланхолическаго состоянія во второй половинѣ 1834 г. были и другіе, хотя и не тяжелые приступы, мы должны заключать изъ слѣдующихъ его словъ въ «Авторской Исповѣди». «Припадки той веселости, которую замѣтили въ первыхъ сочиненіяхъ моихъ, показавшихся въ печати, заключались въ нѣкоторой душевной потребности. На меня находили припадки тоски, мнѣ самому небъяснимой, которая происходила, можетъ быть, отъ моего болѣзненнаго состоянія. Чтобы развлекать себя самого, я придумывалъ себѣ все смѣшное, что только могъ выдумать. Выдумывалъ цѣликомъ самыя смѣшныя положенія, вовсе не заботясь о томъ, зачѣмъ это, для чего и кому отъ того выйдетъ какая польза». Мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія и даже ни малѣйшаго права не вѣрить многострадальному автору «Носа» и «Коляски». Такъ какъ совершенно точно опредѣлить время созданія сочиненій, въ которыхъ «замѣтили» «припадки веселости», нѣтъ возможности, то нельзя и опредѣлить, когда у Гоголя были «припадки тоски».

Очень тяжело читать эти строки «Авторской Исповѣди»; психиатръ знаетъ, какъ страдаютъ больные во время этихъ «припадковъ тоски», и право становится жутко, когда подумаешь, что, по всей вѣроятности, нѣкоторыя произведенія Гоголя обусловлены его тяжкими страданіями.

Въ концѣ 1833 г. меланхолическое состояніе переходитъ въ экзальтаціонное; послѣднее очевидно въ извѣстномъ воззваніи или обращеніи къ генію (1834.). «Блистательное ли, широкое ли, кипишь ли великими подвигами, или... О будь блистательно! будь дѣятельно, все предано труду и спокойствію!.. Таинственный, неизъяснимый 1834! «Пока ничего патологическаго въ этомъ вообще очень поэтическомъ воззваніи нѣтъ; конецъ его однако доказываетъ крайне приподнятое, экзальтированное настроеніе. Я совершу... я совершу. Жизнь кипитъ во мнѣ. Труды мои будутъ вдохновенны. Надъ ними будетъ вѣять недоступное землѣ Божество... Я совершу!.. О поцѣлуй и благослови меня!»

Шенрокъ, такъ глубоко изучившій Гоголя, совершенно вѣрно замѣчаетъ: «Теперь въ этомъ страстномъ обращеніи живо чувствовался необычайный подъемъ духа автора, находившійся въ самомъ рѣшительномъ и рѣзкомъ противорѣчій съ сумрачнымъ настроеніемъ его во весь предшествовавшій годъ, и съ тѣмъ глухимъ застоємъ въ дѣятельности Гоголя, который, какъ казалось еще недавно, повергалъ его въ уныніе». Не зная психіатріи, нельзя правильно объяснить такой рѣзкой перемѣны настроенія, и потому нечего удивляться, что почтенный авторъ Матеріаловъ для біографіи Гоголя даетъ столь неосновательное объясненіе громадной перемѣны въ настроеніи Гоголя. «Нынѣшнее свѣтлое, исполненное радостныхъ надеждъ настроеніе находится въ несомнѣнной зависимости отъ пріятной мечты занять кафедру въ Кіевѣ и поселиться на живописныхъ берегахъ Днѣпра» (Шенрокъ; II; стр. 170—171). Здѣсь Шенрокъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою; на стр. 149 онъ очень проникательно отмѣтилъ: «онъ и переживалъ временами, совершенно наперекоръ тяжкому гнету нужды, счастливыя недѣли и мѣсяцы»; вообще, наше настроеніе гораздо больше зависитъ отъ внутреннихъ причинъ, чѣмъ отъ внѣшнихъ; геніальный, умный Гоголь, съ его патологической организаціей нервной системы дѣйствительно стоялъ выше внѣшнихъ обстоятельствъ ¹⁾.

¹⁾ Значеніе настроенія и зависимость его отъ состоянія нашего организма

Только болѣзненное или патологическое состояніе Гоголя объясняетъ намъ печальный эпизодъ его жизни—его профессуру. Его патологическое убѣжденіе въ своемъ универсальномъ превосходствѣ въ декабрѣ мѣсяцѣ сочеталось съ патологическимъ экзальтаціоннымъ состояніемъ; эти два симптома патологической организаціи создали его профессуру. Въ декабрѣ 1833 г. меланхолическое состояніе переходитъ въ экзальтаціонное, и вотъ у Гоголя является мысль о каѳедрѣ въ Кіевскомъ университетѣ. Я думаю, что безразлично, самъ ли Гоголь дошелъ до мысли, что онъ можетъ занять кафедру, или эту мысль ему подалъ Максимовичъ, которому Гоголь, нужно думать, внушилъ такое же высокое мнѣніе о себѣ, какъ Загоскину, Плетневу и Никитенко. Вѣроятнѣе даже, что мысль о каѳедрѣ подалъ Максимовичъ; въ декабрѣ (или ноябрѣ, такъ какъ письмо Гоголя къ Максимовичу не имѣетъ даты; обозначено декабрь 1833). экзальтаціонное состояніе Гоголя еще не достигло той степени, чтобы онъ могъ имѣть много инициативы. Каѳедра его прельщаетъ больше съ гигиенической стороны: «Мнѣ надоѣлъ Петербургъ, или, лучше, не онъ, но проклятый климатъ его: онъ меня допекаетъ. Да, это славно будетъ, если мы займемъ съ тобою кіевскія каѳедры: много можно будетъ надѣлать добра. А новая жизнь среди такого хорошаго края! Тамъ можно обновиться всѣми силами. Развѣ это малость? Онъ еще сомнѣвается. «Я работаю, я всѣми силами стараюсь; но на меня находитъ страхъ: можетъ быть, я не успѣю!» Гоголь скромно оцѣниваетъ свои права: славянское происхожденіе, истинная просвѣщенность, чистая и добрая душа—«Хотя бы для св. Владимира побольше славянъ. Нужно будетъ стараться кого-нибудь изъ извѣстныхъ людей туда впахнуть, истинно просвѣщенныхъ и также честныхъ и добрыхъ душою, какъ мы съ тобою», (письмо къ Максимовичу. декабрь 1833.). Только тѣмъ, что угнетенное настроеніе еще не перешло въ экзальтаціонное, можно объяснить скромность въ оцѣнкѣ своихъ достоинствъ, неувѣренность въ успѣхѣ. Для меня несомнѣнно, что это письмо написано не позже начала декабря; къ такому выводу необходимо приходишь при сравненіи его съ письмомъ къ Пушкину отъ 23. XII. 1833.

мною изучены въ работѣ «Біологическое обоснованіе пессимизма». «Нейрологическій Вѣстникъ» 1895.

Экзальтаціонное состояніе нарастаетъ; вмѣстѣ съ тѣмъ растутъ самоувѣренность и притязательность Гоголя. 23 декабря онъ пишетъ Пушкину о своихъ правахъ на кафедру: тутъ и лестъ, нужно сказать некрасивая, Уварову:—«я понялъ его еще болѣе по тѣмъ бѣглымъ исполненнымъ ума замѣчаніямъ и глубокимъ мыслямъ во взглядѣ на жизнь Гете. Не говорю уже о мысляхъ его по случаю экзаменовъ, гдѣ столько философическаго познанія языка и ума быстрого. Я увѣренъ, что онъ у насъ болѣе сдѣлаетъ, нежели Гизо во Франціи».

Тутъ и удивительная самоувѣренность. «Во мнѣ живетъ увѣренность, что, если я дождусь прочитатъ планъ мой, то въ глазахъ Уварова онъ меня отличить отъ толпы вялыхъ профессоровъ, которыми набиты университеты». Тутъ еще болѣе неимовѣрное самовосхваленіе. «Тамъ кончу я исторію Украины и юга Россіи и напишу всеобщую исторію, которой въ настоящемъ видѣ ея до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не только на Руси, но даже и въ Европѣ нѣтъ». Тутъ переоцѣнка своего величія доходитъ до того, что двадцатичетырехъ-лѣтній беллетристъ, не написавшій ни одной ученой статьи, рекомендуетъ профессора на кафедру, можетъ перемѣщать профессора изъ Москвы въ Кіевъ. «Кстати, ко мнѣ пишетъ Максимовичъ, что онъ хочетъ оставить Московскій университетъ и ѣхать въ Кіевскій. Ему вреденъ климатъ. Это хорошо. Я его люблю. У него въ естественной исторіи есть много хорошаго, по крайней мѣрѣ, ничего похожаго на галиматью Надеждина. Если бы Погодинъ не обзавелся домомъ, я бы уговорилъ его проситься въ Кіевъ». Тутъ, наконецъ, есть несомнѣнная неправда «какъ и поступилъ я назадъ тому три года, когда могъ бы занять мѣсто въ Московскомъ университетѣ, которое мнѣ предлагали»¹⁾.

1) Гоголь почти никогда сознательно не обманывалъ; онъ вѣрилъ тому, что говорилъ; только въ письмахъ къ матери онъ два раза несомнѣнно прихвастнулъ. Такъ въ письмѣ отъ 16. IV. 1831 г. онъ пишетъ матери, чтобы ее утѣшить: «Государыня приказала читать мнѣ въ находящемся въ Ея вѣдѣніи институтѣ благородныхъ дѣвицъ», а въ письмѣ отъ 4. I. 1832. «Скажите—Полтавскому почмейстеру, что я надняхъ, видѣвшись съ княземъ Голицынымъ, жаловался ему о неисправности почты. Онъ замѣтилъ это Булгакову, директору почтоваго департамента; но я просилъ Булгакова, чтобы не требовалъ объясненія отъ полтавскаго почмейстера до тѣхъ поръ, пока мѣсто я не получу его отъ Васъ». Кто хотя разъ имѣлъ дѣло въ высшемъ чиновничьемъ мірѣ, тотъ не усумнится въ неловкомъ хвастовствѣ Гоголя; нужно и припомнить, кто былъ князь А. Н. Голицынъ.

Я нарочно подробно остановился на этомъ письмѣ, такъ какъ только болѣзнію можно объяснить приведенныя выдержки.

31 декабря для Гоголя Кіевъ уже «мой»; 11 января 1834 г. Гоголь пишетъ Погодину письмо съ словами, въ печати замѣняемыми точками, и въ Post-scriptum прибавляетъ: «я весь теперь погруженъ въ исторію малороссійскую и всемірную; и та и другая у меня начинается двигаться. Это сообщаетъ мнѣ какой-то спокойный и равнодушный къ житейскому характеръ, а то безъ того я былъ бы страхъ сердить на всѣ эти обстоятельства. Ухъ, братъ! Сколько приходитъ ко мнѣ мыслей теперь! Да какихъ крупныхъ, полныхъ, свѣжихъ. Мнѣ кажется, что сдѣлаю что не общее во всемірной исторіи». Экзальтаціонное состояніе, судя по письмамъ Гоголя, все нарастаетъ и отъ 12. II. 1834 г. онъ пишетъ Максимовичу. «Исторію Малороссіи я пишу всю отъ начала до конца. Она будетъ или въ шести малыхъ или въ четырехъ большихъ томахъ», и великодушно подаетъ этому почтенному ученому циническій совѣтъ, какъ захватить кафедру въ Кіевѣ и «отжилить» кафедру словесности. «Бери кафедру ботаники или зоологіи. А такъ какъ профессора словесности нѣтъ, то ты можешь занять на время и его кафедру. А тамъ, по праву давности, ее отжилить, а отъ ботаники отказаться».

Къ концу января экзальтаціонное состояніе достигло высшей степени; уже нельзя сомнѣваться, что въ это время несчастный авторъ «Мертвыхъ Душъ» былъ боленъ; 30 января было написано его объявленіе объ изданіи исторіи малороссійскихъ казаковъ, въ которомъ онъ писалъ: «Около пяти лѣтъ собиралъ я съ большимъ стараніемъ матеріалы, относящіяся къ исторіи этого края. Половина моей исторіи уже почти готова, но я медлю выдавать въ свѣтъ первые томы... И потому обращаюсь ко всѣмъ, усерднѣйше прошу (и нельзя, чтобы просвѣщенные соотечественники отказали въ моей просьбѣ) имѣющихъ какія бы то ни было матеріалы, лѣтописи, записки, пѣсни, повѣсти, бандуристовъ, дѣловыя бумаги (особенно относящіяся до первобытной Малороссіи) прислать мнѣ ихъ, если нельзя въ оригиналахъ, то, по крайней мѣрѣ, въ копіяхъ».

Я наблюдалъ, по порученію суда, сапера, изобрѣтавшаго летательную машину. Этотъ больной разработалъ свое изобрѣтеніе столько же, сколько и Гоголь исторію казаковъ; но, находясь въ экзальтаціонномъ состояніи, занималъ деньги подъ бу-

душіе доходы и даже у высокопоставленных лиц и наконец пригласил самых важных сановников присутствовать при пробном полетѣ. Ему повѣрили, но вмѣсто летательной машины умудренные жизнью сановники, повѣрившіе на слово психопату, нашли «какія-то бутылки». Я не сомнѣваюсь, если бы Гоголь былъ преданъ суду за это объявленіе, судъ согласился бы съ моимъ заключеніемъ о его невмѣняемости, какъ онъ согласился съ моей экспертизой объ этомъ саперѣ ¹⁾.

Какъ высоко было тогда мнѣніе о себѣ Гоголя, какъ повышено было его самочувствіе, можно судить по тому, что онъ 19 марта писалъ Погодину по поводу своего избранія въ члены Общества Любителей Россійской Словесности. «При этомъ почтеннѣйшемъ вашемъ письмѣ я получилъ маленькое прибавленіе, впрочемъ гораздо больше письма вашего, о вѣнчаніи меня недостойнаго въ члены общества любителей слова, труды котораго, безъ сомнѣнія, слышны въ Лондонѣ, Парижѣ и во всѣхъ городахъ древняго и новаго міра». Въ виду такого приподнятаго, до крайней степени, экзальтаціоннымъ состояніемъ самолюбія, Гоголь даже колеблется принять предлагаемое ему Уваровымъ мѣсто адъюнкта въ Кіевѣ и предъявляетъ непомѣрные требованія. Самъ онъ 29. III. 1834 къ Максимовичу пишетъ: «я сижу затѣмъ только еще здѣсь, чтобы какъ-нибудь выработать на подъемъ». Никитенко, имѣвшій возможность знать это дѣло, такъ говоритъ объ этихъ баснословныхъ требованіяхъ. «Но Гоголь, вообразивъ себѣ, что его геній даетъ ему право на высшія притязанія, потребовалъ себѣ званіе ординарнаго профессора и шесть тысячъ рублей единовременно... Однако министръ отказалъ Гоголю». Уваровъ и не могъ дать Гоголю 6000, такъ какъ такими суммами не располагалъ. Самъ Гоголь, конечно, не считалъ свои требованія баснословными; онъ считалъ себя въ правѣ рекомендовать Уварову Максимовича, и видимо Уваровъ былъ убѣжденъ Гоголемъ. «Я сказалъ, что ты мнѣ показывалъ многія свои сочиненія, обнаруживающія вѣрное познаніе литературы и долгое занятіе ею» (письмо къ Максимовичу отъ 7. IV. 1834). Онъ какъ вполне компетентный цѣнитель ученыхъ заслугъ, рекомендуетъ вниманію Максимовича Тарновскаго и М. Г. Чистякова.

¹⁾ Къ Судебно-психіатрической экспертизѣ. „Вѣстникъ Судебной Медицины“ 1889.

Самъ Гоголь даже не сомнѣвался, что вполне достоинъ каѳедры; онъ даже смотрѣлъ свысока на профессоровъ и назначеніе на каѳедру ничуть не считалъ для себя чѣмъ-то почетнымъ. Погодину онъ пишетъ объ этомъ весьма откровенно: «я недавно только что просился профессоромъ въ Кіевъ, потому что здоровье мое требуетъ этого непременно, также и труды мои. Вотъ чѣмъ можно извинить мнѣ исканіе профессорства, которое, если бы не у насъ на Руси, то было бы самое благородное званіе» (23. VI. 1834). Препятствія его раздражаютъ; онъ обращается къ протекціи Пушкина, Жуковскаго, Дашкова, Блудова, Левашева, Вяземскаго, но когда на каѳедру исторіи среднихъ вѣковъ былъ назначенъ Цыхъ, Гоголь съ высокомеріемъ отнесся къ этой неудачѣ. «Брадке согласенъ мнѣ дать адъюнкта (какъ будто объ адъюнктѣ его просили!), и что это мѣсто для меня очень выгодное (какъ будто я нищій и мнѣ оно дается изъ милости). Я заключилъ, что я не нуженъ»...

Личность Гоголя совершенно непонятна лицамъ, не изучавшимъ психіатріи; несомнѣнно, что о больномъ человѣкѣ даже самые проникающіе знатоки человѣческой души не могутъ судить вполне правильно. Почему-то составилось прочное и непоколебимое убѣжденіе, что Гоголь любилъ Малороссію; единственнымъ основаніемъ для такой удивительной легенды послужило лишь то, что онъ бранилъ Петербургъ и хвалилъ Малороссію, когда захотѣлъ получить каѳедру въ Кіевѣ; но въѣдъ Гоголь вообще былъ недоволенъ всегда тѣмъ городомъ, въ которомъ жилъ долго, а Малороссіей интересовался такъ мало, что даже дома бывалъ неохотно, а въ 1839 г. даже полѣнился съѣздить въ Малороссію и выписалъ мать въ Москву. Едва ли нужны другія доказательства его полного безучастія къ Малороссіи, хотя я и не отрицаю, что воспоминанія дѣтства и юности, проведенныя въ Малороссіи, были соединены съ пріятными чувствованіями. Гоголь ничего и никого кромѣ себя любить не могъ, вслѣдствіе патологической организаціи нервной системы, и потому рѣшительно не могъ любить Малороссію, что вполне и доказалъ въ 1834 г.

Легенда о его любви къ Малороссіи такъ прочна, что даже Шенрокъ объясняетъ подавленное настроеніе, о которомъ говорить Гоголь въ письмѣ къ Максимовичу отъ 9. XI. 1833, слѣдующимъ образомъ: «Постепенная борьба страстной надежды

съ опасеніемъ неудачи, по всей вѣроятности, при условіи сильнѣйшаго, горячечнаго нетерпѣнія и отразилась въ вялой работѣ вдохновенія нашего писателя въ 1833 году и именно объ этихъ-то душевныхъ буряхъ и переворотахъ, какъ намъ кажется, и говоритъ Гоголь въ упомянутомъ письмѣ къ Максимовичу отъ 9 ноября. Такимъ образомъ, если причиной здѣсь была «забота юности любовь», то любовь не къ женщинѣ, а къ боготворимой Гоголемъ родной Украинѣ, и этимъ же страстнымъ нетерпѣніемъ и объясняется его лѣнь, его упорное нежеланіе заняться пока чѣмъ бы то ни было».

Гоголь своимъ поведеніемъ съ полною очевидностью обнаружилъ совершенное безучастіе къ этнографіи и исторіи будто бы «боготворимой» имъ Украины, а она была ему, сама по себѣ, такъ мало привлекательна, что онъ не принялъ кафедры русской исторіи въ Кіевѣ. Не знаю, какое еще нужно доказательство полного безучастія Гоголя къ Малороссіи!

Этнографія Украины его интересовала только тогда, когда онъ самъ писалъ «исторію Малороссіи» «отъ начала до конца»; тогда онъ давалъ совѣты и высказывалъ одобренія нашему знаменитому ученому И. И. Срезневскому, но когда онъ забросилъ исторію Малороссіи, онъ даже не заѣхалъ къ Срезневскому, хотя въ перепискѣ съ нимъ высказывалъ большой интересъ къ изслѣдованіямъ этого ученаго по этнографіи Малороссіи. Исторія Малороссіи его перестала интересовать настолько уже въ іюнѣ 1834, что онъ даже сердился на Максимовича, удивлявагося, почему историкъ Малороссіи не желаетъ взять кафедры русской исторіи, а непременно желаетъ быть профессоромъ средней исторіи.

«Тебя удивляетъ, почему меня такъ останавливаетъ русская исторія. Ты очень страненъ и говоришь еще о себѣ, что ты рѣшился взять словесность. Вѣдь, для этого у тебя было желаніе, а у меня нѣтъ. Чортъ возьми, если бы я не согласился взять скорѣе ботанику или патологию, нежели русскую исторію».

Очевидно, что въ это время исторія Малороссіи была Гоголю не только безразлична, но прямо противна, и при томъ настолько, что онъ отказался отъ кафедры въ Кіевѣ, столицѣ «боготворимой» родины.

Никакихъ разумныхъ, обоснованныхъ причинъ для предпочтенія кафедры средней исторіи кафедрѣ русской исторіи Го-

голь имѣть не могъ; онъ не зналъ русской исторіи такъ же, какъ не зналъ и средней исторіи. Если бы Гоголь могъ относиться къ себѣ критически, или, говоря иначе, если бы онъ былъ здоровъ, то онъ легко бы понялъ, что для него средняя исторія, ввиду его незнанія древнихъ и новыхъ языковъ, совершенно недоступна, а русской исторіей все же онъ заняться могъ, и даже съ успѣхомъ, какъ великій мастеръ слова, если не научно, то художественнымъ чутьемъ, понимающій многое въ русской жизни, недоступное самымъ серьезнымъ ученымъ.

Недостаточная подготовка, даже если бы Гоголь и сознавалъ это, не могла служить ему препятствіемъ для занятія кафедры русской исторіи въ Кіевѣ; еще менѣе его могла беспокоить необходимость готовить лекціи; онъ и на профессоровъ, и на студентовъ смотрѣлъ также, какъ смотрѣлъ на своихъ «дорогихъ наставниковъ» и товарищей, когда учился въ Нѣжинѣ. Университеты наполнены «вялыми» профессорами, «студенты твои такой глупый будетъ народъ, особенно сначала, что право, совѣстно будетъ для нихъ слишкомъ много трудиться». Конечно, что съ «глупымъ народомъ» церемониться нечего; Гоголь пишетъ Максимовичу, что будто бы Плетневъ «бросилъ всѣ прежде читанныя лекціи и дѣлаетъ съ ними въ классѣ эстетическіе разборы, толкуетъ и наталкиваетъ ихъ морду на хорошее». Гоголь находитъ, что серьезно заниматься своею наукою, просто не стоитъ и подаетъ Максимовичу такой дружескій совѣтъ «Послушай: ради Бога, занимайся поменьше этой гилью» (письмо отъ 27. VI. 1834).

Предпочтеніе кафедры средней исторіи кафедрѣ русской исторіи было всецѣло обусловлено патологической организаціей нервной системы Гоголя. Вслѣдствіе невозможности заниматься научно, вслѣдствіе полного равнодушія къ обыкновенному знанію, къ знанію *fur und an sich*, Гоголь скоро забросилъ исторію Малороссіи; она его могла интересовать только до тѣхъ поръ, пока онъ, вслѣдствіе своего полного непониманія научныхъ методовъ, надѣялся написать ее «въ шести малыхъ или четырехъ большихъ томахъ». Когда дѣло не пошло, что конечно выяснилось очень скоро, исторія Малороссіи для Гоголя потеряла всякій интересъ. Если бы его дѣйствительно интересовала исторія Малороссіи, если бы онъ обладалъ способностью къ научнымъ занятіямъ, хотя бы въ той же мѣрѣ, какой надѣлены обыкновенные смертные, онъ бы занялся исторіей «боготворимой» Украины, не на-

писалъ бы нѣсколько томовъ, а ограничился бы нѣсколькими скромными статьями. Гоголю исторія Малороссіи, когда онъ увидѣлъ, что онъ не можетъ написать ни одного тома, опостылѣла, онъ совершенно ее забросилъ, не хотѣлъ даже занять каѳедры русской исторіи, заѣхать къ Срезневскому. Вслѣдствіе своего патологическаго самоуверенія, идей величія, Гоголь не хотѣлъ думать о своей неподготовленности, о своей неспособности. Онъ и не подумалъ просить указаній и совѣтовъ у людей болѣе его компетентныхъ; ему просто опротивѣла исторія, которую онъ не могъ написать, и онъ съ неослабѣвшей отъ пережитого урока самоуверенностью принимается за среднюю исторію. Уже 22 января 1835 г. онъ пишетъ Максимовичу «Вышла Пушкина Исторія Пугачевского бунта, а больше ни-ни-ни. Печатаются Жуковского полныя сочиненія, и выйдутъ всѣ 7 томовъ къ маю мѣсяцу. Я пишу исторію среднихъ вѣковъ, которая, думаю, будетъ состоять изъ 8, если не изъ 9. Авось и на тебя нападетъ охота и благодатный трудъ».

Это письмо объясняетъ намъ, почему Гоголь ни за что не желалъ брать каѳедры русской исторіи и добивался каѳедры средней исторіи; ему уже опротивѣла исторія Малороссіи, а средняя исторія его интересовала, потому что онъ былъ увѣренъ, что онъ напишетъ томовъ 8, если не девять. Едва ли я ошибусь, если скажу, что Гоголь написалъ «8 если не 9» только потому, что сочиненія Жуковского были въ 7 томахъ¹⁾.

Убѣжденіе Гоголя въ способности и подготовленности преподавать среднюю исторію было такъ сильно и такъ передавалось другимъ, что онъ получилъ эту каѳедру въ С.-Петербургскомъ университетѣ.

Гоголь былъ профессоромъ въ эпоху наибольшаго упадка нашихъ университетовъ; только въ январѣ 1833 г. первая группа нашихъ будущихъ настоящихъ профессоровъ, окончивъ занятія въ профессорскомъ институтѣ Дерптскаго университета, отправилась учиться за границу, слѣдовательно, университеты еще ждали серьезно подготовленныхъ преподавателей; только на нихъ возлагались надежды, а пока приходилось довольствоваться са-

¹⁾ Я указалъ на своеобразный ходъ ассоціаціи при душевныхъ болѣзняхъ, объясняющей нѣкоторыя идеи величія въ работѣ Апперцептивные процессы у душевнобольныхъ. „Архивъ Психіатріи“ 1887.

мыми скромными дарованіями, ограничиваться самыми малыми требованіями. Понятно, что при такомъ печальномъ положеніи университетовъ, чтобы не быть хуже другихъ, не требовалось большихъ знаній, а тѣмъ болѣе таланта. Если бы Гоголь былъ обыкновенный карьеристъ, о прилежаніемъ, угодливостью къ начальству, любезностью къ товарищамъ, онъ сохранилъ бы за собою добытое стараніями высокопоставленныхъ покровителей мѣсто.

Но Гоголь не былъ обыкновеннымъ карьеристомъ; вслѣдствіе патологической организаціи нервной системы, своего параноическаго характера, онъ не могъ готовиться къ лекціямъ, какъ вообще не могъ учиться, не могъ быть скромнымъ и любезнымъ по отношенію къ простымъ смертнымъ — «существователямъ». Какъ ни плохи были вообще слушатели Гоголя, однако же сразу поняли его несостоятельность... «Вышло то, что послѣ трехъ-четырехъ лекцій студенты ходили къ нему только ужъ, чтобы позабавиться надъ «маленько сказочнымъ» языкомъ преподавателя»; свидѣтельствуетъ профессоръ Васильевъ. (Шенрокъ 11. 231). Для студентовъ стало ясно, что «Гоголь ничего не смыслить въ исторіи», свидѣтельствуетъ И. С. Тургеневъ. Нѣтъ основанія не вѣрить Никитенко, сообщающему, что лекціи Гоголя были очень плохи, что студенты такъ относились къ Гоголю, что начальство даже опасалось манифестаціи съ ихъ стороны.

Взаимныя отношенія между Гоголемъ и профессорами не могли быть не только дружественными, но даже удовлетворительными. Какъ ни плохи были наши университеты, все же традиции высшей школы не исчезли окончательно и потому, какъ свидѣтельствуетъ профессоръ Чижевъ, «самое вступленіе его въ университетъ путемъ окольнымъ отдаляло насъ отъ него, какъ отъ человѣка».

Въ силу своей патологической организаціи, Гоголь, занявъ каѳедру въ Петербургскомъ университетѣ, и не подумалъ пополнить свое крайне недостаточное образованіе общеніемъ съ лучшими профессорами, сойтись съ наиболѣе образованными и даровитыми. Даже въ виду своей крайней молодости, онъ ничуть не унижая своего достоинства, могъ бы многому поучиться у старшихъ сотоварищей. Какого бы высокаго мнѣнія не былъ о себѣ нормальный человѣкъ, все же онъ понимаетъ, что знакомство съ представителями разныхъ специальностей можетъ попол-

нить его знанія, обратить его вниманіе на новые вопросы и т. п. Гоголь ни съ однимъ профессоромъ не сошелся, и со всѣми держалъ себя одинаково высокомерно.

Гоголь былъ одаренъ необычайной наблюдательностью и потому не могъ не замѣтить отношенія къ себѣ студентовъ и профессоровъ, а, слѣдовательно, не могъ относиться къ нимъ иначе, какъ враждебно и даже съ презрѣніемъ. Для меня несомнѣнно, что Гоголь ничуть не обманывалъ Погодина, когда писалъ ему 14. XII. 1834. «Я читаю одинъ, рѣшительно одинъ въ здѣшнемъ университетѣ. Никто меня не слушаетъ, ни въ одномъ ни разу не встрѣтилъ я, чтобы поразила его яркая истина... Хотя бы одно студенческое существо понимало меня! Это народъ безцвѣтный, какъ Петербургъ». Непризнаніе его ученыхъ заслугъ для Гоголя было только доказательствомъ личнаго къ нему нерасположенія; о своихъ врагахъ онъ отзывался ужъ очень рѣзко. Въ письмѣ Погодину отъ 22. I. 1835 г. онъ пишетъ: «Изъяви свое мнѣніе объ историческихъ статьяхъ въ какомъ-нибудь журналѣ. Лучше и приличнѣе въ журналѣ просвѣщенія. Твое слово мнѣ поможетъ, потому что у меня, кажется, завелись ученые непріатели но... ихъ м...

Даже сомнѣнія въ своей неподготовленности или неспособности къ профессорской дѣятельности у Гоголя не было, и быть не могло; онъ не допускалъ, чтобы тупые невѣжи, «ученая и неученая чернь», могли судить о немъ правильно; отрицательное отношеніе къ нему для Гоголя только «безстыдная дерзость».

Можетъ казаться, что уклоненіе отъ чтенія лекціи въ присутствіи Жуковскаго и Пушкина, растерянность на первой лекціи, почтительность по отношенію къ попечителю округа—все это доказываетъ, что Гоголь понималъ свою неподготовленность, а, слѣдовательно, сознательно обманывалъ; такое допущеніе совершенно несостоятельно.

Не только Гоголь съ его параноическимъ характеромъ и неопредѣленными идеями своего величія и превосходства, но настоящіе параноики, считающіе себя великими изобрѣтателями, принцами крови и т. п., конечно не всѣ, но нѣкоторые, такъ стѣсняются при публикѣ, что ихъ нельзя демонстрировать въ аудитории передъ студентами, какъ то знаютъ всѣ опытные преподаватели психіатріи.

Необходимо остановиться на томъ удивительномъ фактѣ, что

больные параноики съ самымъ грандіознымъ бредомъ величія крайне почтительны по отношенію «властей придержащихъ»; это поразительная черта человѣческаго характера, крайне интересна для моралиста и социолога. Въ началѣ моей психіатрической дѣятельности, я при посѣщеніи больницы властями придержащими подводилъ особу къ больному съ бредомъ величія, отчасти за тѣмъ, чтобы убѣдить «власти придержащія», что въ больницѣ содержатся дѣйствительно душевнобольные, отчасти для того, чтобы доставить больному удовольствіе высказаться. Къ моему величайшему удивленію, больной, считающій себя савонникомъ, преслѣдуемымъ врагами, такъ терялся передъ особой, даже не первыхъ трехъ классовъ, что ничего не могъ разсказать толкомъ Я никогда не забуду, какъ почтительно кланялся параноикъ, считавшій себя великимъ княземъ, передъ полицмейстеромъ, проходившимъ по коридору больницы. Дѣйствительно, параноики съ сутяжнымъ бредомъ, съ рѣдкой настойчивостью и смѣлостью, подаютъ жалобы «властямъ придержащимъ», но вѣдь это именно доказываетъ ихъ излишнее почтеніе къ «властямъ придержащимъ»; они увѣрены, что «власти придержащія» обладаютъ великою премудростью, крайне справедливы, и потому подаютъ имъ жалобы на рѣшенія судебной палаты и Сената.

Поэтому вполне естественно, что Гоголь глубоко презиравшій и «вялыхъ» профессоровъ, и своихъ слушателей, какъ «глупый народъ», не явился на лекцію въ тотъ день, когда въ университетѣ должны были пріѣхать Жуковский и Пушкинъ, и не постыдился, при ихъ посѣщеніи, «какъ говорится ни съ того, ни съ другого», по прекрасному выраженію Иваницкаго, читать объ Аль-Мамунѣ. Какъ психіатръ, я вполне вѣрю словамъ Никитенко, описывающему воздѣйствіе на Гоголя строгаго замѣчанія попечителя учебнаго округа. На минуту гордость уступила мѣсто сознанію своей неопытности и безсилія, но въ концѣ концовъ, это не поколебало вѣры Гоголя въ свою всеобщую геніальность. Хотя послѣ замѣчанія, онъ долженъ былъ перемѣнить свой надменный тонъ съ ректоромъ, деканомъ и прочими чинами университета, но въ кругу «своихъ» онъ все тотъ же всезнающій, глубокомысленный и геніальный Гоголь, какимъ былъ до сихъ поръ.

Но Никитенко вполне правъ: выговоръ приержавшей власти долженъ быть подѣйствовать на Гоголя ошеломляюще; дѣйствительно, онъ перемѣнилъ свой надменный тонъ съ товарищами,

но идеи величія и превосходства ничуть не ослабѣли. Далѣе, когда Гоголь, несмотря на протекцію своихъ высокихъ покровителей, въ виду полной неспособности, былъ уволенъ отъ службы при Петербургскомъ университетѣ, онъ ничуть не усумнился въ своемъ неизмѣримомъ превосходствѣ; в. XII. 1835 онъ писалъ Погодину. «Неузнанный я взошелъ на кафедру и неузнанный схожу съ нея. Но въ эти полтора года—годы моего безславія Уже не дѣтскія мысли, не ограниченный прежній кругъ моихъ свѣдѣній, но высокія, исполненные истины и ужасающаго величія мысли волновали меня».

Я подробно остановился на этомъ самомъ печальномъ эпизодѣ въ жизни автора «Мертвыхъ душъ», потому что только болѣзнъ объясняетъ и, конечно, вполне оправдываетъ Гоголя. Если бы гениальный Гоголь былъ психически здоровъ, то его полныя низма хлопоты о кафедрѣ, и возмутительное поведеніе на кафедрѣ должны были бы вызывать только негодованіе. Всѣ порядочные люди презируютъ профессора такъ пролѣзшаго на кафедру, какъ «окольнымъ путемъ» ея добился Гоголь; не меньшаго презрѣнія заслуживаетъ профессоръ, удивляющій студентовъ своимъ невѣжествомъ и своею небрежностью. Тѣмъ болѣе строги мы должны быть къ человѣку даровитому, а Гоголь былъ безспорно высоко гениаленъ; вѣдь, всѣ мы, простые смертные, по мѣрѣ силъ стараемся подражать нашимъ гениальнымъ учителямъ, ищемъ въ ихъ дѣятельности и произведеніяхъ примѣровъ, достойныхъ подражанія. Гоголь обладалъ исключительной гениальностью, но онъ былъ больной, а потому несчастный человѣкъ, и его параноическій характеръ, а также экзальтационное состояніе, объясняютъ намъ его домогательства получить кафедру. Его плѣняли не жалованье, не научная дѣятельность, ни положеніе профессора; уже тогда, вслѣдствіе идей величія, повышеннаго самочувствія, у него было стремленіе поучать или проповѣдовать. Къ счастью, какъ это ни странно можетъ казаться, Гоголя въ Нѣжинѣ не учили философіи, и потому онъ не могъ проповѣдовать подъ видомъ философіи. Онъ очень мало зналъ исторію, и потому его могла привлекать дѣятельность профессора, проповѣдующаго о «судьбахъ человѣчества»; ему хотѣлось учить, проповѣдовать; «судьбы человѣчества», ему казалось, дадутъ возможность или матеріалъ для поученій. Поэтому онъ нашелъ болѣе подходящий способъ поучать и пропо-

вѣдовать, самъ создалъ себѣ кафедру, съ высоты которой проповѣдовалъ все, что ему было угодно, и не понималъ, почему все лучшее въ Россіи съ негодованіемъ и огорченіемъ встрѣтило его проповѣдь. По поводу его профессуры слѣдуетъ сказать то же, что Бѣлинскій сказалъ о Выбранныхъ мѣстахъ: «или вы больны и вамъ надо спѣшить лѣчиться или не смѣю досказать своей мысли». Только болѣзнію можно объяснить, что Гоголь, научивши всю Россію своею безсмертною комедіей «Ревизоръ» гораздо больше, чѣмъ цѣлый университетъ, повліявъ этимъ произведеніемъ на все развитіе своей страны, такъ мало цѣнилъ себя, что домогался «окольными путями» кафедры, чтобы поучать о «судьбахъ человѣчества». Если бы онъ не былъ боленъ, то понималъ бы, что своими художественными произведеніями вліяетъ на «судьбы человѣчества», и не брался бы за дѣло, къ которому былъ очевидно не подготовленъ и совершенно неспособенъ.

Само собою разумѣется, что никоимъ образомъ нельзя объяснить этого эпизода въ жизни Гоголя тѣмъ, что въ то время кафедры давались людямъ неподготовленнымъ, и были профессора, очень дурно исполнявшіе свои обязанности. Если мы даже и допустимъ, что Гоголь не былъ хуже нѣкоторыхъ своихъ товарищей по профессурѣ, то это все же ничуть не доказываетъ, что Гоголь поступалъ, какъ здоровый человѣкъ. Сотоварищи Гоголя, столь же плохо подготовленные и такъ же скверно читавшіе, если таковые были, были крайне тупы, ничтожны, неспособны къ какому-либо честному труду; только ихъ крайней тупостью и недобросовѣстностью объясняется ихъ жалкое поведеніе. Очевидно, что такимъ образомъ мы не можемъ объяснить поведеніе Гоголя; если бы онъ былъ здоровъ, то добившись кафедры, занялся бы наукой, которую долженъ былъ преподавать, и не оказался бы ниже вялыхъ профессоровъ.

Гоголь былъ принужденъ оставить кафедру, а не «самъ отказался отъ профессуры въ 1835 г.», какъ говоритъ Пыпинъ (Энциклопедическій словарь. 17, стр. 20). Гоголь былъ уволенъ отъ службы въ с.-петербургскомъ университетѣ по представленію попечителя округа Дундукова-Корсакова, писавшаго Уварову, что Гоголь «долженъ быть уволенъ изъ университета». Все это очень подробно и документально изложено Шенрокомъ (томъ III; стр. 8 и 9).

VI.

Мы не знаемъ всѣхъ мотивовъ поѣздки Гоголя за границу въ 1836 г.; намъ извѣстны лишь нѣкоторые мотивы; весьма возможно, что Гоголь отъ всѣхъ скрывалъ свои мысли о цѣли переселенія за границу; возможно также, что самъ Гоголь не вполне сознавалъ истинныя побужденія надолго покинуть Россію.

Въ 1835 году Гоголь хотѣлъ ѣхать лѣчиться „на Кавказъ или въ Крымъ, гдѣ нынѣ славятся минеральныя грязи и купальни въ морѣ» (письмо Прокоповичу 24. V. 1835); но поѣздка не состоялась. Уже тогда онъ, двадцатилѣтній молодой человекъ, такъ заботился о своемъ здоровьѣ, что въ томъ же письмѣ проситъ Прокоповича выслать ему въ Васильевку три термометра; въ городской квартирѣ Гоголя было два термометра. Поѣздка не состоялась, и Гоголь лѣтомъ 1835 года чувствовалъ себя дурно въ Васильевкѣ, о чемъ и напоминаетъ матери въ письмѣ отъ 22. XII. 1837. «Когда я былъ послѣдній разъ у васъ, вы, я думаю, замѣтили, что не зналъ, куда дѣваться отъ тоски, и напрасно искалъ развлеченій. Я самъ не зналъ, откуда происходила тоска, и уже пріѣхавши въ Петербургъ узналъ, что это былъ припадокъ моей болѣзни (геморроидъ)».

Такъ какъ Гоголь неоднократно жаловался на эту болѣзнь, то необходимо остановиться на этой жалобѣ больного. Неизвѣстно, страдалъ ли дѣйствительно Гоголь геморроемъ, или онъ такъ называлъ свои запоры; мало вѣроятно, чтобы Гоголь дѣйствительно страдалъ геморроями; все же эта болѣзнь рѣдко бываетъ у молодыхъ людей, и при томъ, если бы у него дѣйствительно была эта болѣзнь, у него былъ бы характерный для нея цвѣтъ лица. Важно то, что Гоголь придавалъ большое значеніе своей болѣзни, такъ о ней беспокоился, такъ желалъ лѣчиться. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не мало лицъ, страдающихъ геморроемъ, запорами, прилежно исполняющихъ свои обязанности, мало заботящихся о своей болѣзни, наслаждающихся жизнью. Поэтому, не запоръ, самъ по себѣ, или даже геморрой мучили Гоголя, а ипохондрическое настроеніе, и даже ясно выраженная тоска.

Въ письмѣ къ Погодину отъ 10. V. 1836 г., Гоголь, какъ причину и цѣль своей поѣздки, называетъ болѣзнь и лѣченіе «Мнѣ хочется поправиться въ своемъ здоровьѣ, разсѣяться, развлечься», «ѣду за границу, тамъ размыкаю ту тоску, которую наносятъ мнѣ ежедневно мои соотечественники».

Въ этомъ же письмѣ къ Погодину Гоголь проговаривается и о другомъ мотивѣ своей поѣздки, и о томъ, что оставляетъ надолго Россію. «Писатель современный, писатель комическій, писатель нравовъ долженъ подальше быть отъ своей родины. Пророку нѣтъ славы въ отчизнѣ». Несомнѣнно, что уже въ 1836 году Гоголь рѣшилъ надолго покинуть Россію. Жуковскому онъ писалъ изъ Гамбурга отъ 16. VI. 1836. «Знаю, что мнѣ много встрѣтится непріятнаго, что я буду терпѣть и недостатокъ, и бѣдность, но ни за что на свѣтѣ не возвращусь скоро. Долѣе, долѣе, какъ можно долѣе буду въ чужой землѣ».

Теперь Гоголь стремится покинуть Петербургъ и вообще Россію, такъ же какъ семь лѣтъ тому назадъ Нѣжинъ; пережитыя неудачи дѣлали ему ненавистнымъ и Петербургъ, и вообще все пережитое: «Россія, Петербургъ, снѣга, подлещи, департаментъ, кафедра, театръ — все это мнѣ снилось» (Письмо къ Жуковскому отъ 30. X. 1837). Теперь уже ничто не могло привлекать Гоголя въ Петербургъ, такъ какъ на сцену его не приняли, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и въ департаментѣ удѣловъ онъ служилъ неудачно, отъ службы въ патріотическомъ институтѣ былъ уволенъ, кафедре потерялъ, историческіе и этнографическіе труды оказались ему не по силамъ, какъ критикъ, онъ не занялъ выдающагося положенія. Всѣ эти неудачи понимались Гоголемъ, вслѣдствіе его параноическаго характера, какъ новыя доказательства его превосходства, его величія. «О, какой непостижимо-изумительный смыслъ имѣли всѣ случаи и обстоятельства моей жизни. Какъ спасительны для меня были всѣ непріятности и огорченія. Они имѣли въ себѣ что-то эластическое; касаясь ихъ, мнѣ казалось я отпрыгивалъ выше, по крайней мѣрѣ, чувствовалъ въ душѣ своей крѣпче отпоръ». Понятно, что Гоголь, убѣжденный, что его нежеланіе и неспособность работать, служить и давать уроки, дѣлали его «выше», не могъ иначе какъ враждебно и съ презрѣніемъ относиться къ тѣмъ, которые не признавали великимъ всего того, что онъ дѣлалъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ онъ иначе могъ относиться къ подлецамъ, если убѣжденъ, что даже его поѣздка за границу или «удаленіе изъ отечества послано свыше, тѣмъ же Великимъ Провидѣніемъ, ниспославшимъ все на воспитаніе мое». Очевидно, что въ глазахъ Гоголя и люди, не признавшіе его величія, какъ ученаго, педагога, критика, не болѣе, какъ орудія Великаго Провидѣнія,

избравшаго ихъ на эту печальную роль для его «воспитанія». Петербургъ навсегда остался ненавистнымъ для Гоголя; онъ тяготился даже кратковременнымъ, вынужденнымъ въ немъ пребываніемъ, съ ненавистью вспоминалъ о немъ. Конечно, Петербургъ въ то время былъ вообще мало привлекателенъ, но все же и тогда тамъ зарождалась умственная жизнь, были и другіе духовные интересы, но въдѣ Гоголя ничто не могло интересовать кромѣ его собственной личности, а ему уже въ Петербургѣ дѣлать было нечего: все испробовано, и все оказалось не по силамъ.

Что идеи величія, переоцѣнка своего достоинства у Гоголя были чисто патологическаго характера, доказывается тѣмъ, что онъ совершенно не цѣнилъ или, по крайней мѣрѣ, цѣнилъ очень мало, свои дѣйствительно великія произведенія, не видѣлъ, что его неоспоримое превосходство, какъ великаго сатирика, уже признано. Въ томъ же письмѣ къ Жуковскому онъ пишетъ: «Въ самомъ дѣлѣ, если разсмотрѣть строго и справедливо, что такое все написанное мною до сихъ поръ? Мнѣ кажется, какъ будто я разворачиваю давнюю тетрадь ученика, въ которой на одной страницѣ видно нерадѣніе и лѣнь, на другой нетерпѣніе и поспѣшность, робкая, дрожащая рука начинающаго и смѣлая замашка шалуна». Рядомъ съ такою несправедливою оцѣнкой своихъ великихъ произведеній Гоголь не сомнѣвается въ своемъ превосходствѣ. «Какихъ высокихъ, какихъ торжественныхъ ощущеній, невидимыхъ, незамѣтныхъ для свѣта, исполнена жизнь моя! Клянусь, я что-то сдѣлаю, чего не дѣлаетъ обыкновенный человѣкъ». — Львиную силу чувствую въ душѣ своей».

Если бы Гоголь правильно оцѣнивалъ свое величіе, онъ не отзывался бы такъ о своихъ произведеніяхъ; онъ бы оцѣнилъ значеніе «Ревизора», понялъ бы, что не его «удаленіе изъ отечества», а созданіе «Ревизора» — «великій переломъ, великая эпоха» не только въ его жизни, но и въ жизни его отечества.

Такъ какъ Гоголь чувствовалъ себя дурно въ то время, когда былъ поставленъ на сцену «Ревизоръ», то онъ очень мало обратилъ вниманія на этотъ великій моментъ нашей исторіи; его мрачное настроеніе помѣшало ему замѣтить, какой великій переломъ совершаетъ его комедія. Она такъ мало интересовала Гоголя, что онъ, несмотря на просьбы Шепкина и Погодина, и не подумалъ ѣхать въ Москву, чтобы обезпечить образцовую

постановку на сценѣ «Ревизора». Соответственно своему мрачному настроенію, онъ не замѣтилъ или не оцѣнилъ феноменальнаго успѣха «Ревизора», преувеличилъ толки порицателей этой великой комедіи и вообще мало заинтересовался успѣхомъ пьесы, ея постановкой, ея дальнѣйшей судьбой. Потомъ, когда его здоровье улучшалось на время, Гоголь обнаруживалъ участіе къ своему гениальному произведенію, передѣлывалъ его и объяснялъ, конечно, по своему.

Шенрокъ считаетъ одной изъ причинъ оставленія Гоголемъ Россіи неуспѣхъ Ревизора; онъ даже думаетъ, что «зерно будничнаго аскетически-извращеннаго отношенія къ литературной дѣятельности можетъ быть замѣчено у Гоголя еще при жизни Пушкина. Неудачи, постигшія Ревизора, и здѣсь имѣли рѣшительное вліяніе». Я, напротивъ, утверждаю, что если бы Гоголь былъ здоровъ, и гений его съ 1836 г. не началъ потухать, феноменальный успѣхъ Ревизора указалъ бы ему направленіе дальнѣйшей дѣятельности, объяснилъ бы, чего ждетъ отъ него Россія. Только болѣзнь помѣшала Гоголю оцѣнить то великое вліяніе, которое оказалъ Ревизоръ не только на нашу сцену и литературу, но и на все наше развитіе. Ни одна комедія въ Россіи не имѣла такого несомнѣннаго успѣха, какъ Ревизоръ; Государь, Императрица съ Дѣтьми удостоивали своимъ посѣщеніемъ представленія Ревизора, Великій Князь Михаилъ Павловичъ его хвалилъ. Государь совѣтовалъ министрамъ посмотрѣть Ревизора. Вся интеллигенція Петербурга и Москвы была въ восторгѣ отъ Ревизора, публика нарасхватъ раскупала билеты, когда давался Ревизоръ. Щепкинъ писалъ Сосницкому: «принималась комедія *чрезвычайно хорошо*, принималась съ громкими вызовами, и она теперь въ публикѣ общимъ разговоромъ, и до кого она не коснулась, всѣ въ восхищеніи, а остальные морщатся». Самъ Гоголь зналъ, что Ревизоръ имѣлъ успѣхъ; Щепкину отъ 29. IV. 1836 г. онъ пишетъ: «Дѣйствіе, произведенное ею, было большое и шумное. Всѣ противъ меня. А чиновники пожилые и почтенные кричатъ, что для меня нѣтъ ничего святого, когда я дерзнулъ такъ говорить о служащихъ людяхъ; полицейскіе противъ меня; литераторы противъ меня. Бранятъ и ходятъ на пьесу; на четвертое представленіе нельзя достать билетовъ».

Наконецъ Ревизора почтили безсильной и пошлой бранью тупицы въ родѣ Розена, и враги всего хорошаго, въ родѣ Булга-

рина и Сенковского; ихъ отчаянное шипѣніе только могло убѣдить Гоголя въ великомъ значеніи «Ревизора»; если бы эта комедія была невинной веселой шуткой, на нее не накинута бы съ остервенѣніемъ Булгаринъ и К^о. Практическій Погодинъ совершенно вѣрно упрекалъ Гоголя, конечно, не понимая истинной причины малодушія автора Ревизора: «Ну, какъ тебѣ, братецъ, не стыдно! Вѣдь, ты самъ дѣлаешься комическимъ лицомъ. Представь себѣ, авторъ хочетъ укубить людей не въ бровь, а прямо въ глазъ. Онъ попадаетъ въ цѣль. Люди шурются, отворачиваются, бранятся и, разумѣется, кричатъ: «да насъ такихъ нѣтъ!» Такъ ты долженъ радоваться, ибо видишь, что достигъ цѣли (Шенрокъ III. 39).

Поэтому можно только удивляться, что такой глубокой знатокъ произведеній Гоголя, какъ Тихонравовъ, говоритъ: «Неспокойствіе началось съ того момента, когда холоднымъ приѣмомъ Ревизора, а еще болѣе кривыми толками и угрожающими пересудами объ этой комедіи нанесена была глубокая рана Гоголю, какъ художнику и человѣку» ¹⁾.

Неоспоримыми данными доказывается, что «неспокойствіе» началось значительно ранѣе постановки Ревизора на сцену, а именно, самъ Гоголь свидѣтельствуетъ, что оно было уже лѣтомъ 1835 года; также несомнѣнно, что послѣ колоссальнаго успѣха Ревизора, т.-е. уже въ іюль 1836 года за границей, это «неспокойствіе» прошло. Біографовъ Гоголя вводитъ въ заблужденіе то обстоятельство, что онъ былъ боленъ во время постановки Ревизора, и потому, въ то время, на все смотрѣлъ глазами больного человѣка.

Чтобы закончить этотъ эпизодъ въ жизни Гоголя, приведу свидѣтельство Никитенко, *трезваго* поклонника Гоголя, цѣнившего его заслуги и понимавшаго его слабости. «Комедія Гоголя Ревизоръ надѣлала много шума. Ее безпрестанно даютъ—почти черезъ день. Государь былъ на первомъ представленіи, хлопалъ и много смѣялся... Многіе полагаютъ, что правительство напрасно одобряетъ эту пьесу, въ которой оно такъ жестоко порицается. Я видѣлся вчера съ Гоголемъ. Онъ имѣетъ видъ великаго человѣка, преслѣдуемаго оскорбленнымъ самолюбіемъ. Впрочемъ, Гоголь дѣйствительно сдѣлалъ важное дѣло. Впечатлѣніе, произво-

димое его комедіей, много прибавляетъ къ тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя накапливаются въ умахъ отъ существующаго у насъ порядка ¹⁾.

Гоголь могъ и даже долженъ былъ знать, какую бурю вызвали первыя представленія Эрнани въ 1830 г.; противники романтизма обращались и къ властямъ придержащимъ, и не оставались передъ самыми крайними средствами; самые бурные протесты противниковъ ничуть не огорчали Виктора Гюго. Если бы Гоголь зналъ о борьбѣ, выдержанной Гюго, а если бы онъ интересовался литературой, онъ нашелъ бы себѣ въ поведеніи Гюго примѣръ, достойный подражанія. Для насъ, именно, очень поучительно сравнить поведеніе Гюго и Гоголя при первыхъ представленіяхъ Эрнани и Ревизора;—необходимо вспомнить, что Гюго въ 1830 г. было 28 лѣтъ, а Гоголю въ 1836 г. было 27 лѣтъ. Гюго было дорого то дѣло, которому онъ служилъ, и со всей энергіей молодости гениальный поэтъ боролся за свои идеи; борьба укрѣпила его, помогла ему оцѣнить свои силы; нашему гениальному сатирику не было дорого то, чему мы такъ поклоняемся въ этой безсмертной комедіи, онъ и не подумалъ отстаивать Ревизора; онъ, какъ человѣкъ больной, не могъ бороться за идею.

Наконецъ, третьей причиной оставленія Гоголемъ Россіи было еще неясное сознаніе, что онъ уже, по состоянію своего здоровья, не способенъ къ общественной жизни; это убѣжденіе вполне сложилось къ 1840 г., когда онъ съ поразительной пронизательностью высказалъ его въ письмѣ къ Бѣлозерскому отъ 12. IV. 1840.—«Здоровье мое не годится для здѣшняго климата, а главное моя душа: ей нѣтъ здѣсь пріюта, или, лучше сказать, для нея нѣтъ такого пріюта здѣсь, куда бы не доходили до нея волненія. Я же теперь больше гождусь для монастыря, чѣмъ для жизни свѣтской». Нельзя безъ душевной скорби читать это признаніе столь молодого и столь многострадальнаго Гоголя. Весьма возможно, что уже въ 1836 г. Гоголь, хотя и не столь ясно, какъ четыре года спустя, чувствовалъ, что онъ уже не можетъ выносить нашего климата, не способенъ къ жизни въ обществѣ, что ему нужно уединеніе, куда бы не доходили до него волненія. Чисто нервныя, или какъ ихъ теперь называютъ, функциональныя болѣзни тѣмъ и отличаются отъ обыкновенныхъ или органическихъ, что

¹⁾ Соч. Гоголя. Изд. X, т. IV, стр. 467.

¹⁾ «Русская Старина», 1889. IX.

больные весьма чутки къ своимъ недомоганіямъ, поразительно наблюдательны ко всѣмъ условіямъ, влияющимъ на теченіе болѣзни, и, если можно такъ выразиться, инстинктивно подыскиваютъ наиболѣе благопріятную для себя обстановку. Больные катаромъ желудка, почками и т. п., часто очень мало обращаютъ вниманія на свою болѣзнь, часто не соблюдаютъ самыхъ элементарныхъ требованій медицины и не исполняютъ предписаній, разумность которыхъ очевидна для нихъ самихъ; болѣзнь не мѣшаетъ имъ работать, наслаждаться жизнью, почему многие больные окончательно губятъ свое здоровье. Совсѣмъ иначе относятся къ своей болѣзни первые больные: они постоянно озабочены состояніемъ своего организма, преувеличиваютъ значеніе припадковъ своей болѣзни, внимательно слѣдятъ за всѣми вліяніями обстановки на теченіе болѣзни, крайне предусмотрительны и какъ бы чутьемъ подыскиваютъ наиболѣе благопріятный для себя пріютъ. Это, по всей вѣроятности, зависитъ оттого, что нервныя страданія всегда напоминаютъ о себѣ больнымъ; объ органическихъ болѣзняхъ больные легко забываютъ при улучшеніи; больной, страдающій катаромъ желудка, часто нарушаетъ діетическія требованія, когда ему лучше, когда катаръ не мучитъ его.

Весьма естественно, что Гоголь, одаренный поразительною наблюдательностью, отлично замѣтилъ, что климатъ, служебная дѣятельность, посѣщеніе общества и т. д. вредно вліяютъ на его здоровье, и стремился устроиться такъ, чтобы пользоваться полной свободой, уединеніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ жить въ хорошемъ климатѣ. Очень можетъ быть, что въ домѣ Смирновой онъ слышалъ много похвалъ климату Италіи, объ удобствахъ жизни за границей и, такъ какъ въ Россіи его ничего не интересовало и не привлекало, рѣшилъ надолго поселиться за границей.

Наконецъ, весьма важное значеніе имѣло то обстоятельство, что къ этому времени Гоголь настолько заручился благоволеніемъ Жуковского, что могъ рассчитывать на матеріальную поддержку Двора, благодаря протекціи Жуковского. Гоголь умѣлъ пользоваться людьми, глубоко и вѣрно зналъ ихъ и потому совершенно вѣрно рассчиталъ, что, благодаря своему вліянію на Жуковского, онъ не останется безъ средствъ; послѣдствія доказали, что Гоголь не ошибся. Слѣдовательно, теперь онъ могъ вполне заняться своимъ здоровьемъ, вдали отъ неоправданныхъ его «су-

ществователей» и «подлецовъ». Теперь онъ могъ жить тамъ и такъ, какъ того будетъ требовать состояніе его здоровья, встрѣчаться лишь съ тѣми, которые будутъ «смотрѣть на него, какъ на оракула, и ожидать, когда отверзятся его уста», по мѣткому замѣчанію Иордана ¹⁾.

Съ 1836 года начинается скитальческая жизнь многострадальнаго поэта; ухудшенія въ состояніи здоровья чередуются съ улучшеніями; послѣднія становятся все короче и рѣже, ухудшенія интенсивнѣе и продолжительнѣе; вниманіе больного все болѣе и болѣе поглощается состояніемъ здоровья, а духовные, высшіе интересы отодвигаются на задній планъ.

Путешествіе, какъ то часто бываетъ съ нервно-больными, хорошо воздѣйствовало на Гоголя; изъ Гамбурга онъ пишетъ къ матери письмо (17/VI. 1836), свидѣтельствующее о сравнительно хорошемъ состояніи здоровья; еще болѣе нѣкоторое улучшение доказывается письмомъ отъ 4/VII, 1836 къ сестрамъ, въ которомъ онъ очень мило описываетъ маленькимъ сестрамъ Гамбургъ и даже рисуетъ перомъ гамбургскіе дома.

Но уже въ первомъ письмѣ къ матери проскользнуло, что Гоголя больше всего интересуютъ санитарныя условія городовъ, т.-е. что онъ, главнымъ образомъ, обращаетъ вниманіе на то, что относится къ его здоровью; уже въ этомъ письмѣ онъ пишетъ «вездѣ почти чистота: все стекаетъ въ подземныя трубы, и вони въ улицахъ гораздо меньше, нежели въ Петербургѣ». Это несвойственная путешественникамъ внимательность настолько поразила Краевского, что онъ писалъ Погодину: «Всѣ города опфнѣняетъ онъ одною мѣркою, запахомъ: въ этомъ городѣ нѣтъ вони, а вотъ въ этомъ очень воняетъ, потому что льютъ нечистоты на улицу» ²⁾. Также вѣрно слѣдующее замѣчаніе Краевского: «Вся пройденная имъ Европа ему показалась трактиромъ». Природа, архитектура, живопись, общественная и умственная жизнь Германіи не привлекали къ себѣ вниманія Гоголя, и вотъ что онъ пишетъ матери отъ 14/VII, 1836 о путешествіи по Рейну. «Два дня шель пароходъ нашъ, и безпрістанные виды наконецъ надоѣли мнѣ... Въ Майнцѣ, большомъ и старинномъ городѣ, вышелъ я на берегъ, не остановился ни минуты, хотя городъ стоилъ того, чтобы посмотрѣть его»...

¹⁾ «Русская Старина» 1891.

²⁾ Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина. Т. IV, стр. 341.

Также мало заинтересовала Гоголя Швейцарія, о которой онъ 25/IX 1836, писалъ такъ:

«Что тебѣ сказать о Швейцаріи, все виды, да виды, такіе, что мнѣ отъ нихъ становится тошно, и если бы мнѣ попалось теперь наше подлое и плоское русское мѣстоположеніе, съ бревенчатою избою и сѣренькимъ небомъ, то я бы въ состояніи имъ восхищаться какъ новымъ... Изъ всѣхъ воспоминаній моихъ остались воспоминанія о безконечныхъ обѣдахъ, которыми преслѣдуетъ меня обжорливая Европа и то развѣ потому, что ихъ хранить желудокъ, а не голова. Охъ, мнѣ эти обѣды. Проклятое обыкновеніе! Я ѣмъ черезъ одно блюдо, по каплѣ, но чувствую въ своемъ желудкѣ страшную дрянъ. Какъ будто бы кто загналъ туда цѣлый табунъ рогатой скотины. Жалѣю очень, что не взялъ водъ. На слѣдующую весну, или лѣто перечищу его всего начисто». Швейцарія не понравилась Гоголю, потому что ея климатъ неблагопріятно вліялъ на его здоровье; въ томъ же письмѣ Прокоповичу Гоголь пишетъ—«Города швейцарскіе мало для меня были занимательны... въ Женевѣ я прожилъ болѣе мѣсяца, но наконецъ не стало мочи отъ здѣшняго глупаго климата». Въ письмѣ къ Жуковскому отъ 12/XI, 1836 Гоголь сообщаетъ, что «наконецъ и въ Веве сдѣлалось холодно... Докторъ мой отыскалъ во мнѣ признаки ипохондріи, происходившей отъ геморроидъ, и совѣтовалъ мнѣ развлекать себя; увидѣвши, что я не въ состояніи того былъ сдѣлать, совѣтовалъ перемѣнить мѣсто». Такъ какъ въ Италіи была холера, а въ Парижѣ жилъ Данилевскій, Гоголь поѣхалъ въ Парижъ.

Въ Парижѣ Гоголю удалось найти теплую квартиру, на солнцѣ, съ печкой. «Я блаженствую. Снова веселъ. Мертвыя текутъ живо, свѣжѣе и бодрѣе, чѣмъ въ Веве». Это письмо къ Жуковскому весьма важно для пониманія біографіи Гоголя, такъ какъ свидѣтельствуетъ объ ослабленіи генія Гоголя и о кристаллизациі, большей отчетливости идей величія. «Еще одинъ Левіафанъ затѣвается. Священная дрожь пробираетъ меня заранѣе, когда подумаю о немъ; слышу кое-что изъ него? Божественныя вкушу минуты... но... теперь я погруженъ весь въ «Мертвыя Души». Огромно велико мое твореніе, и не скоро конецъ его. Еще возстанутъ противъ меня новыя сословія и много разныхъ господъ, но что же мнѣ дѣлать! Уже судьба моя вра-

ждовать съ моими земляками. *Терпѣніе*. Кто-то незримый пишетъ передо мною могущественнымъ жезломъ».

Насколько Гоголь уже въ 1837 году, вслѣдствіе своей болѣзни, былъ неспособенъ чѣмъ-либо интересоваться кромѣ «храмовъ», какъ онъ называлъ рестораны, и санитарныхъ условій, показываетъ его отношеніе къ Парижу, въ которомъ онъ прожилъ около трехъ мѣсяцевъ. Едва ли нужно доказывать, что въ Парижѣ, именно въ то время, жизнь была ключомъ, что въ то время Парижъ былъ центромъ политическимъ, умственнымъ и литературнымъ всего міра. Больной Гоголь ко всему этому остался совершенно безучастенъ; и насколько можно судить по отрывку Римъ, по его письмамъ и воспоминаніямъ друзей въ Парижѣ его интересовали только кафе. Онъ самъ пишетъ къ Прокоповичу отъ 25/I, 1837: «Только въ одну жизнь театральную я иногда вступаю». Живопись его интересовала такъ мало, что въ письмѣ къ матери, писанномъ въ концѣ 1836 г. (точная дата осталась неизвѣстной), онъ пишетъ «Вчера я былъ въ Луврской картинной галерей во второй разъ и все насилу могъ выдти. Картины здѣсь собрались лучшія со всего свѣта. Былъ на прошлой недѣлѣ въ извѣстномъ саду (Jardin des plantes)». Итакъ, хотя намъ неизвѣстно, сколько времени спустя послѣ пріѣзда въ Парижъ Гоголь во второй разъ зашелъ въ Лувръ, несомнѣнно, что второе посѣщеніе Лувра состоялось не ранѣе второй недѣли пребыванія въ Парижѣ. Не претендуя на особенную любовь и пониманіе живописи, я на первой недѣлѣ моего пребыванія въ Парижѣ былъ въ Луврѣ три раза. Можно лишь пожалѣть, что на Гоголя Парижъ не оказалъ просвѣтительнаго воздѣйствія, что гениальный поэтъ былъ совершенно невосприимчивъ къ наукѣ, политикѣ, литературѣ и искусству. Въ отрывкѣ Римъ, имѣющемъ автобіографическое значеніе, ясно видно, что Парижъ не привлекъ вниманія Гоголя; при чтеніи Рима невольно удивляешься ничтожеству князя, который въ Парижѣ подмѣтилъ только: «Въ движеніи торговли, ума, вездѣ, во всемъ видѣлъ онъ только напряженное усиліе и стремленіе къ новости».

О парившемъ тогда романтизмѣ, съ Гюго во главѣ, онъ говоритъ: «Страчностью неслыханныхъ страстей, уродливостью исключеній изъ человѣческой природы, силились повѣсти и романы овладѣть читателемъ». Даже науку, которой Франція того времени имѣла полное право гордиться, бѣдный князь не могъ оцѣнить. «Въ

самой наукѣ, въ ея одушевленныхъ лекціяхъ, которыхъ достоинство не могъ не признать онъ, теперь стало ему замѣтно вездѣ желаніе высказаться, хваснуть, выставить себя; вездѣ блестящіе эпизоды, и нѣтъ торжественнаго, величаваго теченія всего цѣлаго, даже слово *политика* опротивѣло, наконецъ, сильно молодому князю.

Теперь уже не могло быть сомнѣнія, что болѣзнь навсегда лишила гениальнаго автора «Ревизора» способности учиться, развиваться, чѣмъ-либо интересоваться, кромѣ собственного здоровья. Нужно быть очень больнымъ, чтобы не найти чему поучиться въ Парижѣ, а писатель, бывший профессоръ, сатирикъ, желающій послужить на пользу своихъ соотечественниковъ, конечно, долженъ былъ многому поучиться въ Парижѣ, многимъ заинтересоваться и многому поклоняться. Если бы Гоголь былъ здоровъ, несомнѣнно, онъ дополнилъ бы въ Парижѣ свое научное, политическое и литературное образованіе.

Но бѣдный гениальный поэтъ не могъ вслѣдствіе болѣзни интересоваться ничѣмъ кромѣ своего здоровья, которое, — увы! — постепенно, хотя медленно шло на убыль. Въ томъ же письмѣ къ Прокоповичу онъ ясно высказываетъ сужденіе, элементы котораго не были въ воспріятіи, или говоря иначе, идею бреда величія. «Моимъ голосомъ, который теперь долженъ имѣть надъ тобой двойную силу и власть, я заклинаю тебя стряхнуть лѣнь». Если бы Гоголь думалъ, что онъ обладаетъ двойной силой и властью, какъ великій писатель, эта фраза, конечно, не была бы идеей бреда, но въ томъ же письмѣ онъ пишетъ: «Мнѣ страшно вспомнить обо всѣхъ моихъ марахъ». Значитъ его двойная сила и власть не были приобрѣтены его произведеніями; никакихъ реальныхъ основаній на приписываемое имъ себѣ величіе онъ не приводитъ. Это сужденіе выработано, какъ нѣкоторые больные выражаются «внутреннимъ убѣжденіемъ»; его больной не можетъ ничѣмъ доказать, совершенно невозможно убѣдить больного въ томъ, что его сужденіе не правильно; это его «внутреннее убѣжденіе». Мы, конечно, мало объяснимъ себѣ механизмъ такихъ идей бреда, если скажемъ, что такіа идеи кажутся больнымъ откровеніемъ.

Что у Гоголя въ то время уже формировались идеи величія можно судить изъ воспоминаній, къ сожалѣнію весьма краткихъ, Золотарева. Золотаревъ подмѣтилъ, что на Гоголя находилъ, по-

видимому, безпричинно какой-то столбнякъ; вдругъ среди оживленнаго разговора Гоголь замолкалъ, и тогда отъ него нельзя было добиться слова. Золотаревъ подмѣтилъ и другія подозрительныя явленія — а именно странную застѣнчивость, чрезвычайный аппетитъ; Гоголь бывало разговаривалъ и говоритъ весело, живо, остроумно; входитъ новое лицо, и онъ замолкаетъ. Аппетитъ въ то время у Гоголя былъ ненормальный, особенно если принять во вниманіе его жалобы на геморрой. Бывало зайдешь мы въ какую-нибудь трактирню пообѣдать; Гоголь покушаетъ плотно, обѣдъ уже конченъ; вдругъ входитъ новый посѣтитель и заказываетъ себѣ новое кушанье. Аппетитъ Гоголя вновь разгорается, и онъ, несмотря на то что пообѣдалъ, заказываетъ себѣ или то кушанье, которое потребовалъ вновь пришедшій посѣтитель, или что-нибудь другое».

Также странно въ Гоголѣ за этотъ періодъ его жизни, что онъ, поймавъ какое-нибудь слово или рифму, повторялъ ихъ въ теченіе нѣсколькихъ дней. Уже въ 1836 г. онъ сшилъ себѣ въ Гамбургѣ костюмъ изъ тика и сочинилъ четверостишіе ¹⁾:

Счастливъ тотъ, кто сшилъ себѣ
Въ Гамбургѣ штанишки,
Благодаренъ онъ судьбѣ
За свои дѣлишки.

Это четверостишіе, которое не только гениальному поэту, но и простому смертному, не можетъ понравиться, Гоголь повторялъ потомъ цѣлую недѣлю.

Конечно, и здоровые люди повторяютъ какое-нибудь попавшее на языкъ слово или фразу, но если дѣло доходитъ до такой степени, какъ это было у Гоголя, можно подозрѣвать уже ненормальность. Это, можно думать, навязчивое состояніе, указывающее на слабость вниманія. Гоголь, какъ это всегда бываетъ съ такими больными, повторялъ бессмысленное четверостишіе. Интересно, что больные не повторяютъ хорошіе стихи, фразы, имѣющія серьезное значеніе: всегда мы слышимъ или очень глупыя, или лишенные серьезнаго содержанія фразы.

Золотаревъ тогда же подмѣтилъ, что Гоголь былъ крайне ре-

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ», 1893; I. Разказы о Гоголѣ. — Къ сожалѣнію намъ, такимъ образомъ, извѣстно о Гоголѣ лишь изъ вторыхъ рукъ.

самой наукѣ, въ ея одушевленныхъ лекціяхъ, которыхъ достоинство не могъ не признать онъ, теперь стало ему замѣтно вездѣ желаніе высказаться, хваснуть, выставить себя; вездѣ блестящіе эпизоды, и нѣтъ торжественнаго, величаваго теченія всего цѣлаго, даже слово *политика* опротивѣло, наконецъ, сильно молодому князю.

Теперь уже не могло быть сомнѣнія, что болѣзнь навсегда лишила гениальнаго автора «Ревизора» способности учиться, развиваться, чѣмъ-либо интересоваться, кромѣ собственнаго здоровья. Нужно быть очень больнымъ, чтобы не найти чему поучиться въ Парижѣ, а писатель, бывший профессоръ, сатирикъ, желающій послужить на пользу своихъ соотечественниковъ, конечно, долженъ былъ многому поучиться въ Парижѣ, многимъ заинтересоваться и многому поклоняться. Если бы Гоголь былъ здоровъ, несомнѣнно, онъ дополнилъ бы въ Парижѣ свое научное, политическое и литературное образованіе.

Но бѣдный гениальный поэтъ не могъ вслѣдствіе болѣзни интересоваться ничѣмъ кромѣ своего здоровья, которое, — увы! — постепенно, хотя медленно шло на убыль. Въ томъ же письмѣ къ Прокоповичу онъ ясно высказываетъ сужденіе, элементы котораго не были въ воспріятіи, или говоря иначе, идею бреда величія. «Моимъ голосомъ, который теперь долженъ имѣть надъ тобой двойную силу и власть, я заклинаю тебя стряхнуть лѣнь». Если бы Гоголь думалъ, что онъ обладаетъ двойной силой и властью, какъ великій писатель, эта фраза, конечно, не была бы идеей бреда, но въ томъ же письмѣ онъ пишетъ: «Мнѣ страшно вспомнить обо всѣхъ моихъ мараньяхъ». Значитъ его двойная сила и власть не были приобрѣтены его произведеніями; никакихъ реальныхъ основаній на приписываемое имъ себѣ величіе онъ не приводитъ. Это сужденіе выработано, какъ нѣкоторые больные выражаются «внутреннимъ убѣжденіемъ»; его больной не можетъ ничѣмъ доказать, совершенно невозможно убѣдить больного въ томъ, что его сужденіе не правильно; это его «внутреннее убѣжденіе». Мы, конечно, мало объяснимъ себѣ механизмъ такихъ идей бреда, если скажемъ, что такіа идеи кажутся больнымъ откровеніемъ.

Что у Гоголя въ то время уже формировались идеи величія можно судить изъ воспоминаній, къ сожалѣнію весьма краткихъ, Золотарева. Золотаревъ подмѣтилъ, что на Гоголя находилъ, по-

видимому, безпричинно какой-то столбнякъ; вдругъ среди оживленнаго разговора Гоголь замолкалъ, и тогда отъ него нельзя было добиться слова. Золотаревъ подмѣтилъ и другія подозрительныя явленія — а именно странную застѣнчивость, чрезвычайный аппетитъ; Гоголь бывало разговорится и говорить весело, живо, остроумно; входитъ новое лицо, и онъ замолкаетъ. Аппетитъ въ то время у Гоголя былъ ненормальный, особенно если принять во вниманіе его жалобы на геморрой. Бывало зайдемъ мы въ какую-нибудь трактирію пообѣдать; Гоголь покушаетъ плотно, обѣдъ уже конченъ; вдругъ входитъ новый посѣтитель и заказываетъ себѣ новое кушанье. Аппетитъ Гоголя вновь разгорается, и онъ, несмотря на то что пообѣдалъ, заказываетъ себѣ или то кушанье, которое потребовалъ вновь пришедшій посѣтитель, или что-нибудь другосъ.

Также странно въ Гоголѣ за этотъ періодъ его жизни, что онъ, поймавъ какое-нибудь слово или рифму, повторялъ ихъ въ теченіе нѣсколькихъ дней. Уже въ 1836 г. онъ сшилъ себѣ въ Гамбургѣ костюмъ изъ тика и сочинилъ четверостишіе ¹⁾:

Счастливъ тотъ, кто сшилъ себѣ
Въ Гамбургѣ штанишки,
Благодаренъ онъ судьбѣ
За свои дѣлишки.

Это четверостишіе, которое не только гениальному поэту, но и простому смертному, не можетъ понравиться, Гоголь повторялъ потомъ цѣлую недѣлю.

Конечно, и здоровые люди повторяютъ какое-нибудь попавшее на языкъ слово или фразу, но если дѣло доходитъ до такой степени, какъ это было у Гоголя, можно подозрѣвать уже ненормальность. Это, можно думать, навязчивое состояніе, указывающее на слабость вниманія. Гоголь, какъ это всегда бываетъ съ такими больными, повторялъ бессмысленное четверостишіе. Интересно, что больные не повторяютъ хорошіе стихи, фразы, имѣющія серьезное значеніе: всегда мы слышимъ или очень глупыя, или лишенные серьезнаго содержанія фразы.

Золотаревъ тогда же подмѣтилъ, что Гоголь былъ крайне ре-

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ», 1893; I. Разказы о Гоголѣ. — Къ сожалѣнію намъ, такимъ образомъ, извѣстно о Гоголѣ лишь изъ вторыхъ рукъ.

лигіозень, часто посѣщалъ церкви и любилъ видѣть проявленіе религіозности у другихъ.

Самымъ тяжелымъ симптомомъ болѣзни Гоголя за это время были тѣ состоянія, которыя Золотаревъ называетъ «столбняками». Нѣсколько иначе описываетъ эти состоянія Смирнова, наблюдавшая Гоголя лѣтомъ 1837 года въ Баденѣ. «Гоголь пріѣхалъ туда больной, но не лѣчился. Онъ только пилъ воды въ Лихтенбургской аллеѣ и ходилъ, или, лучше сказать, бродилъ одинъ по лугу зигзагами возлѣ Стефанбада. Часто онъ былъ такъ задумчивъ, что его звали и не могли дозваться. Если же это и удавалось, то онъ отказывался гулять вмѣстѣ, приводя самыя странныя причины»... Онъ прочелъ двѣ первыя главы Мертвыхъ Душъ въ томъ видѣ, какъ онѣ послѣ явились въ печати. «Всѣ очень много смѣялись и были въ восторгѣ. Послѣ того онъ просилъ Карамзина проводить его на Грабенъ, говоря, что тамъ много собакъ, а съ нимъ нѣтъ палки. На Грабенѣ, однакожъ, собакъ не было; но Гоголь отъ грозы и чтенія пришелъ въ такое нервическое состояніе, что не могъ итти одинъ». На другой день А. О. просила его повторить чтеніе, но онъ рѣшительно отказался и даже просилъ не просить его никогда объ этомъ (Шенрокъ; III. 194—5).

Если мы сопоставимъ воспоминанія Золотарева и Смирновой, то необходимо должны будемъ притти къ заключенію, что въ этотъ періодъ жизни Гоголь вырабатывалъ идеи величія; бредовыя идеи появлялись среди разговора, какъ то свидѣтельствуемъ Золотаревъ, и Гоголь прекращалъ разговоръ, потому что бредовая идея всецѣло завладѣвала его вниманіемъ; на него напалъ «столбнякъ». Въ Баденѣ бредовыя идеи подолгу завладѣвали вниманіемъ Гоголя, и онъ тогда, конечно, слабо реагировалъ на раздраженія внѣшняго міра; если же его друзьямъ и удавалось отвлечь хотя отчасти его вниманіе, онъ приводилъ «странныя причины». Дѣйствительно, когда больной, всецѣло сосредоточенный на своихъ идеяхъ бреда, возвращается въ дѣйствительный міръ, нѣкоторое время онъ спутываетъ идеи бреда съ воспріятіями дѣйствительности, и потому его отвѣты кажутся «странными». Больного въ такомъ положеніи можно сравнить съ глубоко сосредоточеннымъ на своихъ мысляхъ ученымъ, котораго зовутъ гулять; не законченный ходъ мыслей можетъ странно переплетаться съ воспріятіями дѣйствительности.

Возвращаясь къ цѣннымъ воспоминаніямъ Золотарева, слѣдуетъ остановиться на тонко подмѣченномъ этимъ трезвымъ и непритязательнымъ наблюдателемъ явленіи. Гоголь отличался большимъ аппетитомъ; такая неумѣренность въ ѣдѣ, бываетъ у нѣкоторыхъ душевно-больныхъ; намъ непонятно происхожденіе этого симптома, но даже не врачи знаютъ, что нѣкоторые ипохондрики отличаются удивительнымъ аппетитомъ. Можетъ быть этотъ симптомъ объясняется ослабленной чувствительностью желудка; больной не чувствуетъ пресыщенія, не чувствуетъ неудовольствія послѣ неумѣренной ѣды; можетъ быть, такая обжорливость зависитъ отъ ослабленія или, по крайней мѣрѣ, притупленія высшей духовной дѣятельности; извѣстно, что тупые люди объѣдаются просто отъ скуки, отъ праздности. Поэтому и непомѣрный аппетитъ Гоголя имѣетъ нѣкоторое значеніе при оцѣнкѣ его болѣзненного состоянія.

Первое пребываніе Гоголя въ Римѣ съ 14 марта до половины іюня 1837 г. не произвело благотворнаго вліянія на его здоровье; къ такому заключенію слѣдуетъ притти не только на основаніи вышеприведеннаго воспоминанія Смирновой, но и на основаніи жалобъ самого Гоголя въ его письмахъ. Онъ остался доволенъ климатомъ Італіи, а также дешевизной жизни въ Римѣ. (И правда, что врядъ ли гдѣ сыщешь землю, гдѣ бы можно такъ дешево прожить—письмо къ Данилевскому IV 1837), но страданія не покинули и въ Римѣ несчастнаго поэта: «Я бы болѣе упивался его климатомъ, если бы былъ совершенно здоровъ, но чувствую хворость въ самой благородной части тѣла—въ желудкѣ. Онъ, бестія, почти не варитъ вовсе, и запоры такіе упорные, что никакъ не знаю, что дѣлать», пишетъ Гоголь Прокоповичу 30/III, 1837. Въ апрѣлѣ Гоголь уже рѣшаетъ покинуть Італію; онъ пишетъ Данилевскому: «черезъ полтора мѣсяца я выѣду изъ Італіи заглянуть въ какія-нибудь нѣмецкія воды». 6/IV онъ пишетъ Жуковскому: «Здоровье мое, кажется, съ каждымъ годомъ становится плоше и плоше. Я былъ недавно очень боленъ, теперь мнѣ сдѣлалось немного лучше. Если и Італія мнѣ не поможетъ, то я не знаю, что тогда уже дѣлать»... «Я дорожу теперь минутами моей жизни, потому что не думаю, чтобы она была долговѣчна». Такимъ образомъ въ Римѣ Гоголь вполне убѣдился, что онъ тяжело и неизлѣчимо боленъ. Его состояніе было дѣйствительно крайне печально,

а именно въ томъ же письмѣ къ Жуковскому онъ пишетъ: «На меня часто находятъ печальныя мысли, слѣдствіе ли это ипохондріи или чего другого. Доктора больше относятъ къ первому, я и самъ готовъ съ ними согласиться».

Состояніе здоровья Гоголя не улучшилось въ Римѣ; напротивъ ему стало гораздо хуже; лѣтомъ 1837 г. онъ предпринялъ путешествіе въ Испанію, а можетъ быть былъ и еще гдѣ-нибудь. Переписка его два раза прерывается, а именно отъ 15/VI по 16/VII, и отъ 21/VII по IX 1837; несомнѣнно, что состояніе здоровья несчастнаго поэта было очень дурно. Къ этому заключенію слѣдуетъ притти, во-первыхъ, потому что онъ не писалъ писемъ въ эти періоды, а во-вторыхъ, потому что о его путешествіи въ Испанію нѣтъ даже точныхъ свѣдѣній: Очевидно, что или Гоголь, вслѣдствіе обостренія своихъ страданій, плохо помнилъ, гдѣ онъ былъ и что видѣлъ, или не желалъ вспоминать о своемъ путешествіи по Испаніи, потому что въ это время чувствовалъ себя дурно, а можетъ быть у него даже были бредовыя идеи объ этомъ путешествіи, которыя онъ скрывалъ. Иначе нельзя объяснить того удивительнаго факта, что никто изъ знакомыхъ Гоголя не узналъ, когда, т.-е. въ началѣ или концѣ лѣта, онъ былъ въ Испаніи и гдѣ именно.

Возможно, что Гоголь и не былъ въ Испаніи, а страдалъ и обдумывалъ свои идеи бреда въ какомъ-либо городкѣ или деревнѣ, скрывалъ свое тамъ пребываніе, считая его подвигомъ, ниспосланнымъ провидѣніемъ для «воспитанія» души. Вообще этотъ таинственный эпизодъ въ жизни Гоголя доказываетъ, что лѣтомъ 1837 наступило ухудшеніе въ теченіи его болѣзни гораздо болѣе серьезное, чѣмъ во второй половинѣ 1833 года. Это обостреніе имѣло болѣе роковое значеніе въ развитіи болѣзни уже потому, что Гоголю въ то время было двадцать восемь лѣтъ.

На основаніи своихъ наблюденій я пришелъ къ заключенію, что для лицъ съ параноическимъ характеромъ самымъ опаснымъ періодомъ жизни слѣдуетъ считать именно возрастъ отъ 26 до 30 лѣтъ¹⁾. Лица съ параноическимъ характеромъ, не заболѣвшіе

¹⁾ Здѣсь, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ настоящей работы, я долженъ сослаться на свои собственныя наблюденія; неполнота нашихъ знаній душевныхъ болѣзней долго не позволяла мнѣ приниматься за настоящій трудъ; для уясненія нѣкоторыхъ подробностей въ развитіи болѣзни Гоголя

въ этомъ періодѣ жизни, почти безъ исключенія, остаются здоровыми на всю жизнь; они отличаются повышеннымъ самолюбіемъ, высокомеріемъ къ другимъ. Ихъ переоцѣнка собственного превосходства и дурное мнѣніе о ближнихъ остаются въ физиологическихъ границахъ. Ихъ считаютъ гордецами, надъ ними смѣются, они иногда удивляютъ своихъ знакомыхъ неосновательными претензіями, заводятъ вздорныя ссоры съ тѣми, кто не признаетъ ихъ претензій на превосходство; вообще, они пренебрѣжительны, сослуживцы, спѣсивые и очень обидчивые. Такихъ лицъ немало и, конечно, ихъ нельзя считать душевно-больными; они даже могутъ быть полезными работниками; ихъ самоуверенность, самолюбіе, презрѣніе къ противникамъ иногда оказываются полезными въ общественной дѣятельности. Неудачи ихъ не смущаютъ, такъ какъ они презираютъ противниковъ, и борьба ихъ не страшитъ.

У лицъ съ параноическимъ характеромъ настоящія идеи бреда начинаютъ складываться именно въ возрастѣ отъ 26 до 30 лѣтъ, т.-е. когда молодость уже кончается; въ этомъ періодѣ проявляется настоящая болѣзнь у тѣхъ, кто по неизвѣстной намъ причинѣ къ ней предрасположенъ, у кого патологическая организація нервной системы выражена сильнѣе. Слѣдовательно, ухудшеніе или обостреніе болѣзненнаго состоянія въ этомъ возрастѣ имѣетъ рѣшающее значеніе; субъектъ остается на всю жизнь здоровымъ, хотя и страннымъ человѣкомъ, или дѣлается больнымъ. Мы не знаемъ, почему одни благополучно переживаютъ этотъ періодъ, другіе окончательно заболѣваютъ; по всей вѣроятности, исходъ болѣзни опредѣляется врожденной организаціей нервной системы; насколько я могъ подмѣтить, условія жизни и занятія никакого вліянія на развитіе болѣзни не имѣютъ.

Слѣдуетъ считать крайне опаснымъ и тяжелымъ явленіемъ припадокъ, перенесенный Гоголемъ во второй половинѣ 1837 года уже въ виду его продолжительности. Улучшеніе наступило лишь въ концѣ года, какъ можно судить по письмамъ многострадальнаго поэта. 19. IX. 1837 Гоголь пишетъ дѣловое письмо къ Прокоповичу, въ которомъ жалуется на свою болѣзнь:

я долженъ былъ собирать наблюденія, самостоятельно изучать нѣкоторыя проявленія душевныхъ болѣзней; особенно несовершенны наши знанія паранои, и потому мнѣ пришлось немало поработать.

«противъ воли долженъ искать развлеченій: я боюсь ипохондрии, которая гонится за мной по пятамъ». Мы не знаемъ, гдѣ провелъ Гоголь октябрь и ноябрь этого печальнаго для него года; 1. X. онъ пишетъ матери изъ Женеви, 30. X. изъ Рима Жуковскому, 25. XI къ матери изъ Милана, проѣхавъ черезъ Синплонъ. Сомнительно, чтобы Гоголь изъ Швейцаріи въ концѣ октября приѣхалъ въ Римъ и затѣмъ опять сейчасъ же уѣхать въ Швейцарію, откуда въ концѣ ноября опять перебрался въ Италію. Въ письмѣ отъ 30. X Гоголь благодаритъ Жуковскаго за исхода-тайствовенное имъ пособіе отъ Государя; можетъ быть, Гоголь поручилъ кому-либо изъ своихъ знакомыхъ отправить письмо Жуковскому изъ Рима; такое предположеніе весьма вѣроятно въ виду того, что Гоголь неоднократно убѣждалъ Жуковскаго, въ томъ, что только пребываніе въ Римѣ можетъ продлить его жизнь, чѣмъ и оправдывалъ свои просьбы о пособіяхъ.

Такимъ образомъ во второй половинѣ 1837 Гоголь былъ настолько боленъ, что писалъ только самыя необходимыя письма, проживалъ скрываясь по временамъ отъ друзей, которые и потомъ не могли разузнать, когда Гоголь былъ въ Испаніи, гдѣ былъ въ октябрѣ и ноябрѣ 1837.

Въ чемъ состояли болѣзненные явленія у Гоголя за этотъ періодъ, мы не знаемъ, кромѣ явленія, подмѣченнаго Смирновой; но несомнѣнно, что ухудшеніе оставило стойкіе и весьма тяжелые слѣды на состояніи здоровья несчастнаго сатирика; нѣкоторыя послѣдствія пережитого во второй половинѣ 1837 великій знатокъ человѣческой души скоро замѣтилъ.

Какъ послѣ припадка 1833 года, и теперь наступило значительное улучшение, появилась, правда слабая, жизнерадостность, нѣкоторый подъемъ энергіи. Гоголь изъ Рима пишетъ большія, нелишенные юмора и веселости письма; въ нихъ виденъ интересъ къ жизни. Появляется даже желаніе работать, и въ апрѣлѣ 1838 онъ пишетъ Балабиной письмо, помѣщающееся на десяти печатныхъ страницахъ, между прочимъ, онъ пишетъ: «Знаете, что я вамъ скажу теперь о римскомъ народѣ? Я теперь занятъ желаніемъ узнать его въ глубинѣ, весь его характеръ, слѣжу его во всемъ, читаю всѣ народныя произведенія, гдѣ только онъ отразился».

Геніальный Гоголь не могъ не замѣтить тяжкаго слѣда, оставленнаго перенесеннымъ имъ припадкомъ и очень ясно описыва-

етъ это крайне печальное и для него, и для насъ явленіе; уже въ письмѣ къ Прокоповичу отъ 19 X 1837, онъ заявляетъ: «Гемморoidalные мои запоры, по выѣздѣ изъ Рима, начались опять, и повѣришь ли, что если не схожу на дворъ, то въ продолженіе всего дня чувствую, что на мозгъ мой какъ будто надвинулся какой-то колпакъ, который препятствуетъ мнѣ думать и туманить мои мысли». Увы, этотъ болѣзненный симптомъ не проходитъ и въ Римѣ, 16 V 1838 Гоголь пишетъ Данилевскому: «Помоги ему (Pavé) если можешь, выбрать или заказать для меня парикъ. Хочу сбрить волоса, на этотъ разъ не для того, чтобы росли волоса, но собственно для головы, не поможетъ ли это испареніямъ, а вмѣстѣ съ нимъ (sic) и вдохновенію испаряться сильнѣе. Тупѣетъ мое вдохновеніе; голова часто покрыта тяжелымъ облакомъ, которое (sic) я долженъ безпрестанно стараться разсѣвать, а между тѣмъ мнѣ такъ много еще нужно сдѣлать». Князю Вяземскому Гоголь пишетъ: «Здоровье мое плохо; всякое занятіе самое легкое отяжелѣваетъ мнѣ голову». Съ грустью читаемъ мы признаніе Гоголя Погодину, въ письмѣ отъ 20 VIII 1837. «Увы! здоровье мое плохо и гордые мои замыслы... О другъ! если бы мнѣ на четыре, пять лѣтъ еще здоровья... но работа моя вяла, нѣтъ той живости. Недугъ, для котораго я уѣхалъ, и который было казался облегчился, теперь усилился вновь. Моя геморроидальная болѣзнь вся обратилась на желудокъ. Это несносная болѣзнь. Она меня сушитъ. Она мнѣ говоритъ о себѣ каждую минуту и мѣшаетъ мнѣ заниматься».

Самъ Гоголь уже понималъ, что творчество его слабѣетъ, что наступаетъ преждевременная дряхлость; онъ пишетъ искренно Прокоповичу въ письмѣ отъ 15. IV. 1838. «Они (годы молодости) не возвратятся, и никогда не возвратится съ ними та дѣятельность воображенія, которую посылаютъ свѣжія силы молодости. Жизнь моя была бы самая поэтическая въ мірѣ, если бы не вмѣшалась въ нее горсть самой негодной прозы: эта проза—мое гадкое здоровье».

Ухудшеніе въ состояніи здоровья Гоголя совпало съ отъѣздомъ изъ Рима и улучшение совпало съ возвращеніемъ туда въ концѣ 1837 г.; этимъ, по всей вѣроятности, объясняется пристрастіе Гоголя къ Риму. Мы знаемъ, какъ ипохондрики и невврастеники положительно боготворятъ тѣ мѣста, въ которыхъ

чувствуют себя лучше. Конечно, нѣтъ возможности опредѣлить — дѣйствительно ли воздухъ Римской Кампаньи благотворно вліялъ на состояніе здоровья Гоголя; мы знаемъ, съ какимъ пристрастіемъ и предубѣжденіемъ неврастеники относятся къ тѣмъ средствамъ, которыя имъ помогли; потомъ очень долго, хотя болѣзнь ихъ требуетъ совсѣмъ другого лѣченія, эти больные слѣпо вѣрятъ въ помогшее имъ средство. Поэтому мы не можемъ вполне довѣрять утвержденіямъ Гоголя, что воздухъ въ Римѣ ему весьма полезенъ, что пребываніе въ Римѣ ему необходимо. Нельзя отрицать, что дѣйствительно воздухъ Римской Кампаньи хорошо вліялъ на Гоголя; мы не знаемъ точно, какъ этотъ воздухъ дѣйствуетъ на такихъ больныхъ, какъ Гоголь, но я хорошо помню, что во время моего двукратнаго пребыванія въ Римѣ я чувствовалъ себя великолѣпно. Весьма возможно, что Гоголь страдалъ въ Римѣ менѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ. Для такихъ тяжелыхъ больныхъ мѣсто, въ которомъ они меньше страдаютъ, становится прекраснымъ, любимымъ.

Можетъ быть, одной изъ причинъ пристрастія Гоголя къ Риму была та славленная суровымъ, клерикальнымъ деспотизмомъ Григорія XVI жизнь, о которой съ ужасомъ потомъ вспоминали римляне; именно съ 1836 г. Григорій и Ламбускини окончательно подавили всякое проявленіе мысли, всякое подобіе свободы въ Римѣ, жизнь котораго такъ очаровала Гоголя. Весьма возможно, что мертвенность, отсутствіе жизни и нравились Гоголю, потому что его душевному настроенію соотвѣтствовало то тяжелое душевное состояніе, которое переживали всѣ не лишеныя челоуѣческаго достоинства римляне того времени. Гоголь не замѣчалъ подготовляющагося протеста, который уже скоро создалъ свободу Италіи; его даже не интересовали страданія и надежды итальянцевъ, и онъ рѣшительно не понималъ, что кругомъ его подготовлялось возрожденіе и освобожденіе Италіи.

Имѣло нѣкоторое значеніе и то обстоятельство, что въ Римѣ Гоголь нашелъ Иванова, «видѣвшаго въ Гоголѣ пророка» — по мѣткому выраженію Юрдана — Моллера и самого Юрдана, передъ которыми могъ «изображать оракула»... «Только мы трое, А. А. Ивановъ, гораздо позже Ф. А. Моллеръ и я, остались вѣрными посѣтителемъ Гоголя, которые были обречены на этихъ ежедневныхъ вечерахъ сидѣть и смотрѣть на него, какъ на оракула, и

ожидать, когда отверзутся его уста. Иной разъ они и отверзались, но не изрекали ничего особенно интереснаго»¹⁾).

Римъ не могъ очаровать и привязать къ себѣ Гоголя ни своими зданіями, ни своими музеями, уже потому, что онъ не интересовался, ни архитектурой, ни ваяніемъ, ни живописью; только тѣмъ, что онъ не интересовался и не любилъ искусства, можно объяснить, что онъ его не понималъ. Стасовъ говоритъ вполне вѣрно: «Гоголь вообще мало разумѣлъ въ искусствѣ, не взирая на всю свою гениальность, и въ 40-хъ годахъ понималъ Иванова едва ли еще не менѣе того, чѣмъ въ 30-хъ годахъ — Брюллова, когда «Помпею» провозгласилъ свѣтлымъ воскресеніемъ живописи цѣлой Европы»²⁾). Какъ мало Гоголь интересовался искусствомъ, можно судить по тому, что онъ не жилъ во Флоренціи и нигдѣ ни однимъ словомъ не обмолвился о ея дворцахъ и картинныхъ галереяхъ; весьма возможно, что онъ и не былъ въ нихъ. Если бы Гоголь любилъ искусство, интересовался имъ, то онъ, конечно, и «разумѣлъ бы» его, а потому, очевидно, что художественныя красоты Рима мало его привлекали.

Кто бывалъ въ Римѣ и другихъ городахъ Италіи и вообще много путешествовалъ, тотъ знаетъ, что природа въ Римѣ и ея окрестностяхъ, хотя и оригинальна, но во многомъ уступаетъ другимъ мѣстностямъ; я не думаю, чтобы цѣнитель красотъ природы, безъ особой нужды, жилъ въ Римѣ. Любители красотъ природы предпочитаютъ деревню городу, живутъ, если необходимо жить въ городѣ, въ окрестностяхъ города, а Гоголь жилъ въ тѣсномъ, густо населенномъ кварталѣ, близости «храмовъ», которые играли такую большую роль въ его жизни въ то время.

Поэтому рѣшительно нельзя согласиться съ Шенрокомъ, когда онъ говоритъ: «Въ Римѣ Гоголь нашелъ, наконецъ, послѣ долгихъ скитаній, тотъ родной уголокъ земли, гдѣ онъ могъ, предаваясь отъ души блаженству исполненной тонкихъ художественныхъ наслажденій жизни, позабыть на время всѣ мучительныя невзгоды и дразни, гдѣ ему дышалось хорошо и привольно, и откуда не тянуло его даже въ родную Украину. Здѣсь ему удалось, хотя и не надолго, найти настоящій земной рай и насла-

¹⁾ «Русская Старина» 1841.

²⁾ «Вѣстникъ Европы» 1891.

жденіямъ его не было границъ» (III стр. 171). Можно съ Шенрокомъ согласиться лишь въ томъ, что Гоголя дѣйствительно изъ Рима не тянуло въ родную Украину, но и то потому, что его ни откуда туда не тянуло.

Гоголя очень скоро «тянуло» изъ Рима, и, пріѣхавъ въ вѣчный городъ въ декабрь 1837 г., 30 VI. 1838, вотъ что онъ пишетъ Данилевскому: «Что касается до меня, здоровье мое плохо, мнѣ бы нужно было оставить Римъ мѣсяца три тому назадъ. Дорога мнѣ необходима, она одна меня развлекала и доставляла пользу моему брэнному организму». Въ іюнѣ онъ покидаетъ Римъ, пьетъ воды въ Капель-Марре безъ замѣтной пользы, въ октябрь нѣсколько дней проводить въ Римѣ, совершаетъ путешествіе, кажется, въ Парижъ, и только въ ноябрѣ возвращается въ Римъ, который и покидаетъ въ іюнѣ 1839, ѣдетъ въ Маріенбадъ, а затѣмъ въ Россію, чтобы взять своихъ сестеръ изъ института.

Здоровье Гоголя было въ 1839 г. настолько неудовлетворительно, что онъ ужасался при мысли о необходимости поѣздки въ Россію. 10 IX 1839 г. онъ пишетъ: «неужели я ѣду въ Россію? я этому почти не вѣрю. Я боюсь за свое здоровье. Я же теперь совсѣмъ отвыкъ отъ холодовъ; каково мнѣ переносить?» Гоголь не ошибся: онъ, дѣйствительно, не могъ переносить нашихъ холодовъ. С. Т. Аксаковъ ¹⁾ замѣтилъ: «Гоголь чувствовалъ всегда, особенно въ сидачемъ положеніи необыкновенную зябкость; безъ сомнѣнія это было признакомъ болѣзненнаго состоянія нервъ, которые не пришли еще въ свое нормальное положеніе послѣ смерти Пушкина. Гоголь могъ согрѣвать ноги только ходьбою, и для того въ дорогу онъ надѣлъ сверхъ сапоговъ длинные и толстые русскіе шерстяные чулки и сверхъ всего этого теплые медвѣжьи сапоги. Несмотря на то, онъ на каждой станціи бѣгалъ по комнатамъ и даже улицамъ во все время пока перекладывали лошадей или просто ставилъ ноги на печку».

Когда Аксаковъ навѣстилъ Гоголя, жившаго у Жуковского въ Зимнемъ Дворцѣ, гдѣ, конечно, въ комнатахъ было тепло, онъ «едва не закричалъ отъ удивленія. Передо мною стоялъ Гоголь въ слѣдующемъ фантастическомъ костюмѣ: вмѣсто сапоговъ длинные шерстяные русскіе чулки, выше колѣнъ; вмѣсто

¹⁾ Ср. cit., стр. 90.

сюртука, сверхъ фланелеваго камзола, бархатный спензеръ; шея обмотана большимъ разноцвѣтнымъ шарфомъ, а на головѣ бархатный малиновый, шитый золотомъ кокошникъ, весьма похожій на головной уборъ мордовокъ. Гоголь писалъ и былъ углубленъ въ свое дѣло, и мы очевидно ему помѣшали. Онъ долго «не зря» смотрѣлъ на насъ, по выраженію Жуковского, но костюмомъ своимъ нисколько не стѣснялся».

Я не знаю, чѣмъ объясняется крайняя зябкость Гоголя, столь сильная уже съ тридцатилѣтняго возраста; потомъ она у него все усиливалась; такъ какъ теперь нѣтъ возможности проверить справедливость того или другого объясненія этого явленія, то приходится ограничиться лишь указаніемъ на то, что этотъ симптомъ имѣлъ важное значеніе, особенно въ виду молодости Гоголя.

Гоголь въ концѣ сентября 1839 г. пріѣхалъ въ Москву и, устроивъ сестеръ, повидавшись съ матерью, приведя въ порядокъ денежныя дѣла, 18 мая 1840 г. выѣхалъ изъ Москвы за границу. Несмотря на радужіе и крайнюю почтительность своихъ московскихъ друзей, Гоголь покинулъ Москву тотчасъ же, какъ обзавелся деньгами на дорогу. Несомнѣнно, что въ Москвѣ его ничто не привлекало и не интересовало, и онъ спѣшилъ въ Римъ, гдѣ, какъ онъ думалъ, его здоровье хотя сколько-нибудь поправится. Только забота о здоровьѣ руководила дѣйствіями Гоголя, что, конечно, указываетъ на дурное состояніе его здоровья, хотя 1839 г. и начало слѣдующаго были однимъ изъ лучшихъ періодовъ въ жизни многострадальнаго Гоголя.

Аксаковъ въ «Исторіи моего знакомства съ Гоголемъ» отмѣчаетъ, что по сравненію съ тѣмъ, что было въ 1839—40 гг. «въ этотъ (1841) годъ послѣдовала сильная переменна въ Гоголѣ, не въ отношеніи къ наружности, а въ отношеніи къ его нраву и свойству». Вообще, Аксаковъ излагаетъ дѣло такъ, что въ свой первый пріѣздъ Гоголь былъ здоровъ, а больнымъ или переболевшимъ пріѣхалъ лишь въ 1841 г., но насколько въ этомъ отношеніи нельзя довѣрять благодушному и восторженному Аксакову, видно изъ его же собственныхъ воспоминаній. Описывая «случаи, въ которыхъ я никакъ не умѣлъ объяснить себѣ поступковъ Гоголя», онъ излагаетъ, какъ Гоголь скрылся изъ театра, когда послѣ 3-го акта Ревизора публика его вызывала; «публика была очень недовольна, сочла такой поступокъ оскорбительнымъ»

и приписала его безмѣрному самолюбію и гордости автора. На другой день Гоголь одумался, написал извинительное письмо къ Загоскину (директору театра), прося его сдѣлать письмо извѣстнымъ въ публикѣ, благодарилъ, извинялся и наклепалъ на себя небывалыя обстоятельства». Письмо, по совѣту Аксакова и Погодина не было послано. Аксаковъ однако заявляетъ, что «домашніе мои утверждаютъ, что оно (это происшествіе) случилось въ 1840 г., но это все равно». Такимъ образомъ самъ Аксаковъ говоритъ, что онъ не можетъ утверждать, когда именно, въ первый или второй пріѣздъ Гоголя, произошло это событіе, и зная, какъ близкіе всѣ странные поступки заболѣвающего относятъ къ послѣднему періоду, мы имѣемъ полное право допускать, что Аксаковъ, конечно, самъ того не сознавая, кое-чего не замѣтилъ во время перваго пребыванія Гоголя въ 1839—40 гг., и сгустилъ краски при описаніи его пріѣзда въ 1841—42 г. Почти всегда близкіе больного намъ рассказываютъ развитіе болѣзни именно такъ, какъ рассказываетъ Аксаковъ о болѣзни Гоголя; по словамъ близкихъ, больной до даннаго момента былъ вполне здоровъ, затѣмъ, начиная съ этого момента замѣчались такіе-то странности; оказывается, что такіе же странности были и до указываемаго момента, но ихъ по ошибкѣ памяти переносятъ въ послѣдующее время. Хорошо, что Аксакову его домашніе припомнили, что происшествіе при представленіи Ревизора было въ 1840 г.; вѣроятно и даже очень, что въ этотъ пріѣздъ Гоголь проявлялъ и другія странности.

Гоголь съ большою радостію покидалъ Россію, и съ большою надеждою спѣшилъ въ Италію. Спутникъ Гоголя, Пановъ, писалъ Аксакову ¹⁾ 9 XI 1840. «Вообще, мнѣ кажется, онъ ошибался, если думалъ, что ему стоило только выѣхать за границу, чтобы возвратить дѣятельность и силы, которыя онъ боялся уже потерять»... «Его физическое состояніе дѣйствуетъ, конечно, на силы душевныя; поэтому онъ имъ чрезвычайно дорожитъ, и потому ужасно мнителенъ... Когда мы съ нимъ въ Москвѣ собирались въ дорогу, онъ говорилъ, что какъ скоро мы перѣѣдемъ за границу, онъ станетъ мнѣ полезенъ, приучая меня къ бережливости, расчету, порядку. Вышло совсѣмъ наоборотъ: онъ былъ точно такъ же разсѣянъ, какъ и въ Москвѣ». Уже

¹⁾ Письма Гоголя; т. II, стр. 88.

изъ этого письма Панова видно, что Гоголь и въ началѣ 1840 г. былъ боленъ; «дѣятельность и силы» были потеряны; онъ былъ «мнителенъ», «разсѣянъ».

Самъ Гоголь ясно понималъ, что онъ тяжело боленъ, и почти утратилъ свои творческія силы; въ письмѣ къ Погодину отъ 17 X 1840 г. онъ такъ описываетъ свое состояніе по пріѣздѣ въ Вѣну: «началъ пить въ Вѣнѣ Маріенбадскую воду. Она на этотъ разъ помогла мнѣ удивительно, я началъ чувствовать какую то бодрость юности, а самое главное, я почувствовалъ, что нервы мои пробуждаются, что я выхожу изъ того летаргическаго умственнаго бездѣйствія, въ которомъ я находился въ послѣдніе годы, и чему причиною было нервическое усыпленіе. Я почувствовалъ, что въ головѣ моей шевелятся мысли, какъ разбуженный рой пчелъ; воображеніе мое становится чутко... я, позабывши все, переселился вдругъ въ тотъ міръ, въ которомъ давно не бывалъ и въ ту же минуту засѣлъ за работу, позабывъ, что это вовсе не годилось во время питья водъ, и именно тутъ-то требовалось спокойствіе головы и мысли. Но впрочемъ какъ же мнѣ было воздержаться? Развѣ тому, кто просидѣлъ въ темницѣ безъ свѣту солнечнаго нѣсколько лѣтъ, придетъ на умъ, по выходѣ изъ нея, жмурить глаза, изъ опасенія ослѣпнуть, и не глядѣть на то, что радость и жизнь для него».

Такимъ образомъ самъ Гоголь въ 1840 г. вполне ясно сознавалъ, что «послѣдніе годы» (1836—1840, какъ думаю я) онъ «просидѣлъ въ темницѣ», что уже «нѣсколько лѣтъ» онъ былъ лишенъ свѣта, или говоря иначе, что съ 1836 г. его творческія силы стали гаснуть; лишь скрытностью Гоголя можно объяснить, что не только Погодинъ, но даже Аксаковъ и Щепкинъ этого не замѣчали и возлагали на уже увядающаго или старѣющаго Гоголя великія надежды.

Трудно опредѣлить, отчего зависѣло такъ прекрасно описанное возбужденіе, пережитое Гоголемъ по пріѣздѣ въ Вѣну; всего вѣроятнѣе, что это было преддверіе тяжелаго меланхолическаго приступа; у нѣкоторыхъ больныхъ передъ приступами меланхолии бываетъ легкое, кратковременное возбужденіе. Можетъ быть нѣкоторую роль играло и неумѣренное употребленіе, далеко не невинной Маріенбадской воды; нельзя отрицать даже и того, что неумѣренное питье этой воды обусловило крайне тяжелое теченіе припадка меланхолии, которой заболѣлъ Гоголь въ іюлѣ

1840 г. Къ сожалѣнію среди друзей Гоголя не нашлось ни одного трезваго наблюдателя, и потому лучшія свѣдѣнія о его болѣзни мы находимъ въ его письмахъ. Въ томъ же письмѣ къ Погодину великій поэтъ великолѣпно описываетъ приступъ меланхолии: «нервическое мое пробужденіе обратилось вдругъ въ раздраженіе нервическое; все мнѣ бросилось разомъ на грудь. Я испугался, я самъ не понималъ своего положенія, я бросилъ занятія, думалъ, что это отъ недостатка движенія при водахъ и сидячей жизни, пустился ходить и двигаться до усталости и сдѣлалось еще хуже. Нервическое разстройство и раздраженіе возрасло ужасно; тяжесть въ груди и давленіе, никогда до толѣ мною не испытанное, усилилось... Къ этому присоединилась болѣзненная тоска, которой нѣтъ описать. Я былъ приведенъ въ такое состояніе, что не зналъ рѣшительно, куда дѣть себя, къ чему прислониться. Ни двухъ минутъ я не могъ остаться въ покойномъ положеніи, ни на постели, ни на стулѣ, ни на ногахъ. О, это было ужасно, это была та самая тоска, то ужасное безпокойство, въ какомъ я видѣлъ бѣднаго Вельггорскаго въ послѣднія минуты жизни! Вообрази, что съ каждымъ днемъ послѣ этого становилось хуже и хуже... Я понималъ свое положеніе и наскоро собравшись съ силами нацарапалъ какъ могъ духовное завѣщаніе, чтобы хоть долги мои были выплачены немедленно послѣ моей смерти. Но умереть среди нѣмцевъ мнѣ показалось страшно. Я велѣлъ себя посадить въ дилижансъ и везти въ Италію. Добравшись до Триеста, я себя почувствовалъ лучше. Дорога мое единственное лѣкарство оказала и на этотъ разъ свое дѣйствіе». Припадокъ болѣзни описать такъ хорошо, что безъ колебанія, его можно діагностировать какъ *Melancholia anxiosa*.

Дорога, какъ это нерѣдко бываетъ, произвела лишь временное улучшеніе, и многострадаальный Гоголь въ томъ же письмѣ къ Погодину такъ описываетъ свое состояніе: «Я въ Римѣ почувствовалъ себя лучше въ первые дни. По крайней мѣрѣ я уже могъ сдѣлать даже небольшую прогулку, хотя послѣ этого уставалъ такъ, какъ будто бы я сдѣлалъ 10 верстъ. Я до сихъ поръ не могу понять, какъ я остался живъ, и здоровье мое въ такомъ сомнительномъ положеніи, въ какомъ я еще никогда не бывалъ. Чѣмъ далѣе, какъ будто бы опять становится хуже, и лѣченіе, и медикаменты только растрavляютъ. Ни Римъ, ни небо,

ни то, что такъ бы причаровывало меня, ничто не имѣетъ теперь на меня вліянія. Я ихъ не вижу, не чувствую. Мнѣ бы дорога теперь, да дорога въ дождь, слякоть, черезъ лѣса, черезъ степи, на край свѣта! Вчера и сегодня было скверное время—и въ это скверное время я какъ будто ожилъ. Такъ вотъ все мнѣ хотѣлось или броситься въ дилижансъ или хоть на перекладную. Двухъ минутъ я не могъ посидѣть въ комнатѣ—мнѣ такъ сдѣлалось тяжело—и отправился бродить по дождю...» Такъ же несчастный больной описываетъ свое состояніе въ письмѣ отъ 30 X 1840 г. Плетневу; имѣетъ важное значеніе слѣдующая фраза: «вотъ мѣсяць и я ничуть не лучше».

Сколько извѣстно съ 30 X по 28 XII 1840 г. Гоголь не написалъ ни одного письма, что даетъ намъ право считать припадокъ его болѣзни крайне тяжелымъ; только въ концѣ декабря Гоголю стало лучше, какъ то видно изъ его письма къ Аксакову отъ 28 XII.

Этотъ приступъ меланхолии ухудшилъ состояніе здоровья Гоголя, оставивъ прочныя слѣды; Аксакову бросилась въ глаза перемѣна, происшедшая съ Гоголемъ во время его отсутствія изъ Россіи; письма Гоголя съ несомнѣнностью убѣждаютъ насъ, что состояніе его ухудшилось, и только Анненковъ, жившій съ Гоголемъ въ Римѣ лѣтомъ 1841 г., утверждаетъ, что Гоголь въ то время былъ еще здоровъ, что въ Гоголѣ 1841 г. нельзя было предвидѣть автора «Выбранныхъ Мѣстъ», что нужно различать отдѣльные періоды въ жизни Гоголя, что съ нимъ послѣ ихъ совмѣстной жизни въ Римѣ произошла рѣзкая перемѣна. По моему убѣжденію изъ всѣхъ друзей Гоголя, оставившихъ воспоминанія о немъ, самыя невѣрныя сужденія сообщилъ Анненковъ. Онъ высказывалъ съ большою настойчивостью мнѣніе о какомъ то переломѣ въ направленіи Гоголя, и онъ болѣе всѣхъ виновать, что это грубо невѣрное пониманіе Гоголя упрочилось въ нашей литературѣ. Шенрокъ (III. 341) совершенно вѣрно говоритъ, что отношенія Анненкова къ Гоголю были полны «безусловной предупредительности и подчиненія». «Анненковъ спрашиваетъ совѣтовъ Гоголя, съ благоговѣніемъ выслушиваетъ его разсужденія, напрашивается на порученія, почтительно принимаетъ самоувѣренныя и безцеремонныя нотаціи» (IV 7). Понятно, что при такомъ отношеніи къ Гоголю, Анненковъ не могъ правильно судить о его состояніи, и если даже въ 1841 г. не замѣтилъ,

какъ тяжка тогда была болѣзнь Гоголя, то это только еще разъ доказываетъ, что прекрасно образованный и умный человѣкъ можетъ не обладать наблюдательностью. Но однако и воспоминанія Анненкова содержатъ нѣкоторыя указанія на дурное состояніе здоровья Гоголя ¹⁾. Авторъ Мертвыхъ Душъ жилъ тогда такъ замкнуто, такъ чуждался общества, что хозяинъ дома заявилъ Анненкову, спросившему—дома ли Гоголь, что Гоголь уѣхалъ за городъ и неизвѣстно когда вернется; Гоголь по голосу узналъ Анненкова и радушно его принялъ. Когда умиралъ въ Римѣ ихъ общій знакомый, Гоголь не навѣстилъ больного и только «съ участіемъ справлялся». За день до похоронъ Гоголь заявилъ Анненкову: «я едва не умеръ отъ нервного удара нынче ночью» и просилъ Анненкова увезти его за городъ; Гоголь имѣлъ при этомъ такой видъ, что Анненковъ испугался. Когда самъ Анненковъ заболѣлъ, то «при первыхъ признакахъ упорнаго недуга, сопротивляющагося медицинскимъ средствамъ, Гоголь тотчасъ же уѣхалъ за городъ». Также Анненковъ замѣтилъ, что Гоголь страдалъ упорной бессонницей.

Анненковъ, въ виду его отношенія къ Гоголю, даже не поинтересовался узнать, почему Гоголь считалъ себя въ правѣ уклоняться отъ самыхъ важныхъ обязанностей по отношенію къ ближнимъ, но письма Гоголя объясняютъ намъ это.

Хотя уже въ 1839 г. Гоголь считалъ себя надѣленнымъ даромъ пророчества, но повидимому, еще не былъ въ томъ окончательно увѣренъ, по крайней мѣрѣ 27. IX 1839 Плетневу онъ писалъ только такъ: «я не знаю отъ чего во мнѣ поселился теперь даръ пророчества». Послѣ перенесенной во второй половинѣ 1840 г. болѣзни, всякія сомнѣнія для Гоголя исчезли и 7. VII. 1841 онъ пишетъ Данилевскому «Но слушай: теперь ты долженъ слушать моего слова ибо вдвойнѣ властно надъ тобою мое слово, и горе кому бы то ни было, не слушающему моего слова!» Это не случайная фраза, сорвавшаяся съ пера; нѣсколько строкъ ниже онъ повторяетъ ту же мысль, но въ еще болѣе категорической формѣ. «Властью вышею облечено отнынѣ мое слово. Все можетъ разочаровать, обмануть, измѣнить тебѣ, но (не) измѣнить мое слово»..... Все, что мнѣ нужно было, я забралъ и заключилъ къ себѣ въ глубину души моей. Тамъ Римъ,

¹⁾ Анненковъ. Критическіе очерки и воспоминанія, т. I, ст. 197.

какъ святины, какъ свидѣтель чудныхъ явленій, совершившихся надо мною, пребываетъ вѣчно. И, какъ путешественникъ, который уложилъ всѣ свои вещи въ чемоданъ и усталый, но покойный, ожидаетъ только подѣзда кареты, пронесущей его въ дальній, вѣрный, желанный путь, такъ я, перетерпѣвъ урочное время своихъ испытаній, изготавляясь внутреннею, удаленною отъ міра жизнію, покойно, неторопливо по пути, начертанному свыше, готовъ итти, укрѣпленный и мыслію и духомъ».

Такимъ образомъ въ 1841 г., у Гоголя окончательно сформировались бредовыя идеи величія, зачатки которыхъ были уже въ юности, и которыя въ теченіе всей жизни постепенно кристаллизировались и уяснялись, пока, наконецъ, подъ влияніемъ обостренія болѣзни въ 1840 г., не достигли полноты и законченности. Тѣми же бредовыми идеями величія слѣдуетъ объяснить высказанное въ письмѣ къ Аксакову отъ 5. III. 1841 «меня теперь нужно беречь и лелѣять. Я придумалъ вотъ что, пусть за мной пріѣдетъ Михаилъ Семеновичъ (Щепкинъ) и Константинъ Сергѣевичъ (Аксаковъ)... Они привезутъ съ собою глиняную вазу. Конечно эта ваза теперь вся въ трещинахъ, довольно стара и еле держится; но въ этой вазѣ теперь заключено сокровище, стало быть ее нужно беречь».

Сознаніе своего могущества наполняетъ радостью душу Гоголя; онъ неестественно счастливъ и въ томъ же письмѣ Аксакову пишетъ: «Я слышу и знаю дивныя минуты. Созданіе чудное творится и совершается въ душѣ моей, и благодарными слезами не разъ теперь полны глаза мои. Здѣсь ясно видна мнѣ святая воля Бога: подобное внушеніе не происходитъ отъ человѣка».

Еще яснѣе онъ высказывается Жуковскому (письмо написано въ 1841 или 1842 г.). «Я слышу чудныя, чудныя минуты, чудной жизнію живу, внутренней огромной, заключенной во мнѣ самомъ, и никакого блага и здоровья не взялъ бы. Вся жизнь моя отнынѣ—одинъ благодарный гимнъ».

Понятно, что человѣкъ, облеченный такой властью, такимъ величіемъ, знающій то, чего другіе знать не могутъ, узнающій истины не тѣмъ путемъ, какъ обыкновенные смертные, не обязанъ подчиняться правиламъ, обязательнымъ обыкновеннымъ людямъ, не обязанъ доказывать справедливости имъ высказываемаго; одно воспоминаніе о немъ можетъ сдѣлать счастливымъ обыкновеннаго смертнаго. Гоголь пишетъ 27. IX: 1841. Языкову «О вѣр

словамъ моимъ!.. Ничего не въ силахъ я тебѣ болѣе сказать, какъ только: «вѣрь словамъ моимъ». Есть чудное и непостижимое....», 25 XII 1841 г. Иванову: «помнящій меня несетъ силу и крѣпость въ душѣ».

Таково было состояніе здоровья Гоголя, когда онъ заканчивалъ первый томъ Мертвыхъ Душъ и для изданія ихъ направился въ Россію; черезъ Петербургъ онъ въ октябрѣ прибылъ въ Москву. С. Т. Аксаковъ замѣтилъ въ Гоголѣ большую перемену, какъ въ физическомъ, такъ и въ психическомъ отношеніи. Гоголь ничуть не стѣснялся и дѣлалъ, что ему вздумается, причемъ даже не давалъ себѣ труда объяснять свои странные поступки. Такъ Гоголь, услышавъ голосъ пріѣхавшаго къ Аксакову Княжевича, «поспѣшно убѣжалъ изъ дому». На другой день, когда пріѣхалъ Княжевичъ, Гоголь спрятался въ дальній кабинетъ, схватилъ книгу, усѣлся въ большія кресла и притворился спящимъ. Онъ оставался въ такомъ положеніи болѣе двухъ часовъ и также потихоньку уѣхалъ. «Мы всѣ были не только поражены, но и оскорблены... Наше обращеніе съ Гоголемъ измѣнилось и стало холоднѣе. Гоголь притворился, что не примѣчаетъ того. На третій день Княжевичъ опять пріѣхалъ. Аксаковы оставили Гоголя въ кабинетѣ и вышли къ Княжевичу въ гостиную: «Черезъ полчаса вдругъ двери отворились, вошелъ Гоголь и съ словами—ахъ, здравствуйте, Дмитрій Максимовичъ, протянулъ ему обѣ руки, кажется даже обнялъ его, и началась самая дружеская бесѣда пріятелей, не издавшихъ давно другъ съ другомъ»...

Не лишнее вспомнить, что Д. М. Княжевичъ былъ одной изъ свѣтлыхъ личностей того времени и пользовался всеобщимъ уваженіемъ.

VII.

Въ 1841 г. заканчивается дѣятельность Гоголя, какъ гениальнаго поэта; первая часть «Мертвыхъ Душъ» была въ этомъ году окончательно обработана, и для печатанія ея онъ пріѣхалъ въ Россію.

«Мертвыя Души», какъ извѣстно, начаты были въ 1835 г.; уже тогда величіе этого произведенія поразило Пушкина; его восклицаніе «Невеселая штука — Россія» указываетъ, что уже тогда «Мертвыя Души» подвинулись значительно впередъ. Въ

1836—41, то-есть въ продолженіе шести лѣтъ, Гоголь писалъ и перерабатывалъ первый томъ «Мертвыхъ Душъ». Если мы сравнимъ, какъ много и какъ быстро работалъ Гоголь въ Петербургѣ, то должны будемъ признать, что, по оставленіи Россіи, онъ уже не могъ работать попрежнему, и «Мертвыя Души» писалъ крайне медленно. Едва ли можно сомнѣваться, что вслѣдствіе болѣзни творческія способности, если не качественно, то количественно, стали не тѣ. Извѣстно, что Гоголь очень усидчиво, съ большимъ напряженіемъ работалъ надъ «Мертвыми Душами» въ Веве, Парижѣ, Римѣ, Москвѣ и даже въ дорогѣ. По крайней мѣрѣ, Бергъ запомнилъ разсказъ Гоголя, какъ онъ въ остеріи по дорогѣ изъ Рима въ Неаполь создалъ цѣлую главу. Гоголь искренно желалъ закончить этотъ трудъ и все же проработалъ надъ нимъ болѣе шести лѣтъ. Если мы примемъ во вниманіе печальное состояніе здоровья, два тяжелые приступа болѣзни, пережитые Гоголемъ за этотъ періодъ, мы должны признать, что гениальный поэтъ, какъ великій художникъ, горячо любилъ свой *opus majus*, не жалѣлъ своихъ послѣднихъ силъ для этого чуднаго произведенія. Онъ пользовался періодами улучшенія своего здоровья и съ удивительной настойчивостью продолжалъ начатый въ 1835 г. трудъ. Анненковъ описываетъ, какъ былъ счастливъ и бурно-веселъ Гоголь, когда закончена была глава, посвященная Плюшкину; едва ли могъ ошибиться С. Т. Аксаковъ: «17 апрѣля (1839 г.), тоже въ субботу, онъ прочелъ намъ передъ самой заутреней Свѣтлаго Воскресенья въ маленькомъ моемъ кабинетѣ 6-ю главу, въ которой созданіе Плюшкина привело меня и всѣхъ насъ въ великій восторгъ»¹⁾. Художественный вкусъ С. Т. Аксакова не подлежитъ сомнѣнію, и потому 6-я глава «Мертвыхъ Душъ» уже въ 1839 г. была обработана съ большимъ совершенствомъ; въ 1841 г. въ Римѣ Гоголь можетъ быть ее нѣсколько дополнилъ, и это одно привело его въ бурно-восторженное состояніе духа. Вотъ какъ больной Гоголь любилъ свое великое произведеніе, какъ оно было ему дорого, какъ ему было радостно, когда его трудъ подвигался впередъ, и все же онъ былъ готовъ только въ 1841 г.

Наше благоговѣніе передъ «Мертвыми Душами» такъ велико, что можетъ показаться странной даже мысль объ ослабленіи,

¹⁾ Op. cit., стр. 34.

въ качественномъ отношеніи, генія Гоголя за этотъ періодъ. Если воспроизведеніе воспринятаго составляетъ главное въ художественномъ творчествѣ, то, конечно, «Мертвыя Души» доказываютъ, что до 1841 г. геній Гоголя не потухалъ; если же художникъ отличается отъ простыхъ смертныхъ ясностью и глубиной воспріятія, если главное, въ художественномъ творчествѣ, воспріятія, проникающія и обнимающія человѣка и предметъ, то, конечно, геній Гоголя началъ слабѣть съ 1836 г. Психологія творчества намъ мало понятна уже потому, что мы, обыкновенные смертные, не обладаемъ этимъ удѣломъ немногихъ избранниковъ, и потому вопросъ о томъ—ослабѣли ли творческія силы Гоголя, мы не могли бы рѣшить, если бы за этотъ періодъ онъ написалъ только «Мертвыя Души».

Остается лишь несомнѣннымъ, что все, воспроизведенное въ «Мертвыхъ Душахъ», было воспринято Гоголемъ до его отъѣзда изъ Россіи, что еще до этого момента весь матеріалъ для этого удивительнаго произведенія былъ уже готовъ. Изумительно, какъ могъ двадцатилѣтній молодой человѣкъ видѣть и понять такъ много, что потомъ вдали отъ родины возсоздалъ поразительно богатый запасъ наблюденій. Покинувъ Россію, Гоголь уже не воспринималъ ничего для своего великаго произведенія, и поэтому, по крайней мѣрѣ, воспріятіе, конечно, художественное и творческое, съ тѣхъ поръ не проявлялось съ той дивной силой, какъ до 1836 г. Уже по самому существу всей художественной дѣятельности Гоголя, воспріятіе имѣло громадное значеніе, играло великую роль; для Виктора Гюго, стихи котораго достигали непостижимаго совершенства, по всей вѣроятности, воспроизведеніе воспринятаго имѣло большее значеніе, чѣмъ для Гоголя, а для автора «Мертвыхъ Душъ» воспріятіе дѣйствительности было почти все. Какъ великій художникъ, Гоголь живо чувствовалъ, въ своей послѣдующей дѣятельности, что ему не достаетъ воспринятаго матеріала, и просилъ своихъ друзей собирать для него матеріалы, не понимая, что только онъ могъ видѣть недоступное простымъ смертнымъ.

Чтеніе «Мертвыхъ Душъ» уясняетъ намъ, что Гоголь уже не заботился о вѣрности или точности внѣшней обстановки дѣйствія, не постарался узнать о томъ, что ему неизвѣстно. Такъ еще Арнольди удивлялся, что Гоголь описалъ совершенно невозможное въ дѣйствительности поведеніе Ноздрева на балу у

губернатора. (Посреди котильона онъ сѣлъ на полъ и сталъ хватать за полы танцующихъ). Гоголь не зналъ, что въ то время уже не было капитанъ-исправниковъ, описалъ купчую сдѣлку въ палатѣ такъ, какъ она не могла произойти ¹⁾. Слѣдуетъ добавить, что въ Нѣжинѣ Гоголь изучалъ юриспруденцію. Я помню, какъ одинъ мой знакомый старикъ, по дѣламъ извѣдившій всю Россію, смѣялся надъ Гоголемъ за его незнаніе русской жизни: во всей Россіи на большой дорогѣ нѣтъ постоялаго двора, гдѣ, по желанію, можно имѣть и поросенка, и курицу, и телятину, и даже иногда баранью печенку.

Мало того, что Гоголь уже не заботился о вѣрности внѣшнихъ подробностей, онъ уже не замѣчалъ быющихъ въ глаза противорѣчій. Въ 6-й главѣ, по описанію сада Плюшкина, очевидно, что дѣйствіе происходитъ лѣтомъ; о желтыхъ листьяхъ не упоминается; по дорогѣ къ Коробочкѣ Чичикова застаютъ гроза, что также указываетъ, что дѣйствіе происходитъ лѣтомъ; въ городѣ Чичиковъ выходитъ на улицу, «таща на плечахъ медвѣди, крытые коричневымъ сукномъ», и «столкнулся тоже съ господиномъ въ медвѣдяхъ, крытыхъ коричневымъ сукномъ, и въ тепломъ картузѣ съ ушами. Господинъ вскрикнулъ — это былъ Маниловъ».

Едва ли можно отрицать, что больной Гоголь уже забывалъ, что написано въ предыдущей главѣ, что, конечно, вполне возможно, такъ какъ «Мертвыя Души» писались урывками, черезъ большіе промежутки; онъ даже не перечиталъ внимательно всего произведенія, въ виду своего тяжелаго болѣзненнаго состоянія; говорятъ, что въ Малороссіи все лѣто ходили въ тулупахъ, но все же не въ теплыхъ картузахъ съ ушами.

Гоголь неоднократно передѣлывалъ и дополнял «Мертвыя Души», и потому мы не можемъ судить, ослабѣвалъ ли его геній съ 1835 по 1842 г., по послѣдней редакціи этого произведенія; вѣдь нѣтъ основаній утверждать, что исправленія и дополненія улучшали это *opus majus*; весьма возможно, что вначалѣ эта поэма была еще лучше, еще прекраснѣе. Можно думать, что съ годами Гоголь дѣлался требовательнѣе къ себѣ, но

¹⁾ Уже съ 1802 г., т.-е. со времени учрежденія министерствъ, прежніе капитанъ-исправники или земскіе исправники или земскіе капитаны окончательно были переименованы въ земскіе исправники, и съ тѣхъ поръ титулъ капитанъ-исправника не употреблялся.

болѣе основаній мы имѣемъ допускать, что съ годами у Гоголя терялась увѣренность, утрачивалась непосредственность, слабѣло пониманіе своихъ собственныхъ силъ, слабѣлъ художественный вкусъ, художественное творчество замѣнялось риторикой. Къ такимъ заключеніямъ приводитъ насъ сравненіе первой редакціи «Тарасъ Бульба» (напечатана въ 1835 г.) со второй, подготовленной Гоголемъ между 1839 и 1842 гг.

Крайне поучительно сравнить эти двѣ редакціи для сужденія объ измѣненіи творчества Гоголя за этотъ пяти-семилѣтній періодъ, для сужденія о творчествѣ вообще.

Первое большое измѣненіе или дополненіе состоитъ въ томъ, что Гоголь вставилъ сцену смѣны кошевого; въ первой редакціи старый кошевой успокаиваетъ недовольныхъ во главѣ съ Тарасъ Бульбой; какъ въ первой, такъ и во второй редакціи идутъ въ походъ, вслѣдствіе жалобъ бѣглецовъ изъ Малороссіи на поляковъ. Сцена смѣны старого кошевого и избраніе новаго очень коротка; такъ какъ мы не знаемъ, какъ избирались кошевые, то проверить ея мы не можемъ, но она кажется невѣроятной и не внушаетъ уваженія къ запорожцамъ: воины, такъ легко смѣняющіе предводителя и такъ быстро избирающіе новаго, мало опасны.

Второе дополненіе, и весьма важное, состоитъ въ томъ, что Гоголь подробнѣе описалъ уходъ Андрея изъ лагеря, встрѣчу и разговоры съ полькой. Какъ великій художникъ, въ 1835 г. Гоголь чувствовалъ невѣроятность и натянутость этого эпизода и съ гениальной чуткостью, кратко и неопредѣленно, его описалъ. Не такъ онъ отнесся къ этому эпизоду пять-семь лѣтъ спустя. Во-первыхъ, онъ подробно описалъ, какъ Андрій съ татаркой пробирались подземнымъ ходомъ; Андрій и татарка въ городъ входятъ черезъ костелъ. Церковь, молящіеся, начинающееся утро, все это изображено великолѣпно, но кто бывалъ и въ Италіи, и въ костелахъ нашихъ западныхъ городовъ, тотъ ни на минуту не усумнится, читая эту поэтическую страницу, что Гоголь въ Дубно перенесъ итальянскій храмъ.

Еще болѣе дополнилъ Гоголь сцену встрѣчи Андрія съ полькой; тутъ опять воспринятое въ Италіи перенесено въ Дубно (малиновый занавѣсъ, позолоченный карнизъ и живопись на стѣнѣ). Въмѣсто нѣсколькихъ строкъ, въ послѣдующей редакціи, Гоголь посвящаетъ шесть страницъ сценѣ встрѣчи Андрія съ

Полькой. Тутъ такая *напряженность*, такая неестественность, что только ослабленіе генія можетъ объяснить намъ, какъ великій художникъ могъ написать такую сцену. Въ первой редакціи, Андрій говоритъ только: «Что бы тогда за любовь моя была, когда бы я бросилъ для тебя только то, что легко бросить! Нѣтъ, моя панна! Нѣтъ, моя прекрасная! Я не такъ люблю: отца, брата, мать, отчизну—все, что ни на есть на землѣ, все отдаю за тебя, все! Прощай! Я теперь вашъ! Я твой! Чего еще хочешь?» Это мало вѣроятно, но все же возможно; въ новой редакціи Андрій говоритъ много, очень краснорѣчиво и высказываетъ даже такія вещи: «Кто сказалъ, что моя отчизна Украина? Кто далъ мнѣ ее въ отчизны? Отчизна есть то, чего ищетъ душа наша, что милѣе для нея всего. Отчизна моя — ты! Вотъ моя отчизна! И понесу я отчизну въ сердцѣ моемъ, понесу ее, пока станетъ моего вѣку, и посмотрю: пусть кто-нибудь изъ казаковъ вырветъ ее оттуда! И все, что ни есть, продамъ, отдамъ, погублю за такую отчизну». И Андрій, и полка говорятъ много, говорятъ въ страшно приподнятомъ тонѣ; вся сцена кажется до безконечности неестественной и даже несимпатичной; и она, и онъ измѣняютъ религіи, родинѣ, совершенно непонятно почему: вѣдь они видѣлись разъ въ жизни, и потому о серьезной любви не можетъ быть и рѣчи. Для меня вполне понятно, что Гоголь, когда творилъ Тарасъ Бульбу, обладалъ всѣми своими необыкновенными способностями, и потому тогда не нарисовалъ этой сцены; только, когда, вслѣдствіе болѣзни, его гений уже слабѣлъ, онъ могъ создать, могъ находить хорошей эту сцену.

Въ-третьихъ, измѣнено описаніе убійства Андрія Тарасомъ. Въ первой редакціи все поражаетъ гениальной простотой и жизненностью. Янкель, между прочимъ, сообщаетъ Тарасу, что въ Дубно видѣлъ Андрія, предавшагося полякамъ. «Ярость, ярость желѣзная, могучая, ярость тигра вспыхнула на его лицѣ»; начинается битва, среди одного отряда Тарасъ увидѣлъ Андрія и «какъ бѣшенный бросился на этотъ отрядъ. Андрій узналъ его издали, и видно было издали, какъ онъ весь затрепеталъ. Онъ какъ подлый трусъ спрятался за ряды своихъ солдатъ... Спасите, кричалъ онъ отчаянно, простирая руки... Андрій сдѣлалъ усиліе бѣжать, но поздно: ужасный отецъ былъ предъ нимъ». Можно лишь благоговѣть передъ гениальностью двадцатипятилѣтняго Го-

голя, такъ чудно понявшаго, до чего въ аффектъ гнѣва можнѣя дойти могучій Тарасъ, понявшаго, что измѣнники и ренегаты то по натурѣ «подлые трусы». Читая эту чудную сцену, прохвѣишься симпатіей къ Тарасу и презрѣніемъ къ сладострастникамъ Андрію.

Совершенно иначе дѣло изображено въ исправленной редакціи: Янкель, послѣ длинныхъ сообщеній объ измѣнѣ Андрія, передаетъ Тарасу слова Андрія: «Янкель! скажи отцу, скажи брату, скажи казакамъ, скажи запорожцамъ, скажи всѣмъ, что отецъ теперь не отецъ мнѣ, братъ не братъ, товарищъ не товарищъ, и что я съ ними буду биться со всѣми, со всѣми буду биться», Тарасъ, сдержанно слушавшій болтовню Янкеля, наконецъ «выхватилъ свою саблю», но Янкель убѣгаетъ. Андрей не былъ рафинированный мерзавецъ и потому не могъ черезъ посредство презрѣннаго для него Янкеля оскорблять отца и казаковъ; не могъ онъ дать такого порученія Янкелю для того, чтобы заслужить довѣріе поляковъ: клятва, данная презрѣнному и для Андрея и для поляковъ жиду, не имѣла никакого значенія. Узнавъ объ измѣнѣ сына, Тарасъ долго таитъ въ себѣ свой гнѣвъ. Андрея онъ увидалъ, лишь когда остался главнымъ въ осаждающемъ Дубно войскѣ. «Отворились ворота и вылетѣлъ оттуда гусарскій полкъ, краса всѣхъ конныхъ полковъ... впереди другихъ понесся витязь всѣхъ бойчѣе, всѣхъ красивѣе... Такъ и оторопѣлъ Тарасъ, когда увидѣлъ, что это былъ Андрій... Онъ (Андрій) чистилъ передъ собою дорогу, разгонялъ, рубилъ и сыпалъ удары направо и налево». Тарасъ приказываетъ заманить Андрія, «чья-то сильная рука схватила за поводъ его коня. Оглянулся Андрій—передъ нимъ Тарасъ». Геніальный Гоголь чувствовалъ, что уже, во второй редакціи, онъ долженъ былъ выбросить исполненныя величайшаго трагизма слова Тараса: «и не проси у Господа Бога отпущенія: за такое дѣло не прощаютъ на томъ свѣтѣ». Дѣйствительно, свыкнувшійся съ мыслью объ измѣнѣ сына, хладнокровно заманившій его въ засаду Тарасъ, во второй, редакціи, уже не былъ преисполненнымъ «ярости» мстителемъ, какъ въ первой редакціи. Въ первой редакціи, въ «ярости» отмстивши измѣннику, казакъ Тарасъ, какъ отецъ хоронитъ трупъ сына. Во второй, обдуманно убившій сына Тарасъ, только что убившій сына, на предложеніе Остапа похоронить брата, отвѣчаетъ: «Погребутъ и безъ насъ! будутъ у него плакальщики

и утѣшницы». Въ первой редакціи, полный «свирѣпства» и «ярости» Тарасъ говоритъ Андрею слова, вполне оправдывающія отца: «Ты думалъ, что я отдамъ кому-нибудь дитя свое? Нѣтъ!» Во второй, о только что убитомъ сынѣ Тарасъ говоритъ: «Пропалъ, пропалъ безславно, какъ подлая собака».

Такимъ образомъ, во второй редакціи, Андрей уже является храбрымъ, пылкимъ воиномъ, а Тарасъ представленъ отцомъ, обдуманно подготовившимъ убійство, спокойно убивающимъ сына и даже надругающимся надъ его трупомъ.

Наконецъ, во второй редакціи, пока Тарасъ убиваетъ сына, разговариваетъ съ Остапомъ, ихъ окружаютъ поляки, Остапа берутъ въ плѣнъ, а Тараса тяжело ранятъ; непонятно, откуда взявшійся Товкачъ увозитъ тяжело раненаго Тараса съ поля битвы, проигранной казаками. Окончаніе сцены даже мелодраматично: убивъ одного сына, Тарасъ теряетъ сейчасъ же другого; если бы онъ не тратилъ времени на убійство сына и на разговоръ съ Остапомъ, ихъ бы не окружили поляки. Если мы примемъ во вниманіе, что по второй редакціи Тарасъ былъ главнымъ начальникомъ, что онъ бросаетъ все войско только для того, чтобы утолить свою злобу убійствомъ Андрія, что въ то время, пока онъ убивалъ Андрія, войско было на-голову разбито, мы должны будемъ признать, что творчество Гоголя за пять—семь лѣтъ измѣнилось, и,—увы!—не къ лучшему.

Въ четвертыхъ, въ новой редакціи измѣненъ планъ битвы, въ которой погибъ Остапъ и былъ тяжело раненъ Тарасъ. Прочитавъ подрядъ обѣ редакціи, нетрудно убѣдиться, что первая излагаетъ дѣло и полнѣе, и правдоподобнѣе. Отбивъ вылазку изъ Дубно, Тарасъ, убѣдившись въ слабости своихъ силъ, тайно снимаетъ осаду; узнавъ, что плѣнные казаки отправлены въ Варшаву, онъ рѣшается при отступленіи ихъ выручить, но лишній обозъ задерживаетъ движеніе: казаки окружены превосходными силами, они окружаютъ себя обозомъ. Остапъ, «увлекаемый пылкостью», отдѣлился немного далѣе отъ обоза, его берутъ въ плѣнъ, Тарасъ бросается ему на выручку. «Желаніе подать помощь и освободить любимаго сына заставило его забыть важность своего поста»; войско гибнетъ. Во второй редакціи вылазка поляковъ побѣдоносно отбита, но изъ города «вылетѣлъ» «гусарскій полкъ»; пока Тарасъ былъ занятъ убійствомъ Андрія, неизвѣстно почему казаки оказываются разбитыми на-

голову. Интересно было бы мнѣніе по этому поводу военного, но для невоенного въ первой редакціи понятны причины пораженья казаковъ и остаются неясными во второй.

Въ-пятыхъ, во второй редакціи описаны подвиги нѣкоторыхъ казаковъ—Кукубенко, Балабана, Мосія Шило; эти сцены написаны рукою великаго мастера, но это вводные эпизоды, не имѣющіе непосредственнаго отношенія къ ходу ужасной драмы. Для меня несомнѣнно, что только это *дополненіе*, а не *измѣненіе*, является украшеніемъ второй редакціи.

Въ-шестыхъ, при переработкѣ, Гоголь ввелъ нѣсколько поэтическихъ сравненій и риторическихъ періодовъ. Сами по себѣ эти сравненія великолѣпны; такъ, Андрій во главѣ польскихъ гусаръ «понесся какъ молодой борзой конь»; тутъ прекрасно описано, какъ несется на охотѣ борзой. Заманенный казаками и пойманный Тарасомъ Андрій сравнивается со школьникомъ, бѣгушимъ за товарищемъ и наталкивающимся на учителя; школьникъ въ этомъ положеніи также описанъ прекрасно. Но насколько Ионическая колонна прекраснѣе Коринфской, настолько это мѣсто въ первой редакціи выше, чѣмъ во второй; въ первой редакціи Гоголь изобразилъ сильными красками ярость и бѣшеную храбрость обезумѣвшаго отъ оскорбленія Тараса, трусость Андрія и только. Во второй редакціи сами по себѣ прекрасныя, поэтическія сравненія только отвлекаютъ вниманіе отъ ужаснаго столкновенія между великимъ отцомъ и жалкимъ сыномъ.

Риторическіе періоды во второй редакціи очень однообразны: умирая, Мосій Шило говоритъ: «Прощайте, паны братья, товарищи! Пусть же стоитъ на вѣчныя времена православная Русская земля и будетъ ей вѣчная честь»; Степанъ Гуска, умирая, говоритъ: «Пусть же пропадутъ всѣ враги и ликуетъ вѣчные вѣка Русская земля!..» Послѣднія слова умирающаго Балабана были: «Пусть же цвѣтетъ вѣчно Русская земля!» Даже молодой герой Кукубенко умираетъ съ красивой фразой на устахъ: «Пусть же послѣ насъ живутъ еще лучшіе, чѣмъ мы, и красуется вѣчно любимая Христомъ Русская земля». Послѣднія слова Тараса, умирающаго на кострѣ, весьма характерны для пониманія творчества Гоголя: «Постойте, придетъ время, будетъ время, узнаете вы, что такое православная русская вѣра! Уже и теперь чуютъ дальніе и близкіе народы: подымется изъ Русской земли свой царь,

и не будетъ въ мірѣ силы, которая бы не покорилась ему!» Я не сомнѣваюсь, что только ослабленіемъ генія можно объяснить, что Гоголь профанировалъ своихъ героевъ такимъ краснорѣчіемъ; въ 1835 г., какъ великій художникъ, онъ живо понималъ, что казаки патріотизмъ доказали дѣлами, а не фразами.

Во второй редакціи Гоголь влагаетъ въ уста Тараса длинную рѣчь о товариществѣ, въ которой излагаются въ весьма красивой формѣ преимущества товарищества на Руси, говорится о русскомъ чувствѣ. Тутъ явно Гоголь въ уста Тараса влагаетъ фразы, совершенно несоотвѣтствующія характеру и міровоззрѣнію этого человѣка дѣла, а не слова. Невольно приходитъ въ голову мысль, что Гоголь, надѣлая своего героя патріотизмомъ, даже въ излишествѣ, хотѣлъ этимъ самымъ оправдаться отъ упрековъ въ недостаткѣ патріотизма.

Свой патріотизмъ, теперь называемый кваснымъ, Гоголь заявляетъ во второй редакціи слѣдующей фразой: «Да развѣ найдутся на свѣтѣ такіе огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу». Въ 1835 г., когда Гоголя не упрекали въ недостаткѣ патріотизма, онъ не помѣстилъ такой громкой и совершенно ненужной въ «Тарасѣ Бульбѣ» фразы ¹⁾.

Относительно новой редакціи «Портрета» Гоголь самъ говоритъ въ письмѣ къ Плетневу отъ 17. III. 1842. «Въ Римѣ я ее передѣлалъ вовсе, или лучше, написалъ вновь, вслѣдствіе сдѣланныхъ еще въ Петербургѣ замѣчаній». Слѣдовательно, матеріалы для второй редакціи были собраны до отъѣзда изъ Россіи, и въ Римѣ Гоголь лишь проредактировалъ и переписалъ уже заготовленное въ Петербургѣ.

Лучше всего объ ослабленіи творчества Гоголя съ 1836 г. мы можемъ судить по тому, что создать что-либо новое, достойное автора «Ревизора», оставивъ Россію, больной поэтъ уже не могъ.

Въ началѣ своего пребыванія за границей Гоголь написалъ отрывокъ «Римъ»; въ 1839 г. его слышалъ С. Т. Аксаковъ. Уже потому, что Гоголь обнаруживаетъ въ этомъ отрывкѣ знаніе Италіи, восторженное къ ней отношеніе, мы должны думать, что Римъ написанъ не ранѣе 1838 г.; къ такому же вы-

¹⁾ Весьма возможно, что тутъ сказалось вліяніе Погодина, въ 1839 г. бывшаго въ Римѣ; но это не измѣняетъ сущности дѣла.

воду насъ приводить и слабость этого отрывка. Едва ли ранѣе 1838 г., т.-е. до тяжкаго приступа болѣзни въ 1837 г., Гоголь, обладавшій прежде необычайнымъ художественнымъ чутьемъ, принялся бы писать художественное произведение изъ жизни ему непонятной и неизвѣстной, написалъ бы отрывокъ, въ которомъ нѣтъ ни одного лица, обрисованнаго такъ, какъ умѣлъ прежде рисовать Гоголь ¹⁾. Конечно, многіе беллетристы не могутъ написать такого отрывка, но сравнивая «Римъ» съ другими произведеніями Гоголя, мы можемъ только сожалѣть о значительномъ ослабленіи творческихъ силъ гениальнаго автора «Ревизора». Только ослабленіемъ, вслѣдствіе болѣзни, гения Гоголя, можно объяснить, что онъ такъ тщательно, но, увы! съ помощью реторики, описываетъ Аннунціату; напряженность, бесплодное усиліе замѣняетъ собою прежнее свободное творчество. И въ этомъ отрывкѣ мѣстами видна рука великаго мастера, но чудно написанныя подробности еще болѣе отгѣняютъ упадокъ творчества автора.

Послѣ припадка 1839 г. гений Гоголя ослабѣлъ настолько, что драма изъ малороссійской жизни ему совершенно не удалась; Гоголь остановился въ самомъ началѣ.

Въ 1839 г. Гоголь прочелъ Панову нѣсколько сценъ; Пановъ, восторженный поклонникъ Гоголя, однако замѣтилъ, что главное лицо еще не обозначилось. Анненковъ рассказываетъ, что онъ видѣлъ въ 1841 г. черновой листокъ драмы изъ малороссійскаго быта и даже успѣлъ прочесть фразу «и зачѣмъ это Господь Богъ создалъ бабъ на свѣтѣ, развѣ только для того, чтобы казаковъ рожала баба». Гоголь разсердился и вырвалъ бумажку изъ рукъ Анненкова. Бѣдный поэтъ ясно понималъ, что работать надъ этой драмой («Выбранный Усъ»), онъ уже не можетъ.

Такъ какъ въ 1841 г. заканчивается дѣятельность Гоголя, какъ великаго художника, мы уже теперь можемъ опредѣлить вліяніе болѣзни Гоголя на его творчество. Болѣзнь не только очень рано ослабила творческія силы великаго писателя, но и очень рано окончательно погубила его гений. Едва ли можно сомнѣваться, что творческія способности Гоголя перестали раз-

¹⁾ Гоголь настолько не понималъ итальянцевъ, что считалъ ихъ отжившей націей (письмо къ Шевыреву онъ I. IX. 1843); повидимому онъ и умеръ, не понявъ своей ошибки.

виваться уже въ 1836 г., т.-е. когда Гоголю было 27 лѣтъ. Развитія, настанія силъ, вслѣдствіе болѣзни, не было; появилось ослабленіе, правда медленно прогрессирующее и замѣтное лишь при тщательномъ изученіи дѣятельности Гоголя съ 1836 года. Гений Гоголя такъ колоссаленъ, его произведенія такъ прекрасны, что ослабленіе его творческихъ силъ долго намъ незамѣтно; въѣдъ и сравнительно слабыя произведенія Гоголя все же чудно хороши и неизмѣримо превосходятъ созданное посредственностями.

Въ 1841 г. гений Гоголя, вслѣдствіе болѣзни, потухаетъ настолько, что уже ничего равнаго «Ревизору», «Шинели», первой части «Мертвыхъ душъ» больной поэтъ создать не могъ; конечно, проблески прежняго гения еще остались; потухающіе, засыпанные пепломъ уголья иногда вспыхиваютъ слабымъ пламенемъ, но уже прежняго огня быть не можетъ.

Такое раннее ослабленіе или, по крайней мѣрѣ, остановка развитія и потуханіе гения, могутъ быть объяснены болѣзью, развивавшейся на почвѣ патологической организаціи нервной системы; въѣдъ духовныя силы здоровыхъ людей съ годами крѣпнутъ, способности ихъ съ годами развиваются. Намъ будетъ еще яснѣе патологическое происхожденіе ранняго ослабленія и ранняго потуханія гения, если мы сравнимъ художественную дѣятельность больного Гоголя и здороваго Пушкина ¹⁾.

Патологической организаціей нервной системы Гоголя мы должны объяснить своеобразную особенность его творчества: ни у одного художника нѣтъ такъ много незаконченныхъ или даже только начатыхъ произведеній какъ у Гоголя. Число намъ извѣстныхъ незаконченныхъ произведеній крайне велико, законченныхъ же относительно мало.

Даже въ лучшую эпоху своей жизни онъ набрасывалъ только начала никогда затѣмъ незаконченныхъ повѣстей и закончилъ лишь одну большую поэму «Тарасъ Бульба» и двѣ комедіи: «Игроки» это лишь сцены. Всѣ остальные законченныя произведенія—это небольшія, по размѣрамъ, рассказы. Пушкинъ одинъ понималъ это сѣдство дарованія Гоголя и далъ ему сюжетъ для «Мертвыхъ душъ», произведенія, состоящаго изъ отдѣльныхъ эпизо-

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ: Чижъ. Пушкинъ, какъ идеалъ душевнаго здоровья. Юрьевъ, 1899.

довъ; по самому существу темы «Мертвыя души», по произволу автора, могли быть закончены и рано, и поздно. Можно лишь удивляться, какъ Анненковъ не понималъ этой особенности генія Гоголя и потому писалъ: «Если эта поэма по справедливости можетъ называться памятникомъ его, какъ писателя, то съ меньшей основательностью позволительно сказать, что въ ней готовилъ себѣ онъ и гробницу, какъ человѣку»; Анненковъ даже называетъ «Мертвыя Души» «подвижническою кельею, въ которой онъ бился и страдалъ до тѣхъ поръ, пока вынесли его бездыханнымъ изъ нее».

Эта особенность или свойство дарованія Гоголя потому имѣетъ особое значеніе въ глазахъ психіатра, что самъ Гоголь не понималъ свойства своего творчества. Если и можно думать, что не вслѣдствіе патологической организаціи нервной системы, а вслѣдствіе имманентнаго свойства своего генія, онъ не могъ разрабатывать сложныхъ положеній, трудно иначе какъ болѣзнью объяснить то, что Гоголь до конца жизни не понималъ особенностей своего дарованія.

О свойствахъ дарованія Гоголя, вообще объ его творчествѣ, писали столь авторитетные и компетентные критики, что весь вопросъ исчерпанъ, и психіатръ можетъ высказать свое сужденіе лишь о томъ, какъ болѣзнь великаго поэта вліяла на его творчество.

Мы знаемъ, что малороссійскимъ происхожденіемъ Гоголя «объясняемо было до известной степени его отношеніе къ русской (великорусской) дѣйствительности». Пыпинъ (Энциклопедическій словарь, 17, стр. 20) говоритъ: «Привязанность Г. къ своей родинѣ была очень сильна, особливо въ первые годы его литературной дѣятельности и вплоть до завершения второй редакціи «Тараса Бульбы», но сатирическое отношеніе къ русской жизни, отъ сомнѣнія, объясняется не племенными его свойствами, а всѣмъ характеромъ его развитія».

На самомъ дѣлѣ, остается непонятнымъ, почему Гоголь иначе относится къ великорусской дѣйствительности, чѣмъ къ малороссійской; едва ли можно говорить о значеніи «развитія» въ томъ смыслѣ, какъ его обычно употребляютъ, по отношенію къ двадцатичетырехлѣтнему молодому человѣку, упорно избѣгавшему всѣхъ воздѣйствій, способствующихъ развитію. Когда Гоголь подготовлялъ или обрабатывалъ «Ревизора», онъ не жилъ

въ такихъ условіяхъ, чтобы могъ «развиваться», измѣнить свое міровоззрѣніе, да наконецъ его «Выбранныя мѣста» доказываютъ, что сатирическое отношеніе къ великорусской дѣйствительности вовсе не было результатомъ «развитія»; напротивъ, достигнувъ наибольшей зрѣлости, Гоголь находилъ, что все обстоитъ какъ нельзя лучше. Вообще, историки литературы, и даже столь почтенные и авторитетные, какъ Пыпинъ, не принимаютъ во вниманіе чисто органическихъ причинъ дѣятельности, придаютъ большое значеніе средѣ, условіямъ жизни, идеямъ. Какъ психіатръ и психологъ, я рѣшительно не могу согласиться съ такимъ толкованіемъ отношенія Гоголя къ русской дѣйствительности. Еще разъ я припоминаю сказанное мнѣ покойнымъ психіатромъ Гудденомъ: психіатрія уже потому великая наука, что мы, психіатры, можемъ правильно понимать человѣка; ученые, государственные люди ошибочно судятъ о человѣкѣ, потому что всегда объясняютъ его дѣятельность соображеніями, а мы знаемъ громадную роль чувствованій, и громадность вліянія тѣла на душу. Іезуиты лучше, хотя только эмпирически, знали людей и умѣли управлять ими, потому что воздѣйствовали на чувствованія; психіатры кромѣ того знаютъ власть тѣла надъ духомъ.

Какъ психіатръ, я совершенно иначе объясняю значительное различіе въ отношеніи Гоголя къ нашей и малороссійской жизни. Происхожденіе само по себѣ, конечно, тутъ не играло роли, и Гоголь очень рано также безучастно относился къ страданіямъ крѣпостныхъ, выпоротыхъ унтеръ-офицершъ, обобранныхъ купцовъ, какъ въ Малороссіи, такъ и въ Великороссіи. Также ему страшно было подумать ѣхать въ Россію, какъ и въ «любимую» Украину. Различія въ отношеніи къ «родной» Украинѣ и къ москалямъ были обусловлены болѣзнью и ея развитіемъ, въ чемъ легко убѣдиться, вникнувъ, когда Гоголь писалъ свои художественныя произведенія изъ малороссійской и нашей жизни.

Тѣ наблюденія малороссійской жизни, которыя вылились въ поэтическія произведенія перваго періода были собраны въ юношескомъ возрастѣ, то-есть, когда Гоголь пріѣзжалъ домой изъ Нѣжина и въ 1831 г. изъ Петербурга. Во время своего пребыванія въ Васильевкѣ лѣтомъ 1835 г. Гоголь уже не могъ собрать наблюденій для полныхъ нѣжности, и не лишенныхъ любовнаго отношенія къ созданнымъ имъ лицамъ, художественныхъ произведеній. Когда геніальный юноша наблюдалъ мало-

россійскую жизнь, онъ еще не былъ тоскующимъ, больнымъ; его душа еще могла любить, болѣзнь не окрасила для него весь міръ темными красками. Но и тогда онъ уже видѣлъ и Шпоньку, и Иванъ Ивановича съ Иваномъ Никифорычемъ; какъ ни ничтожны эти лица, въ душѣ поэта было достаточно сердечной нѣжности и для этихъ «существователей», добродушно относившихся къ гениальному юношѣ. Когда Гоголь увидѣлъ Акакія Акакіевича и Поприщина, онъ былъ еще очень молодъ, служилъ въ департаментѣ удѣловъ и министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, не перенесъ тяжелаго приступа меланхоліи, для него еще не все въ жизни потеряло прелесть, у него еще многое вызывало пріятныя чувствованія, а потому онъ еще могъ многое любить и сумѣлъ и насъ заставить полюбить и Акакія Акакіевича и даже Поприщина.

Болѣзнь многострадальнаго поэта прогрессируетъ; пріятныя чувствованія все рѣже и рѣже возникаютъ въ душѣ гениальнаго «великаго меланхолика». Все болѣе и болѣе обширный кругъ явленій вызываетъ у него непріятныя чувствованія; болѣзнь все болѣе и болѣе стужаетъ мрачное облако, черезъ которое гениальный наблюдатель видитъ и міръ, и людей. Мрачное, вызванное болѣзнію настроеніе, конечно, должно было отразиться въ произведеніяхъ поэта, въ отношеніи его къ окружающей дѣйствительности. Персонажи Ревизора изучались Гоголемъ, когда развивающаяся болѣзнь лишила его сердечной теплоты, окрасила все въ темный цвѣтъ, и мы вмѣстѣ съ Щепкинымъ любимъ даже Держиморду, но уже «какъ и вообще всѣхъ людей». Припадки меланхоліи или меланхолическія состоянія въ той степени болѣзни, какія были у Гоголя, къ нашему счастью, не ведутъ къ умственному отупѣнію, и многострадальный поэтъ оцѣнилъ совѣтъ Пушкина описать покупку Мертвыхъ Душъ. Матеріалы для этого безсмертнаго произведенія, по крайней мѣрѣ по преимуществу, были собраны въ 1834—1835 гг. и первой половинѣ 1836 г., то-есть послѣ тяжкаго приступа меланхоліи 1833 г. Мы видѣли, что меланхолическое состояніе не покидало Гоголя и лѣтомъ 1835 г. и весною 1836 г. Понятно, что въ такомъ душевномъ состояніи гениальный наблюдатель уже не замѣчалъ Афанасія Ивановича, Акакія Акакіевича и т. д., а обратилъ свое вниманіе на болѣе мрачныя фигуры—Ноздрева, Собакевича, Манилова, Коробочку и Плюшкина. Даже мы, обыкновенные смертные,

обращаемъ вниманіе на то, что соотвѣтствуетъ нашему настроенію; здоровый, веселый человѣкъ иначе относится къ людямъ, иначе ихъ понимаетъ, чѣмъ мрачно настроенный неудачникъ. Всѣ мы знаемъ, что въ хорошемъ настроеніи мы иначе смотримъ на нашихъ знакомыхъ, чѣмъ въ дурномъ. Константину Левину послѣ объясненія съ Китти у Облонскихъ всѣ люди казались добрыми, умными, хорошими; онъ всѣхъ ихъ любилъ, потому что сердце его было полно любви.

Нельзя забывать громаднаго вліянія недоразвитія половыхъ чувствованій у нашего великаго сатирика. Наши научныя свѣдѣнія по этому вопросу весьма ограничены и неточны. Rieger ¹⁾ вполне отрицаетъ вліяніе этой важной функціи на душевную жизнь, но едва ли можно согласиться съ мнѣніемъ этого почтеннаго ученаго. Чтобы не входить въ обсужденіе этого крайне сложнаго и деликатнаго вопроса, я сошлюсь на два сдѣланныя мною наблюденія, вполне понимая ихъ недостаточность. Едва ли однако нужно доказывать громадное значеніе родового чувства на любовь къ людямъ и къ міру вообще; все это общеизвѣстно, такъ же какъ и мизантропія евнуховъ. Я зналъ двухъ выдающихся лицъ съ недоразвитіемъ полового чувства; одинъ былъ ученый, другой важный чиновникъ; оба были мизантропы, мрачно смотрѣли на жизнь и видѣли только отрицательную ея сторону. Ученый былъ большой поклонникъ Гоголя и утверждалъ, что не понимаетъ и не любитъ ни одного художественнаго произведенія, кромѣ сочиненій Гоголя. Важный чиновникъ былъ человѣкъ громаднаго ума и рѣдкій работникъ, но онъ такъ подозрительно относился къ своимъ подчиненнымъ, такъ видѣлъ въ нихъ только дурное, что служить съ нимъ было очень трудно, а начальство должно было отказываться отъ его услугъ, въ виду постоянныхъ жалобъ, пререканій и т. п.

Въ періоды полового созрѣванія у такихъ лицъ эти важныя функціи, все же хотя и слабо, даютъ о себѣ знать, или, говоря иначе, железы начинаютъ функционировать, но не достигаютъ должнаго развитія. О пробужденіи половой жизни говорилось такъ много, что нѣтъ надобности повторять извѣстное еще разъ; какъ бы слабо и незакончено ни было развитіе этой функціи, все же происходитъ соотвѣтственное измѣненіе личности. Когда

¹⁾ Die Castration 1900.

половое созрѣваніе заканчивается такъ несовершенно, что молодой человѣкъ или вполнѣ, или почти неспособенъ къ половой жизни, то чисто органически, и сознательно, онъ не можетъ не страдать, не быть мрачнымъ. Мы не знаемъ какъ органически влияетъ недоразвитіе этой важной функціи на личность субъекта, но несомнѣнно, что, когда молодой человѣкъ окончательно убѣждается, что онъ лишенъ тѣхъ наслажденій, которыя такъ сладки для его друзей, что онъ созданъ не такъ, какъ всѣ, онъ ожесточается, страдаетъ, злится, настроеніе его становится мрачнымъ. Гоголь выросъ въ нравственной семьѣ, а потому, по всей вѣроятности, сравнительно поздно окончательно убѣдился, что онъ созданъ не такъ, какъ другіе. Молодые люди съ недоразвитіемъ половой жизни долго утѣшаютъ себя надеждой, что съ годами они выздоровѣютъ, но когда, наконецъ, они видятъ, что дѣло непоправимо, жизнь имъ кажется отвратительной, лишенной смысла. Въ нефункционирующихъ правильно органахъ начинается атрофія; обо всемъ этомъ наши научныя свѣдѣнія, повторяю еще разъ, весьма несовершенны, но кто же не знаетъ, что дѣвушки начинаютъ рано вянуть.

Все это необходимо принимать во вниманіе для объясненія измѣненія въ отношеніи великаго сатирика къ нашей дѣйствительности; было бы просто фарисействомъ утверждать, что такіа животныя «нижшія» отправления не могутъ имѣть вліянія на высокія художественныя произведенія. Если въ нашей жизни эти животныя отправления играютъ такую большую роль, то въ жизни художниковъ они должны имѣть еще больше значенія; вспомнимъ біографію Жоржъ Зандъ, Петрарки, Гете... Гоголь мрачно, отрицательно отнесся къ дѣйствительности именно тогда, когда долженъ былъ отказаться отъ всякихъ надеждъ, когда отсутствіе функціи недоразвитыхъ железъ стало сказываться на всемъ организмѣ. Само собою разумѣется, что отрицательное отношеніе гениальнаго поэта къ дѣйствительности должно было принять другія формы, чѣмъ у увядающей дѣвушки; но кто не знаетъ сатирическаго направленія многихъ старыхъ дѣвъ, умѣющихъ подмѣчать смѣшныя стороны и зло ихъ осмѣивать. Принято смѣяться надъ старыми дѣвами, никого не любящими кромѣ кошекъ, но ихъ слѣдуетъ сожалѣть; кто не знавалъ добрыхъ любящихъ дѣвушекъ, вслѣдствіе ихъ ненормальнаго положенія превратившихся въ озлобленныхъ обличительницъ всѣхъ своихъ

знакомыхъ, бичующихъ безпощадно чужія слабости и недостатки. Увы, часто тѣлесные процессы имѣютъ громадное вліяніе на нашу душевную дѣятельность; конечно, на все это можно закрывать глаза, но съ закрытыми глазами можно и заблудиться. Мы не знаемъ, почему нѣкоторыя старыя дѣвушки становятся энтузіастками; англійскія *spinsters*—типъ крайне симпатичный; между аболүціонистками, противницами вивесекцій немало старыхъ дѣвъ. Кто жила въ Западномъ краѣ, тотъ знаетъ, что такое девица; ихъ набожность и консерватизмъ, самый крайній, общеизвѣстны.

Все это необходимо принять во вниманіе для объясненія весьма быстро происшедшей перемѣны въ отношеніи къ дѣйствительности у нашего великаго поэта. Я не знаю, да это и невозможно съ точностью знать, какое вліяніе на творчество имѣла эта чисто органическая причина; понятно, что даже гениальный наблюдатель не могъ дать себѣ отчета, какое вліяніе оказала на него эта крайне интимная сторона жизни. Извѣстно, съ какимъ суевѣрнымъ ужасомъ смотрѣлъ нашъ гениальный поэтъ на любовныя интрижки (Невскій Проспектъ). Слѣдуетъ лишь обратить вниманіе, что эта причина могла имѣть вліяніе на его развитіе, но опредѣлить, какую роль она играла среди другихъ причинъ—меланхолическихъ состояній, параноическаго характера—едва ли возможно. Что эта причина могла имѣть немаловажное вліяніе, указываетъ намъ то обстоятельство, что ясно сатирическое отношеніе къ дѣйствительности появилось именно въ то время, когда прошла первая молодость, когда неспособность любить выяснилась окончательно, т. е. на двадцать четвертомъ-шестомъ году жизни.

Измѣненіе въ отношеніи къ жизни произошло въ сущности очень быстро—въ два-три года; намъ извѣстно, когда были сданы въ печать произведенія Гоголя, но неизвѣстно, когда они создавались. Мы знаемъ, что нашъ великій поэтъ, какъ и всѣ великіе творцы, подолгу работалъ надъ своими созданіями, многократно ихъ передѣлывалъ, переписывалъ и потому едва ли можно сомнѣваться, что «Ревизоръ», по крайней мѣрѣ въ общихъ очертаніяхъ—былъ созданъ за два года, а можетъ даже и болѣе, до своего появленія въ готовомъ видѣ. Очевидно, что двадцати-четырехлѣтній авторъ не могъ путемъ «развитія» измѣнить своего отношенія къ дѣйствительности. Ни въ его жизни, ни въ его дѣятельности, ни въ той духовной атмосферѣ, въ кото-

рой онъ жилъ эти годы, не было ничего, что могло бы объяснить его «развитіе» въ этомъ направленіи.

Превращеніе «мягкаго юмориста» пасъчника Рудаго Панька «въ грознаго сатирика» произошло очень быстро—въ три-четыре года, а потому историки литературы рѣшительно не могутъ прослѣдить этого «психологическаго процесса». Dr. Баженовъ¹⁾ уклоняется отъ объясненія этого процесса именно потому, что сдѣланный имъ діагнозъ болѣзни Гоголя не совсѣмъ вѣренъ.

Когда Гоголь проводилъ каникулы 1835 г. въ Васильевкѣ, онъ уже не могъ съ мягкимъ юморомъ относиться къ окружающей его дѣйствительности, и потому эта поѣздка не дала ему матеріаловъ для творчества. Только юношей онъ былъ мягкимъ юмористомъ, и уже въ томъ возрастѣ, когда нормальные люди смотрятъ на міръ черезъ розовыя очки, онъ былъ грознымъ сатирикомъ. Вообще, сатира, а тѣмъ болѣе грозная, не свойственна молодости. Щедринъ написалъ свои лучшія, наиболѣе грозныя сатиры, когда ему было за сорокъ лѣтъ; Свифтъ создалъ «Странствованія Гулливера», когда ему было пятьдесятъ лѣтъ. Замѣчу, что великій англійскій сатирикъ былъ человѣкъ больной и послѣднія десять лѣтъ своей жизни страдалъ тяжелой душевной болѣзнью. Правда, Ямбы Барбье появились, когда поэту было двадцать шесть лѣтъ, но дальнѣйшее развитіе этого поэта остановилось очень рано, и всѣ его послѣдующія произведенія уже значительно ниже «Ямбовъ», что уже даетъ право сомнѣваться относительно здоровья Барбье. Хорошей подробной біографіи его нѣтъ.

Единственный сатирикъ, уже на двадцать пятомъ году жизни пріобрѣтшій извѣстность, это Буало; но Буало былъ *кастратъ*, такъ какъ въ дѣтствѣ его *partie très délicate* была повреждена индѣйскимъ пѣтухомъ²⁾. Конечно, можно говорить, что поврежденіе важныхъ органовъ у Буало и недоразвитіе половыхъ желаній у Гоголя никакого отношенія къ ихъ дѣятельности не имѣли, что я привелъ справку, ничего не объясняющую, но все же нельзя не сопоставить, что и Буало и Гоголь почти въ одномъ и томъ же возрастѣ прославились сатирами, что у обоихъ

¹⁾ Op. cit., стр. 12.

²⁾ Rieger (op. cit. s. 84—87); тутъ приведены данныя по поводу этого обстоятельства въ жизни Буало, вполне достаточныя для сужденія о ненормальности этого сатирика.

былъ органическій недостатокъ, лишившій ихъ радостной молодости.

Сатирическое отношеніе къ дѣйствительности Гоголя, какъ художника, не только проявилось очень рано, но и развивалось очень быстро. Въ 1835 г. первыя главы «Мертвыхъ Душъ» вызвали у Пушкина печальное настроеніе духа. Первыя шесть главъ этого величайшаго художественнаго произведенія даже теперь читать тяжело. Одинъ извѣстный нѣмецкій ученый говорилъ мнѣ, что онъ не знаетъ болѣе мрачнаго и болѣе художественнаго изображенія дѣйствительности, какъ первыя шесть главъ «Мертвыхъ Душъ». Когда я ему замѣтилъ (это было въ 1884 г., когда я еще не вполне понималъ «Мертвыя Души»), что это типы прошлой русской жизни, этотъ почтенный ученый живо возразилъ мнѣ, что персонажи «Мертвыхъ Душъ», какъ греческія статуи, безсмертны и всѣмъ понятны; Собакевичей у насъ очень много. Послѣднія главы дѣйствительно уже для насъ, нѣмцевъ, мало интересны; это ваша жизнь». Потомъ я оцѣнилъ вѣрность сужденія этого крупнаго ученаго и теперь думаю, что «Мертвыя Души» можно дѣлить на двѣ части. Первыя шесть главъ—это не только сатира, но поразительно художественное воспроизведеніе живыхъ лицъ; дѣйствительно Гоголь создалъ статуи, столь же чудно-художественныя, какъ Аполлонъ Бельведерскій, Венера и т. д. Послѣднія главы «Мертвыхъ Душъ» это уже настоящая, конечно, великая сатира; тутъ Гоголь нарисовалъ ужасную по своей пошлости средѣ; эта картина болѣе общественная, чѣмъ психологическая. По моему разумѣнію, первыя шесть главъ «Мертвыхъ Душъ» выше послѣднихъ, такъ какъ поразительная жизненность, недостижимая ясность обрисовки персонажей первыхъ шести главъ уже не встрѣчаются во второй части. Губернскій городъ, чиновники, все это изображено прекрасно, но уже нѣтъ вполне законченныхъ, вполне живыхъ, вполне понятныхъ всѣмъ и каждому лицъ; нарисована среда, жизнь, отношеніе людей, но только съ одной стороны. Это уже чистая сатира. Конечно, я понимаю, что моя оцѣнка «Мертвыхъ Душъ» не можетъ претендовать на авторитетность, и я высказалъ здѣсь свои сужденія лишь для того, чтобы указать на развитіе сатирическаго, и при томъ крайне мрачнаго, отношенія къ жизни нашего великаго писателя. Послѣднія главы «Мертвыхъ Душъ», насколько намъ извѣстно, были написаны въ концѣ тридцатыхъ годовъ, когда болѣзнь Го-

голя значительно подвинулась впередъ, когда жизнь для него потеряла всякую прелесть. Смѣю думать, что послѣднія главы «Мертвыхъ Душъ» даютъ право говорить объ ослабленіи генія Гоголя, о разрушающемъ дѣйстви болѣзни ¹⁾.

1) Эти строки были уже написаны, когда я познакомился съ замѣткой Юл. Португалова. «По поводу полемики проф. В. Ф. Чижа и д-ра Я. Ф. Каплана („Вопросы философіи“, кн. 66). Изъ вышеизложеннаго ясно, что Ю. Португаловъ и я столь различно понимаемъ „Мертвыя Души“ вообще, и Плюшкина въ частности, что дальнѣйшая полемика совершенно невозможна. Замѣчу лишь, что моя работа о Плюшкинѣ была помѣщена въ спеціальномъ медицинскомъ органѣ „Врачебная Газета“, что ясно указываетъ на мое отношеніе къ вопросу. Г. Португаловъ напрасно думаетъ, что мое замѣчаніе о непониманіи критикой Плюшкина—лишь lapsus linguae. Какъ ни велики были критики, писавшіе о „Мертвыхъ Душахъ“, они, вслѣдствіе незнанія психіатріи, не могли правильно понять Плюшкина. Само собою разумѣется, что незнаніе психіатріи ничуть не умаляетъ заслугъ этихъ выдающихся дѣятелей, такъ же какъ знаніе психіатріи и психологіи, надѣюсь, не лишаетъ меня права судить о томъ, о чемъ могли разсуждать лица, не изучавшіе этихъ наукъ. Плюшкинъ безсмертный типъ, потому что обрисовка его удивляетъ насъ своею законченностью и вѣрностью. Вмѣстѣ съ тѣмъ Плюшкинъ, какъ и всякое высокохудожественное созданіе, имѣетъ, конечно, и общественное значеніе; оно такъ ясно, что мнѣ казалось лишнимъ о немъ говорить. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не понятно каждому, что при крѣпостномъ правѣ, когда отъ произвола помѣщика вполнѣ зависѣла судьба его крѣпостныхъ, даже такой смиренный больной, какъ Плюшкинъ, разорилъ, довелъ до нищеты цѣлую деревню. Ужасно такое безправіе, при которомъ даже жалкій слабоумный можетъ безвозвратно причинять зло очень многимъ, причемъ никто не могъ защитить жертвы выжившаго изъ ума старика.

Плюшкинъ высокохудожественное созданіе и потому вѣчное; Плюшкины теперь сохраняютъ вышедшія изъ употребленія бумажныя деньги, но отъ ихъ слабоумія страдаютъ только ихъ родственники. Не знаю, что будутъ накоплять будущіе Плюшкины, но вполнѣ увѣренъ, что и ихъ судьба будетъ печальна, и печальна будетъ судьба ихъ родственниковъ, пока у насъ мало будетъ свѣдущихъ психіатровъ, пока авторитетъ науки и ея представителей будетъ такъ же невеликъ, какъ теперь.

О значеніи психіатрическаго анализа образовъ, созданныхъ поэтами и живописцами, писали очень компетентные ученые, и потому нѣтъ надобности обсуждать еще разъ этотъ вопросъ. Особенно цѣнны работы школы Шарко и выдающагося германскаго психіатра Мебиуса. Въ этихъ работахъ я искалъ себѣ указаній и думаю, что такой анализъ, конечно, если онъ вѣренъ, все же полезенъ, какъ полезно всякое научное объясненіе явленій жизни. Психіатрической анализъ образовъ, созданный второстепенными художниками—трудъ почти напрасный, потому что эти образы лишь отчасти воспроизводятъ дѣйствительность; поэтому я ограничился уясненіемъ съ психіатрической точки зрѣнія нѣкоторыхъ образовъ, созданныхъ великими мастерами: Достоевскимъ, Тургеневымъ и Гоголемъ.

Едва ли былъ великій художникъ, такъ неправильно судившій о своемъ творчествѣ и произведеніяхъ, какъ это дѣлалъ Гоголь; онъ брался за всѣ темы, писалъ обо всемъ: и о Божественной Литургіи, и мысли о географіи (для дѣтскаго возраста), и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно не понималъ великаго значенія, громадной цѣнности «Ревизора». Мы знаемъ, какъ Гоголь толковалъ «Ревизора», и потому несомнѣнно, что онъ совсѣмъ не такъ, какъ мы, и понималъ, и цѣнилъ это единственное, въ своемъ родѣ, произведеніе. Гоголь при его наблюдательности, хотя и ослабѣвавшей послѣ 1835 г., долженъ былъ бы понять, что Сквозникъ-Дмухановскій, Хлестаковъ, Добчинскій—безсмертные, общечеловѣческіе типы, долженъ былъ бы увидѣть, что и во Франціи и въ Италіи они, по существу, тѣ же, что и въ нашемъ захолустьѣ. Конечно, французскій Дмухановскій, какъ въ то время, такъ и теперь не беретъ и на Онуфрия, и на Антона, но зато беретъ и какъ редакторъ газеты, и какъ вліятельный депутатъ. Все это могъ видѣть Гоголь, и все же онъ написалъ развязку Ревизора. Вообще, Гоголь никогда не могъ понять великой цѣнности своихъ художественныхъ произведеній, не могъ понять, что ничего достойнаго своего имени, онъ не можетъ написать ни по исторіи, ни по географіи, ни по сельскому хозяйству. Всякій нормальный человѣкъ восхищается художественными произведеніями Гоголя, всякій образованный человѣкъ понимаетъ ихъ значеніе; только вслѣдствіе болѣзни Гоголь не понималъ и не цѣнилъ своихъ собственныхъ произведеній, никогда не могъ понять границы ему доступнаго и потому постоянно тратилъ свои драгоценныя и слабыя силы на работы, къ которымъ былъ и неспособенъ, и неподготовленъ. Вслѣдствіе болѣзни геній Гоголя не только рано ослабѣлъ и рано потухъ, но даже и силы Гоголя тратились очень часто понапрасну, великая художественная работа прерывалась писаніемъ статей, возбуждающихъ сожалѣніе о напрасно потраченномъ трудѣ и времени великаго поэта.

Едва ли былъ другой геніальный поэтъ, такъ мало цѣнившій и такъ мало понимавшій свои художественныя произведенія, какъ Гоголь. Мы не имѣемъ основанія сомнѣваться въ его искренности, когда онъ писалъ, что «Выбранныя мѣста»—«это первая моя дѣльная книга». Также мы можемъ только удивляться тому, насколько Гоголь не понималъ великаго гуманизирующаго

и морализующаго значенія своихъ произведеній, несмотря на то, что Бѣлинскій вполне объяснилъ смыслъ этихъ произведеній. Изученіе біографіи Гоголя крайне поучительно и для психолога и для психіатра, такъ какъ уясняетъ намъ, насколько геніальность можетъ быть не слита со всей личностью автора; геніальность можетъ быть чѣмъ-то чуждымъ, постороннимъ всей натурѣ, всей духовной организаціи автора.

Гоголь началъ писать для того, чтобы заработать деньги, всю свою жизнь не оцѣнилъ прелести «Вечеровъ», считалъ ихъ слабымъ своимъ произведеніемъ; на темы, данныя Пушкинымъ, написалъ «Ревизора» и «Мертвыя Души», мало интересовался «Ревизоромъ», толковалъ его по своему, и наконецъ считалъ первую часть «Мертвыхъ Душъ» только наскоро построеннымъ крыльцомъ къ великолѣпному дворцу. Очевидно, что созданное геніемъ Гоголя было совершенно чуждо и даже непонятно Гоголю — больному человѣку. Всякій нормальный, посредственно одаренный и даже мало развитой человѣкъ восторгается произведеніями Гоголя, хотя не ясно и не вполне понимаетъ ихъ значеніе. Чѣмъ можно объяснить такое странное отношеніе Гоголя къ своимъ художественнымъ произведеніямъ? Конечно, прежде всего приходитъ въ голову слѣдующее объясненіе: Гоголь, какъ великій художникъ, лучше своихъ критиковъ понималъ незамѣтныя для другихъ несовершенства своихъ произведеній, чувствовалъ несоотвѣтствіе между замысломъ и исполненіемъ; его тонко развитой художественный вкусъ не удовлетворяли произведенія, прекрасныя для насъ, не одаренныхъ геніемъ.

Такое объясненіе несостоятельно уже потому, что всѣ великіе художники чувствуютъ лучше насъ несовершенство своихъ произведеній, несоотвѣтствіе между замысломъ и исполненіемъ, что не мѣшаетъ имъ любить свои созданія, гордиться ими, а вмѣстѣ съ тѣмъ стремиться создавать еще болѣе совершенное. Въ самомъ дѣлѣ, почему же Гоголь относился не такъ къ своимъ произведеніямъ, какъ всѣ великіе художники, почему онъ составляетъ, въ этомъ отношеніи, исключеніе. Наконецъ, Гоголь, такъ мало цѣнившій свои геніальныя созданія, былъ хорошаго мнѣнія именно о тѣхъ своихъ произведеніяхъ, въ созданіи которыхъ почти не проявилась его геніальность. Даже при свиданіи съ И. С. Тургеневымъ Гоголь читалъ ему нѣкоторыя мѣста одной изъ тѣхъ «дѣтски напыщенныхъ и утомительно пустыхъ статей,

которыми наполненъ этотъ сборникъ» (Арабески). Такимъ образомъ даже въ теченіе почти двадцати лѣтъ Гоголь не понималъ цѣнности этого сборника. Рядомъ съ такимъ снисходительнымъ отношеніемъ къ своимъ «дѣтски напыщеннымъ и утомительно пустымъ статьямъ», еще болѣе страннымъ несправедливо строгій взглядъ на дѣйствительно великія свои произведенія. Очевидно, что геніальность и ею созданное всегда оставались чуждыми, посторонними всей остальной личности Гоголя. Геніальность была какъ бы отдѣленной, не слитой со всей духовной организаціей, и потому мы должны всегда отдѣлять геніальность и ея созданія отъ всей остальной духовной жизни больного поэта.

Художественное творчество было настолько чуждо, посторонне всей остальной духовной жизни великаго поэта, что Гоголь, какъ человѣкъ, совершенно не симпатизировалъ тѣмъ великимъ идеямъ, которыя выражены въ его художественныхъ произведеніяхъ. Онъ никогда не понималъ, что всѣ великія произведенія ведутъ человѣчество впередъ; какъ геніальный художникъ, онъ съ изумительной прозорливостью постигъ главныя отрицательныя явленія своей эпохи и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно не понималъ необходимости улучшеній; какъ человѣкъ, онъ не возмущался ни крѣпостнымъ правомъ, ни дореформеннымъ судомъ, ни чуть не сожалѣлъ объ ужасномъ положеніи народа.

Только тѣмъ, что художественная геніальность была чуждой, посторонней всей духовной личности великаго сатирика, мы можемъ объяснить его отрицательное отношеніе къ своимъ художественнымъ произведеніямъ, удивительное противорѣчіе между основными идеями художественныхъ и теоретическихъ произведеній, и, наконецъ, еще большее несоотвѣтствіе въ смыслѣ цѣнности первыхъ и вторыхъ.

Гоголь не цѣнилъ, не любилъ и не понималъ своихъ великихъ произведеній, потому что не любилъ и не цѣнилъ великихъ идей, выраженныхъ въ этихъ чудныхъ созданіяхъ его генія. Вслѣдствіе патологической организаціи нервной системы, онъ ни въ школѣ, ни въ жизни не любилъ учиться и потому никогда не былъ истинно образованнымъ человѣкомъ; ему не было доступно изумленіе передъ истиной, негодованіе передъ несправедливостью. По той же причинѣ онъ не могъ любить

1) Op. cit., стр. 64.

людей, не могъ любить оскорбленныхъ и униженныхъ, хотя, какъ геніальный художникъ, сумѣлъ возбудить въ насъ любовь къ Акакіямъ Акакіевичамъ и къ Поприщинымъ. Эта чисто патологическая неспособность любить кого-либо кромѣ самого себя, чего, конечно, не слѣдуетъ смѣшивать съ эгоизмомъ, лишила больного поэта возможности сочувствовать страданіямъ миллионнѣ крѣпостныхъ, сочувствовать тѣмъ, которыхъ сѣкутъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могъ больной поэтъ, которому ничто не доставляло радости, ничто не причиняло пріятныхъ ощущеній, любить что-либо. Уже однѣ почти непрекращающіяся нервныя страданія настолько отравляли жизнь, настолько сосредоточивали все вниманіе на самомъ себѣ, на собственномъ спасеніи, что ему ни до кого и ни до чего, кромѣ себя, не было дѣла. Гоголь, какъ человѣкъ, нисколько не возмущался крѣпостнымъ правомъ, нисколько не возмущался клерикальнымъ деспотизмомъ папскаго управленія Римомъ. Стоны крѣпостныхъ въ Россіи, такъ же какъ и вопли жертвъ папскаго деспотизма не существовали для измученнаго своими страданіями поэта; онъ всецѣло былъ поглощенъ желаніемъ избавиться отъ собственныхъ мученій и ничуть не интересовался стремленіями и нашихъ лучшихъ умовъ, и всѣхъ благоразумныхъ римлянъ улучшить общественный строй.

Меня въ началѣ моей психіатрической дѣятельности очень удивляло, что душевно-больные совершенно безучастны къ страданіямъ своихъ сосѣдей. Въ клиникахъ и больницахъ я часто видѣлъ, что даже тяжко-больные, напр., чахоткой или ракомъ, съ участіемъ относились къ страданіямъ своихъ сосѣдей, по мѣрѣ силъ имъ помогали; смерть одного изъ больныхъ дѣйствовала угнетающе на все отдѣленіе: у однихъ вызвала сожалѣніе, другихъ устрашала. Совсѣмъ не то наблюдается въ заведеніяхъ для душевно-больныхъ; маньяки танцуютъ и поютъ около умирающаго, меланхолики такъ поглощены своею скорбью, что не замѣчаютъ страданій сосѣда, параноики даже не удостоиваютъ своимъ вниманіемъ страданій своихъ сотоварищей по несчастію. Смерть больного рѣшительно никого не интересуетъ. Конечно, нѣкоторые выздоравливающіе душевно-больные относятся съ сочувствіемъ къ страдающимъ больнымъ. Прежде я удивлялся, съ какимъ безсердечіемъ неврастеники мучаютъ окружающихъ, какъ они не обращаютъ вниманія на интересы своихъ близкихъ, какъ всѣмъ они жертвуютъ для поправленія сво-

его здоровья. Впрочемъ, объ этомъ я уже писалъ въ моей работѣ «Нравственность душевно-больныхъ».

Нѣтъ ничего удивительнаго, что больного Гоголя ничуть не интересовало положеніе крѣпостныхъ въ Россіи, и онъ училъ помѣщика ругать ихъ «неумытыми рылами». Ни въ его письмахъ, ни въ воспоминаніяхъ друзей Гоголя нѣтъ указаній, чтобы его интересовали жертвы деспотизма Григорія XVI въ Римѣ и Фердинанда II въ Неаполѣ, хотя подвиги короля бомбы и его любимца Делькаретти возмущали весь міръ ¹⁾. Только здоровые могутъ любить свободу, истину, человѣчество, возмущаться произволомъ, стремиться къ свѣту, облегчать страданія оскорбленныхъ и униженныхъ.

Про Гоголя слѣдуетъ сказать то же, что Фульье ²⁾ говоритъ про Данте: *Гоголь великій творецъ, потому что онъ былъ великій наблюдатель*; какъ великій наблюдатель—онъ не могъ не замѣтить всѣхъ ужасовъ окружающей его дѣйствительности, конечно, въ томъ періодѣ жизни, когда геній его сіялъ полнымъ свѣтомъ, т.-е. до 1836 г. Какъ геніальный художникъ, онъ наблюдалъ отрицательныя стороны нашей жизни; когда геній его уже ослабѣвалъ, онъ уже не могъ наблюдать отрицательныхъ явленій римской жизни, какъ то свидѣлствуетъ его отрывокъ «Римъ». Какъ больной человѣкъ, онъ ни умомъ, ни сердцемъ не понималъ и не сочувствовалъ тому, что такъ дорого всѣмъ намъ и въ «Ревизорѣ», и въ «Мертвыхъ Душахъ».

Тѣ освободительныя стремленія, которыя вытекали изъ поразительно глубокихъ сатиръ Гоголя, были совершенно непонятны Гоголю; если бы онъ не былъ боленъ, онъ бы хотя отчасти понималъ работы Бѣлинскаго, но онъ всю жизнь «не любилъ учиться»; сердцемъ онъ также вслѣдствіе болѣзни не могъ сочувствовать тѣмъ свѣтлымъ стремленіямъ, которыя такъ непосредственно и ясно вытекаютъ изъ его художественныхъ произведеній. Бѣлинскій, страдавшій чахоткой, горячо всѣмъ сердцемъ любилъ созданія Гоголя, душевно-больной Гоголь не могъ любить своихъ художественныхъ произведеній, потому что его

¹⁾ Зимой въ 1850 г., т.-е. почти въ одно время съ Гоголемъ, жилъ въ Неаполѣ Гладстонъ, возмущившійся жестокостью короля-бомбы. Гладстонъ не могъ безучастно относиться къ жертвамъ деспотизма и постарался имъ помочь.

²⁾ Dante est grand créateur parce qu'il est grand observateur. (Esquisse psychologique des peuples européens. p. 73).

ничуть не интересовали тѣ великія начала, которыя возбуждали любовь Бѣлинскаго.

Я не берусь рѣшать, почему Гоголь считалъ для себя оскорбительнымъ самое названіе «либераль», почему онъ предпочиталъ казенную благонамѣренность. Я не думаю, что только потому, что «гимнъ властямъ придерживающимъ хорошо устраиваетъ земное положеніе набожнаго автора». Можетъ быть казенная благонамѣренность Гоголя объясняется тѣмъ, что вообще душевно-больные всегда съ особымъ увлеченіемъ придерживаются модныхъ, господствующихъ идей. Въ этомъ я постоянно убѣждался во время моей дѣятельности въ Петербургѣ и въ Юрьевѣ; больные въ Петербургѣ, почти всѣ, придерживались господствующихъ въ то время взглядовъ; здѣсь въ Юрьевѣ опять-таки больные исповѣдуютъ взгляды мѣстнаго большинства; какъ тамъ, такъ и здѣсь взгляды больныхъ крайне шаблонны, прямолинейны, а въѣдъ Гоголя Бѣлинскій сравнивалъ съ Бурачкомъ. (Чья же голова могла переваривать мысль о тождественности Гоголя съ Бурачкомъ). Наконецъ, весьма важно для уразумѣнія взглядовъ Гоголя, что онъ не любилъ учиться, хотя при такомъ толкованіи остается неяснымъ, почему у Гоголя сложились такіе благонамѣренные взгляды; немало людей, мало учившихся, исповѣдуютъ радикальныя и даже анархическія идеи.

Само собою разумѣется, что тѣ или другіе взгляды еще не указываютъ на душевную болѣзнь; модные въ данное время взгляды исповѣдуются большинствомъ здоровыхъ и почти всѣми душевно-больными. Для психіатра имѣетъ значеніе, что взгляды Гоголя совершенно не соотвѣтствовали тому, что выражено въ его художественныхъ произведеніяхъ; что такого раздвоенія личности не бываетъ у здоровыхъ художниковъ, почему здоровые художники любятъ свои созданія, горячо отстаиваютъ свои идеалы, въ своихъ теоретическихъ произведеніяхъ исповѣдуютъ тѣ же начала, что и въ художественныхъ.

Также для психіатра имѣетъ значеніе, что теоретическія работы Гоголя по своему достоинству стоятъ неизмѣримо ниже его художественныхъ произведеній. Конечно, мышленіе образами и мышленіе идеями—дѣятельности столь различныя, что не мало художниковъ было очень слабыми мыслителями. Здоровому, даровитому человѣку свойственно понимать, что ему доступно и что выше его силъ, и потому даже художники слова не

тратятъ своихъ силъ на научныя и вообще теоретическія работы. Тѣ поэты, которые надѣлены были большимъ теоретическимъ умомъ и въ своихъ теоретическихъ работахъ проявляли свою даровитость; Шиллеръ, Викторъ Гюго, Пушкинъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ обнаруживали и свою талантливость, и свои благородныя стремленія. Нѣтъ ничего удивительнаго, что ихъ теоретическія работы ниже ихъ художественныхъ произведеній, но и первыя имѣютъ или, по крайней мѣрѣ, имѣли для своего времени большое значеніе. Сравнивая художественныя произведенія и теоретическія работы Гоголя, можно лишь удивляться, что такой великій художникъ писалъ «дѣтски напыщенные и утомительно-пустыя» статьи, и при томъ по самымъ различнымъ вопросамъ—начиная съ преподаванія географіи и кончая объясненіемъ Божественной Литургіи. Тутъ еще разъ мы видимъ, что гениальность художника была совершенно чуждой, посторонней всей личности, всей духовной дѣятельности писателя; внѣ сферы художественнаго творчества нѣтъ не только гениальности, но даже талантливости, тонкости сужденія, большихъ свѣдѣній.

Гениальность художественныхъ произведеній Гоголя мѣшаетъ нѣкоторымъ критикамъ Гоголя съ должной трезвостью отнестись къ его теоретическимъ работамъ; не говорю уже о политическихъ симпатіяхъ, вслѣдствіе которыхъ восхваляются даже «Выбранныя» мѣста. Я не знаю авторитетнаго мнѣнія въ защиту теоретическихъ работъ Гоголя и вполне раздѣляю по этому вопросу мнѣніе И. С. Тургенева. Ужъ не знаю чѣмъ объяснить восторженный отзывъ о «Выбранныхъ мѣстахъ» г. Волинскаго ¹⁾; этотъ критикъ въ «Выбранныхъ мѣстахъ» нашелъ, что Гоголь «раскрылъ свою могучую вдохновенную любовь къ родинѣ, то въ безсмертныхъ выраженіяхъ откровенной исповѣди, въ безутѣшномъ рыданіи, въ мучительныхъ крикахъ отчаянія, то въ немногихъ простыхъ и скромныхъ словахъ—въ тихомъ шопотѣ молитвы на колѣняхъ передъ зажженною въ углу лампадою»; онъ даже нашелъ въ этой книгѣ языкъ «пророческаго вдохновенія и поэтическаго энтузіазма». Не претендуя на авторитетность критика, я могу сказать, что такіе отзывы могутъ лишь вызывать удивленіе и образованнаго человѣка, и специалиста ученаго.

¹⁾ «Сѣверный Вѣстникъ» 1893; 1.

Впрочемъ, судить о теоретическихъ работахъ ученыхъ можетъ съ меньшей компетентностью, чѣмъ литературные критики, и не думаю, чтобы ученый могъ не согласиться съ И. С. Тургеневымъ, художникомъ, вполне понимавшимъ духъ научнаго изслѣдованія. Поэтому для меня несомнѣнно, что и Арабески, «сборникъ дѣтски напыщенныхъ и утомительно-пустыхъ статей», и «Выбранныя мѣста» — произведенія душевно-больного. Только патологическою организаціей нервной системы Гоголя можно объяснить, что все имъ написанное, кромѣ его художественныхъ произведеній, недостойно его гения. Слѣдуетъ вполне согласиться съ Ломброзо ¹⁾, считающимъ, что Гоголь проявилъ свою патологическую организацію именно тѣмъ, что онъ писалъ объ очень различныхъ вопросахъ и крайне поверхностно.

У насъ, и въ виду цензуры, и вслѣдствіе крайней ничтожности книжной торговли, еще нѣтъ психопатической литературы, но за границей немало книгъ, а еще больше брошюръ написанныхъ психопатами-графоманами. Одинъ германскій ученый показывалъ мнѣ цѣлую бібліотеку такихъ сочиненій, имъ собранную. Почти всѣ такія произведенія отличаются своею краткостью, представляютъ собою неоконченныя, краткія разсужденія о весьма сложныхъ вопросахъ. Графоманъ пишетъ о самыхъ разнообразныхъ вопросахъ, не останавливаясь долго на одномъ, и о всемъ пишетъ крайне самоувѣренно. Всѣ эти произведенія дѣтски напыщенны и утомительно-пусты. Особенно охотно графоманы пишутъ о политикѣ и морали, любятъ поучать и давать совѣты. Писанія этихъ несчастныхъ не обращаютъ на себя вниманія, потому что ихъ произведенія наполнены модными общими мѣстами, а таланты между психопатами крайне, крайне рѣдки.

Даже, если согласиться съ тѣми, которые и въ «Выбранныхъ мѣстахъ» находятъ много великихъ мыслей, все же нельзя отрицать, что въ этой очень небольшой, по размѣрамъ, книгѣ трактуется объ очень многихъ и крайне разнообразныхъ вопросахъ. Здѣсь, на четырнадцати печатныхъ листахъ авторъ затрогиваетъ слѣдующія темы: религію, духовенство, высшее управленіе, просвѣщеніе, филантропію, театръ, современное состояніе Россіи, что такое губернаторша, женщина въ свѣтѣ, любовь къ

¹⁾ Op. cit.

отечеству, домашнее хозяйство, сельское хозяйство, сельскій судъ и расправа, живопись, Карамзинъ, Одиссея, «Мертвыя Души», предметы для лирическаго поэта, значеніе болѣзней. Искусству (письма VII, X, XV, XVIII, XXIII, XXXI) посвящено нѣсколько болѣе трети всей книги; несомнѣнно эти письма составляютъ лучшую часть книги; всѣ остальные вопросы разработаны весьма кратко. О просвѣщеніи говорится всего на *трехъ* страницахъ; я не встрѣчалъ еще ни у одного здороваго автора столь поверхностнаго отношенія къ столь важному вопросу и мнѣ даже не вѣрится, чтобы здоровый умудрился изложить свой взглядъ на просвѣщеніе на *трехъ* страницахъ и рѣшился напечатать такую коротенькую статейку о дѣлѣ такого громаднаго значенія. Еще болѣе поразительна и характерна краткость III письма: О значеніи болѣзней; все письмо занимаетъ меньше страницы. Кто же не знаетъ о значеніи болѣзней больше одной печатной страницы, и я не помню ни одной отдѣльной статьи о столь сложномъ вопросѣ, занимающей одну страницу. Также поверхностно относится авторъ Выбранныхъ мѣстъ и къ чисто этической темѣ «О помощи бѣднымъ» (письмо VI); все письмо занимаетъ двѣ страницы; казалось бы, что писатель, пожелавшій поучать добру, долженъ бы болѣе обстоятельно отнестись къ этой важной темѣ. Если ему этотъ вопросъ представляется столь простымъ, что всѣ свои мысли о немъ онъ можетъ изложить на двухъ страницахъ, то онъ долженъ бы понять, что насъ, простыхъ смертныхъ, чтеніе двухъ страницъ просвѣтитъ очень мало. Особенно характерно для этой удивительной книги, что даже о томъ, что хорошо было извѣстно Гоголю, и о чемъ онъ могъ бы дать намъ цѣнныя, ясныя указанія, онъ говоритъ поразительно мало; даже о чтеніи русскихъ поэтовъ передъ публикою Гоголь пишетъ всего двѣ страницы. Неужели Гоголь не могъ даже эту тему разработать обстоятельно, не могъ насъ научить, что выбирать для чтенія, какъ читать. Самые сложные вопросы морали и жизни, о которыхъ сказано такъ много лучшими умами, разсматриваются съ изумительной краткостью; письмо XXIX (Чей удѣлъ на землѣ выше) занимаетъ меньше страницы; неужели здоровый человѣкъ такъ можетъ обсуждать этотъ вопросъ; неужели хотя сколько-нибудь мыслящій человѣкъ не думалъ о томъ, чей удѣлъ выше, не думалъ много и мучительно.

Повидимому болѣе подробно XXVIII письмо (Занимающему

важное мѣсто), а именно, оно составляет 18 страницъ; но вѣдь въ этомъ письмѣ затронута такая масса вопросовъ, что ни одинъ изъ нихъ не разработанъ съ достаточной обстоятельностью; въ этомъ письмѣ излагаются не только нравственные наставленія высшимъ представителямъ власти, но и разбирается механизмъ управленія, значеніе государственныхъ должностей, указываются главные задачи для дѣятельности представителей власти. Едва ли кто-нибудь, когда либо такъ кратко разсмотрѣлъ всѣ эти мудреные вопросы, какъ это сдѣлалъ Гоголь въ письмѣ къ занимающему важное мѣсто. Увы, мы знаемъ, что весьма обстоятельные трактаты самыхъ компетентныхъ авторовъ еще не выяснили вопросовъ, такъ кратко разобранныхъ Гоголемъ.

Наконецъ, «Выбранныя мѣста», также какъ и другія теоретическія работы Гоголя, отличаются тѣмъ, что всѣ, и даже самые сложные вопросы разрѣшаются крайне просто, и при томъ въ самой категорической, не допускающей возраженія формѣ; нѣтъ никакихъ сомнѣній, недоразумѣній; все авторомъ разъясняется на нѣсколькихъ страницахъ, или даже на нѣсколькихъ строкахъ. Ницше говоритъ вполне вѣрно: «возраженіе, осторожность, сомнѣніе, иронія—суть признаки здоровья; все, что абсолютно, находится въ области патологическаго». На основаніи своего свыше двенадцатипятилѣтняго изученія душевно-больныхъ, я могу лишь подтвердить, что этотъ больной философъ вполне правъ. Едва ли есть книга, въ которой такъ просто и такъ абсолютно рѣшено было такъ много вопросовъ, какъ въ «Выбранныхъ мѣстахъ». Если изъ этой книги исключить, что авторъ говоритъ о себѣ, о своихъ болѣзняхъ, о своемъ спасеніи, бранить своего врага (онъ бранитъ Погодина три раза) и хвалить своихъ друзей, то есть опять-таки говорить о своихъ отношеніяхъ, или по поводу ихъ, то въ книгѣ останется мало новыхъ мыслей. Почти все сказанное въ ней было уже извѣстно, но авторъ уже извѣстныя мнѣнія излагаетъ въ крайне упрощенномъ видѣ и утрируетъ ихъ до крайности. Кто же не знаетъ пользы расчетливости, но Гоголь и совѣтъ расчетливо вести хозяйство излагаетъ въ неслыханно категорической формѣ; едва ли и Коробочка могла бы послѣдовать этому совѣту. Конечно, Одиссея произведеніе замѣчательное, но такого значенія, какое придаетъ этой поэмѣ Гоголь, еще никто ей не давалъ; уже не говорю о томъ, что Гоголь ошибался о состояніи современнаго ему общества. Что свя-

щенникъ можетъ вліять на нравственность, это всѣ знаютъ, но болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы «пьяницы и мошенники первѣйшаго разбора» послѣ исповѣди («по 4 и по 5 человѣкъ исповѣдовалъ вдругъ») выходили изъ церкви «красные какъ раки», да едва ли и желательна такая исповѣдь. Едва ли здоровый человѣкъ можетъ думать, что «всѣ наши должности въ ихъ первообразѣ прекрасны и прямо созданы для земли нашей». Кто же не знаетъ, что совершеннаго нѣтъ, да и не можетъ быть на землѣ, и, конечно, самые ярые реакціонеры въ душѣ не согласились съ Гоголемъ, имѣвшимъ самыя смутныя представленія о предметѣ, о которомъ онъ говорилъ.

Даже о предметахъ, требующихъ продолжительнаго изученія, говорится крайне «абсолютно»; напр., самые способные и даровитые изъ людей, перевалиясь за сорокалѣтній возрастъ, тупѣютъ, устаютъ и слабѣютъ». Кажется о такомъ чисто научномъ вопросѣ слѣдуетъ говорить съ большою осторожностью; и теперь мы еще не знаемъ хорошенько, какой возрастъ самый продуктивный, а Гоголь разрѣшаетъ всѣ сомнѣнія въ двухъ строкахъ, понятно, безъ всякихъ доказательствъ.

Такихъ примѣровъ можно привести очень много, потому что, въ сущности, вся книга состоитъ изъ такихъ категорическихъ, и при томъ крайнихъ, сужденій. Однимъ словомъ, кто согласенъ съ вышеприведеннымъ мнѣніемъ Ницше, для того несомнѣнно, что «Выбранныя мѣста» содержатъ много патологическаго.

Такая рѣзкость, крайность сужденій можетъ импонировать и нравиться, правда очень немногимъ. Патологическое въ этой книгѣ, думаю я, нѣкоторыхъ лишило возможности правильно отнестись къ ней; книга многимъ просто непонятна; въ самомъ дѣлѣ лица, незнакомыя съ психіатріей, не могутъ правильно оцѣнить эту удивительную книгу; такъ она непохожа на книги, написанныя здоровыми авторами. С. Т. Аксаковъ, не зная психіатріи, даже преувеличилъ патологическое въ этой книгѣ: «нѣтъ ни одного здороваго слова, вездѣ болѣзнь или въ развитіи или въ зернѣ»¹⁾. Менѣе прозорливые, чѣмъ почтенный славянофилъ, читатели могли объяснить эту странную книгу только тѣмъ, что Гоголь «прикинулся проповѣдникомъ христіанства». Умный Д. Н.

¹⁾ Op. cit., стр. 166.

Свербеевъ нашелъ въ этой книгѣ «надувательство» (Шенрокъ W. 522); Свербеевъ уважалъ и любилъ Гоголя, и потому ему было весьма трудно остановиться на этомъ мнѣніи; Свербеевъ не могъ рѣшить «надувается ли онъ (отъ чего Боже сохрани), прежде чѣмъ самъ надувается, или же надувается прежде самъ, а потомъ уже надуваетъ своихъ читателей».

Относительно второй части «Мертвыхъ Душъ» психіатръ можетъ сказать весьма немного; ослабленіе творчества въ этомъ произведеніи такъ ясно, что не возбуждаетъ сомнѣній, и только болѣзнь можно объяснить это печальное явленіе. Гоголь писалъ это незаконченное произведеніе въ томъ возрастѣ, когда у здоровыхъ людей духовныя силы достигаютъ наивысшаго развитія, и потому только болѣзнь могла такъ неблагоприятно повліять на художественную дѣятельность великаго сатирика.

Необходимо отмѣтить, что уже въ этомъ произведеніи сказалась преждевременно вслѣдствіе болѣзни и наступившая старость великаго поэта. Гоголь настойчиво проповѣдуетъ скопидомство, возводитъ его на степень первой, главнѣйшей добродѣтели. Какъ извѣстно, такую же мораль онъ проповѣдовалъ въ своихъ письмахъ къ матери и сестрамъ. Гоголь, какъ гениальный поэтъ, ясно сознавалъ, что скопидомство свойственно старости, какъ нормальной, такъ и патологической; скопидомство Коробочки по менѣйшей мѣрѣ несимпатично, Плюшкина прямо ужасно. Какъ великій художникъ онъ ясно обрисовалъ все ничтожество Коробочки, старческое слабоуміе Плюшкина. Еще менѣе симпатиченъ кулакъ—Собакевичъ, хотя онъ и хорошій хозяинъ. Когда Гоголь писалъ первую часть «Мертвыхъ Душъ», онъ правильно оцѣнилъ, что только Коробочка можетъ наполнить всю свою жизнь накопленіемъ богатства, что Собакевичъ прямо вредный человѣкъ, что только выжившій изъ ума старикъ можетъ больше всего на свѣтѣ любить богатство. Когда Гоголь писалъ вторую часть «Мертвыхъ Душъ», онъ началъ, вслѣдствіе болѣзни, старѣть и потому уже иначе отнесся къ скопидомству; онъ возводитъ его въ добродѣтель, и какъ многіе старики считалъ скопидомство величайшею мудростью и добродѣтью. Какъ то дѣлаютъ многіе старики, Гоголь сталъ поучать, что нужно коптить, жить бережливо, что расточительность величайшій порокъ, что всѣ наши бѣды происходятъ отъ того, что мы не умѣемъ жить по средствамъ. Если мораль второй части «Мертвыхъ душъ»

проповѣдуетъ старикъ—это вполне естественно, хотя, конечно не мало стариковъ, до смерти сохраняющихъ любовь ко всему прекрасному. Но такая проповѣдь въ устахъ Гоголя, еще такъ недавно трезво смотрѣвшаго на Собакевича и Коробочекъ, свидѣтельствуешь о большой перемѣнѣ, о рано наступившей старости. Иначе нельзя объяснить столь быстрого измѣненія во взглядахъ нашего великаго поэта; болѣзнь его рано закончилась преждевременною старостью и потому онъ сталъ проповѣдовать старческое благоразуміе, мораль Коробочки. Ранняя старость нашего великаго поэта прежде всего проявилась въ той морали, которой проникнута вторая часть «Мертвыхъ Душъ», затѣмъ эта патологическая старость обнаруживалась во всемъ поведеніи больного.

Я нашелъ необходимымъ остановиться на этой особенноти второй части «Мертвыхъ душъ» именно для того, чтобы еще разъ установить, что не «развитіе», а чисто органическія причины обусловливали измѣненія въ дѣятельности или направленіи нашего великаго сатирика. Гоголь сталъ проповѣдовать стариковскую мораль не вслѣдствіе хода своего «развитія», а вслѣдствіе рано наступившей патологической старости. Въ самомъ дѣлѣ ни въ той духовной атмосферѣ, въ которой онъ жилъ въ сороковыхъ годахъ, ни въ его собственной жизни, наконецъ ни въ общественной жизни не было ничего, что могло бы выяснять ему прелести бережливости и скопидомства. Смирнова, Вельггорскіе, Толстые сами не хозяйничали, жили на присылаемые изъ ихъ имѣній деньги, самъ Гоголь жилъ также на всемъ готовомъ, вообще *хозяйничаніе* не играло никакой роли въ жизни Гоголя и его друзей, повидимому, меньше всего заботившихся о житейскихъ дразгахъ, всецѣло поглощенныхъ высшими интересами. Казалось бы, что при такомъ складѣ жизни, меньше всего слѣдовало ожидать интереса къ тому, что наполняло жизнь Коробочки, и даже странно, что одновременно нашъ поэтъ проповѣдовалъ и скопидомство, и нравственное возрожденіе. Великій поэтъ даже не имѣлъ возможности обратить вниманіе на прелести скопидомства, потому что именно въ эту пору его жизни деньги онъ имѣлъ безъ особыхъ хлопотъ, всѣ свои потребности могъ удовлетворить безъ особыхъ затрудненій, и о его дѣлахъ заботились друзья и поклонники. Какъ то можно судить по сохранившейся перепискѣ, никто изъ друзей Гоголя этого періода его жизни хо-

зайствомъ, дѣлами, богатствомъ не интересовался и потому «развитіемъ» нельзя объяснить, безъ всякаго психологическаго основанія, возникшаго у Гоголя горячаго интереса къ бережливости и хозяйству. Проповѣдь скопидомства во второй части «Мертвыхъ Душъ» вполне объясняется чисто органической причиной — рано наступившей старостью. Кто же не зналъ лицъ, всю жизнь и не думавшихъ о бережливости и даже отличавшихся расточительностью, съ наступленіемъ старости вполне измѣнившихся въ этомъ отношеніи: появлялась бережливость, появлялось почтеніе къ этой добродѣтели.

Такимъ образомъ, мы еще разъ видимъ громадное вліяніе органическаго процесса на чисто духовную жизнь у нашего великаго сатирика. Онъ многократно писалъ матери и сестрамъ о пользѣ бережливости, о вредѣ не только роскоши, но даже закупокъ въ городѣ провизіи, о необходимости довольствоваться деревенскими припасами, и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ мать почаще и побольше молиться за него, заказать молебны о его выздоровленіи. И совѣты, и просьбы всецѣло объясняются состояніемъ здоровья Гоголя, такъ же какъ и проповѣдь скопидомства во второй части «Мертвыхъ Душъ».

О сожженной рукописи второй части «Мертвыхъ Душъ» намъ извѣстно мнѣніе талантливаго Ю. Самарина ¹⁾... «Что за странное, загадочное явленіе этотъ Ивановъ, какъ будто другая половина Гоголя. Обоихъ подняла необыкновенная сила и глубина духовныхъ требованій, требованій неосуществимыхъ при современномъ строѣ общественной жизни, и оба оборвались на той минутѣ, когда утомленные исканіемъ, они захотѣли опередить время и взять въ руки идеалъ, котораго дѣйствительность не давала. Я глубоко убѣжденъ, что Гоголь умеръ оттого, что онъ сознавалъ про себя, насколько его второй томъ ниже перваго, сознавалъ и не хотѣлъ самому себѣ признаться, что онъ начиналъ поддурманивать дѣйствительность. Никогда не забуду я того глубокаго и тяжелаго впечатлѣнія, которое онъ произвелъ на Хомякова и меня разъ вечеромъ, когда онъ прочелъ намъ первыя двѣ главы второго тома. По прочтеніи онъ обратился къ

¹⁾ Благодаря любезному разрѣшенію Ф. Д. Самарина, привожу этотъ отрывокъ изъ неизданнаго письма Ю. Ф. Самарина къ А. О. Смирновой отъ 3 октября 1863 г. (изъ Самары).

намъ съ вопросомъ: «Скажите по совѣсти только одно—не хуже первой части?» Мы переглянулись, и ни у него, ни у меня не достало духу сказать ему, что мы оба думали и чувствовали».

VIII.

Хотя дѣленіе жизни, такъ же какъ и болѣзни, на отдѣльные періоды всегда не совсѣмъ точно, такъ какъ въ теченіи болѣзни нѣтъ опредѣленныхъ границъ, но для удобства приходится прибѣгать къ такому искусственному дѣленію. Періодъ жизни Гоголя съ 1842 по 1848 гг. мы можемъ характеризовать какъ послѣдній періодъ его писательской дѣятельности, періодъ, въ который онъ много писалъ писемъ.

Въ этомъ періодѣ жизни Гоголь трудился надъ вторымъ томомъ «Мертвыхъ Душъ», написалъ «Выбранныя мѣста», «Авторскую исповѣдь», «Размышленія о Божественной литургіи», «Развязку Ревизора» и нѣсколько мелкихъ статей («Учебная книга словесности», «О сословіяхъ въ государствѣ», «Замѣтки о сельскомъ хозяйствѣ» и т. д.).

Такимъ образомъ, въ количественномъ отношеніи, этотъ періодъ можетъ считаться относительно продуктивнымъ.

Особенно много въ этомъ періодѣ Гоголь писалъ писемъ; подсчитывая число страницъ писемъ Гоголя въ редакціи Шенрока, (С. Петербургъ, изданіе Маркса), мы находимъ, что всѣ письма, написанныя Гоголемъ, до 1842, занимаютъ всего 760 страницъ; письма, написанныя Гоголемъ съ 1842 по 1848 гг. занимаютъ 1105 страницъ; письма послѣдняго періода помѣщаются всего на 278 стр. Особенно много Гоголь писалъ въ 1847 г., а именно его письма за этотъ годъ занимаютъ 337 стр. Если можно допустить, что изъ писемъ, написанныхъ до 1842 г., относительно много утрачено, то этого нельзя допускать относительно писемъ, писанныхъ послѣ 1847 г.: тогда Гоголь пользовался наибольшою извѣстностью, и не только его письма, но даже ничтожныя записочки тщательно сохранялись.

Большая литературная производительность Гоголя за этотъ періодъ вполне объясняется измѣненіемъ характера его дѣятельности, подготовленнымъ уже въ предыдущемъ періодѣ. Геній Гоголя окончательно погасъ въ 1841 г.; художественное творчество стало невозможно, но патологическая его организація оста-

лась; на почвѣ этой организаціи, или вслѣдствіе этой организаціи развились болѣзненные явленія, объясняющія намъ дѣятельность Гоголя въ этомъ періодѣ. Патологическія проявленія организаціи Гоголя прежде заслонялись его геніальнымъ творчествомъ; зачатки болѣзни или сѣмена ея теперь вполне опредѣлились, и геніальный художникъ превратился въ моралиста, проповѣдника. Понятно, что его друзья и поклонники не могли понять причину такого страннаго превращенія, но оно было такъ странно, что здравый смыслъ могъ подыскать только одно объясненіе — несчастный поэтъ сошелъ съ ума. Бѣлинскій, чутьемъ совершенно правильно понявшій главный симптомъ болѣзни Гоголя («Мысль сдѣлаться какимъ-то абстрактнымъ совершенствомъ, стать выше всѣхъ смиреніемъ можетъ быть плодомъ или гордости, или слабоумія»), вслѣдствіе своего неправильнаго пониманія сущности душевныхъ болѣзней, сомнѣвался въ болѣзни Гоголя: «Нѣкоторые остановились было на мысли, что ваша книга есть плодъ умственнаго разстройства, близкаго къ положительному помѣшательству. Но они скоро отступились отъ такого заключенія: ясно, что книга писана не день, не недѣлю, не мѣсяць, а, можетъ быть, годъ, два или три; въ ней есть связь, сквозь небрежное изложеніе проглядываетъ обдуманность, а гимнъ властямъ придерживающимъ хорошо устраиваетъ земное положеніе набожнаго автора».

Бѣлинскій не зналъ, что душевныя болѣзни длятся годами, что душевно-больные умѣютъ писать связно и обдуманно, что они очень почтительны къ властямъ придерживающимъ.

Въ этомъ печальномъ періодѣ литературной дѣятельности Гоголя наиболѣе проявилась его патологическая организація, наиболѣе ясно обрисовалась вся его патологическая индивидуальность. Художественное творчество, такъ высоко вознесшее Гоголя въ глазахъ современниковъ, уже не заслоняло собою больного человѣка со всѣми несимпатичными чертами, свойственными больнымъ.

Намъ очень трудно слѣдить за развитіемъ болѣзни Гоголя, во-первыхъ, вслѣдствіе его скрытности, во-вторыхъ, вслѣдствіе того, что болѣзнь нашего великаго поэта нѣсколько своеобразна, въ-третьихъ, вслѣдствіе несовершенства психіатріи.

Гоголь скрывалъ и при томъ весьма искусно свою болѣзнь отъ самыхъ близкихъ своихъ друзей. «Эти болѣзненные страхи,

эти непонятныя безпокойства, эти безпрестанныя ожиданія чего-то страшнаго, долженствующаго сей же часъ разразиться, — все это уже у меня было, хотя я и скрывалъ это въ себѣ и не показывалъ наружно. Это было еще тогда, когда вы были въ Римѣ», пишетъ Гоголь Смирновой 4. VII. 1846. Слѣдовательно, Гоголь скрывалъ и сумѣлъ скрыть въ 1844 г. отъ Смирновой свою болѣзнь. Эта очень умная и искренно расположенная къ Гоголю дама не замѣчала тяжелой болѣзни своего друга; понятно, менѣе близкія къ Гоголю лица и менѣе Смирновой одаренныя могли давать только неправильныя, сбивающія насъ наблюденія.

Гоголь, конечно, былъ человѣкъ необыкновенный; я вполне согласенъ съ К. О. Россетъ, нашедшимъ сходство между Гоголемъ и Ж. Ж. Руссо. Арнольдъ рассказываетъ, что это сравненіе поразило своею вѣрностью какъ его, такъ и графа А. К. Толстого. Слѣдовательно, такіе необыкновенные люди такъ рѣдки, что на столѣтіе приходится лишь одна такая личность. Нельзя отрицать того, что Гоголь, какъ человѣкъ очень умный и проницательный, иначе относился къ своимъ болѣзненнымъ или бредовымъ идеямъ, чѣмъ обыкновенные люди, долго ихъ провѣрялъ, сомнѣвался въ разумности очень нелѣпыхъ идей. Поэтому весьма возможно, что идеи безусловно патологическаго характера у Гоголя не принимали того фантастическаго или чудовищнаго характера, какъ у многихъ больныхъ. Понятно, что самую нелѣпую больную идею человѣкъ очень умный, одаренный художественнымъ чутьемъ, сумѣетъ смягчить, облечь въ приличную форму. Однако, не слѣдуетъ забывать, что по отношенію къ очень умному человѣку мы должны быть гораздо строже, чѣмъ къ обыкновенному; пошлость и нелѣпость, высказанныя глупымъ человѣкомъ, ничуть не указываютъ на его психическое заболѣваніе; но если такія же пошлости начнетъ говорить человѣкъ даровитый, мы въ правѣ заподозрить въ немъ болѣзнь. Въ самомъ дѣлѣ, мало ли пошляковъ, которымъ ругать мужиковъ «неумытыми рылами» — дѣло привычное, но если совѣтъ такъ ругаться исходить отъ даровитаго писателя, мы вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ должны сказать: «Или вы больны, и вамъ надо спѣшить лечиться, или... не смѣю досказать свою мысль». Если человѣкъ глупый, желая казаться мудрецомъ, говорить такія вещи, «уходить въ себя мы можемъ посреди всѣхъ пре-

пятствій и волненій» или же «болящимъ кажется, что нѣтъ выше блага, какъ физическое здоровье», мы пожалѣемъ лишь о напрасныхъ усиліяхъ его сказать что-либо другое, кромѣ общихъ мѣстъ, но если такія сужденія высказываетъ въ письмахъ авторъ «Ревизора» и при томъ, какъ нѣчто важное, какъ «душевное открытіе», намъ остается лишь скорбѣть, что тяжкая болѣзнь отняла у насъ великаго писателя. Поэтому было бы весьма неправильно мѣрять больного Гоголя мѣркой, пригодной для обыкновенныхъ душевно-больныхъ.

Болѣзнь Гоголя, вслѣдствіе богатства его духовной природы, если можно такъ выразиться, протекала не въ той грубой, очевидной для всѣхъ формѣ, какъ у обыкновенныхъ больныхъ.

Даже ограбленный тяжелой болѣзью Гоголь все же былъ богаче многихъ обыкновенныхъ людей; самыя тяжелыя проявленія болѣзни принимали у него видъ простой странности, чудакостности. Какъ бы рѣзко онъ ни высказывалъ своихъ идей величія, онѣ многимъ не кажутся патологическими, потому что, конечно, Гоголь имѣлъ право смотрѣть на всѣхъ сверху внизъ, и если бы онъ требовалъ къ себѣ полного довѣрія и безусловнаго почтенія какъ къ автору «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ», многимъ казалось бы, что онъ лишь нѣсколько нескромнѣнъ.

Наконецъ, нельзя забывать, что психіатрія — наука молодая и далека отъ совершенства; психіатры изучаютъ душевно-больныхъ въ заведеніяхъ для душевно-больныхъ, слѣдовательно, сталкиваются съ грубыми, законченными формами болѣзней. Въ больницы помѣщаютъ тяжко-больныхъ или, говоря иначе, совершенно сумасшедшихъ; менѣе ясно выраженные заболѣванія приходится наблюдать случайно въ житейской обстановкѣ, слѣдовательно, въ условіяхъ далеко неблагоприятныхъ для научнаго наблюденія. Мнѣ пришлось немало поработать, чтобы уяснить, по возможности, нѣкоторые проявленія болѣзни Гоголя, и, конечно, далеко не все я могъ понять, далеко не все поддается точному анализу.

Эти обстоятельства необходимо имѣть въ виду при изученіи печальнаго періода жизни Гоголя съ 1842 г. по 1848 г. Тутъ мы не можемъ объяснить себѣ всѣхъ подробностей, не можемъ останавливаться на всѣхъ деталяхъ; непремѣнно должны быть несовсѣмъ ясны для насъ симптомы болѣзни. Нельзя не принять во вниманіе, что правильному пониманію Гоголя мѣшаютъ твер-

до установившіеся взгляды, симпатіи и антипатіи; въ самомъ дѣлѣ, лица, восхищающіяся «Выбранными мѣстами», любящіе ругать «неумытыми рылами», не могутъ понять, что только больной Гоголь могъ учить такъ ругаться.

Понятно, что кому по душѣ основныя идеи «Выбранныхъ мѣстъ», тотъ никогда не согласится съ тѣмъ, что Гоголь былъ боленъ, когда писалъ эту книгу. Такія лица всегда будутъ думать, что Гоголь развился, поумнѣлъ, достигъ совершенства и потому, вмѣсто зловредныхъ, по ихъ мнѣнію, «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ», сподобился написать такую прекрасную книгу, какъ «Выбранныя мѣста».

При изученіи этого періода жизни Гоголя нѣтъ надобности слѣдить шагъ за шагомъ за развитіемъ болѣзни, за ея теченіемъ, потому что въ эти годы въ сущности уже не было вполне свѣтлыхъ промежутковъ; состояніе становится болѣе стойкимъ и однообразнымъ; весь этотъ періодъ многострадальный поэтъ былъ тяжело боленъ.

Гоголь хорошо изучилъ свою болѣзнь, зналъ, какая обстановка дурно на нее вліяетъ, и не ошибся въ томъ, что пребываніе въ Россіи будетъ ему крайне тяжело. Уже въ Петербургѣ онъ почувствовалъ себя очень дурно; 25 XI 1841 онъ пишетъ Прокоповичу: «Пишу къ тебѣ послѣ тяжелой болѣзни, которая было меня одолѣла и которой начало получилъ я въ Петербургѣ. Теперь, слава Богу, мнѣ гораздо лучше, хотя я исхудалъ сильно»; однако, улучшеніе было непродолжительное, и 7 I 1842 несчастный поэтъ пишетъ Плетневу: «Никогда такъ не впору не подвернулась мнѣ болѣзнь, какъ теперь. Припадки ея приняли теперь такіе странные образы... но Богъ съ ними». Эти жалобы не прекращаются, и 22 III 1842 онъ пишетъ матери: «И что всего хуже, мною овладѣло тягостное и тоскливое состояніе духа, которое и прежде, и въ первый мой пріѣздъ въ Россію, мною было овладѣло. Вліяніе ли климата или что другое, дурно то, что это дѣйствуетъ на мои умственныя занятія, и я до сихъ поръ не въ силахъ привести въ порядокъ дѣлъ своихъ».

Болѣе откровенно Гоголь пишетъ о своей болѣзни Балабинѣ въ 1842 г. (дата письма неизвѣстна). Онъ такъ описываетъ свое состояніе: «Съ того времени, какъ только ступила моя нога въ родную землю, мнѣ кажется, какъ будто я очутился на чужбинѣ. Вижу знакомыя, родныя лица; но они, мнѣ кажет-

ся, не здѣсь родились, а гдѣ-то ихъ въ другомъ мѣстѣ, кажется, видѣлъ, и много глупостей, непонятныхъ мнѣ самому, чудится въ моей ошеломленной головѣ. Но что ужасно, что въ этой головѣ нѣтъ ни одной мысли...» Если мы сопоставимъ это удивительное по мѣткости выраженіе описаніе болѣзненнаго состоянія съ тѣмъ, что писалъ Гоголь въ февралѣ 1842 г. той же Балабиной, мы многое поймемъ въ болѣзни многострадальнаго автора «Мертвыхъ Душъ». «Я былъ боленъ, очень боленъ и еще боленъ донинѣ внутренно. Болѣзнь моя выражается такими страшными припадками, какихъ никогда со мной еще не было; но страшнѣе всего мнѣ показалось то состояніе, которое напоминало мнѣ ужасную болѣзнь мою въ Вѣнѣ, а особенно когда я почувствовалъ то подступившее къ сердцу волненіе, которое всякій образъ, пролетавшій въ мысляхъ, обращало въ исполіна, всякое незначительно-пріятное чувство превращало въ такую страшную радость, какую не въ силахъ вынести природа человѣка, и всякое сумрачное чувство претворяло, въ печаль и потомъ слѣдовали обмороки, наконецъ, совершенно сомнамбулическое состояніе».

Великій знатокъ человѣческой души очертилъ намъ достаточно вразумительно свое состояніе; прежде всего онъ отмѣчаетъ ослабленіе или притупленіе воспріимчивости; ему все, какъ онъ самъ хорошо это понимаетъ, кажется иначе; ему кажется, что онъ видѣлъ москвичей гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ; ослабленіе воспріимчивости доходитъ до того, что въ письмѣ къ Балабиной онъ сравниваетъ себя съ болваномъ для примѣриванія шляпъ. «Вы можете... мести у меня подъ носомъ щеткой, и я не чихну и даже не фыркну, не пошевелюсь». Голова «ошеломлена», не способна къ произвольной, самостоятельной дѣятельности; въ ней «нѣтъ ни одной мысли», конечно, разумной, нѣтъ произвольнаго мышленія. Психическая жизнь однако продолжается, но вмѣсто воспріятій дѣйствительности, вмѣсто мыслей, возникавшихъ прежде, въ сознаніи возникаетъ «много глупостей»; эти странные, глупые, по убѣжденію самого больного, образы и мысли появляются не такъ, какъ прежде образовались воспріятія и мысли, а «чудятся»; и ихъ содержаніе, и ихъ возникновеніе такъ странны, такъ непонятны, что бѣдный больной понимаетъ, что это ему чудится, что образы странны и что его голова ошеломлена.

Конечно, мы не знаемъ, какое психическое состояніе Гоголь называлъ «сомнамбулическимъ», но очевидно, что этимъ словомъ онъ обозначалъ состояніе ^{нормальное}, такое, когда душевная жизнь протекала у него иначе, чѣмъ прежде, когда ему «чудились» «глупости», т.-е. мысли, образовавшіяся не изъ воспріятій дѣйствительности, не изъ логическаго сочетанія прежде воспріятыхъ образовъ. Нужно думать, что его сознаніемъ завладѣвали образы и мысли, похожіе на безпорядочныя, неясныя сновидѣнія; въ сомнамбулическомъ состояніи, какъ и во снѣ, онъ уже не могъ управлять ходомъ мыслей, не могъ направлять свои органы чувствъ на воспріятіе дѣйствительности, не могъ критически относиться къ содержанію своего сознанія. Эти новые образы и мысли, возникающіе помимо воли, ошеломили его голову.

Гоголь не говорилъ, какія именно «глупости» ему «чудились», какъ не говорятъ намъ объ этомъ многіе больные; и тяжело, и стыдно говорить о «глупостяхъ»; больные еще надѣются отдѣлаться отъ «глупостей», овладѣть собою. Мы можемъ лишь догадываться, что чудилось Гоголю, потому что онъ намъ прекрасно описываетъ рѣзкія колебанія своихъ чувствованій; больной испытывалъ то «страшную радость», то «мучительную печаль»; эти рѣзко выраженные чувствованія, конечно, должны были сочетаться со свойственными или сродными имъ идеями. Мы всегда радуемся чему-нибудь, такъ же какъ печаль всегда у насъ сопряжена съ мыслями о несчастіи, потерѣ, страданіи и т. д. При первыхъ такихъ припадкахъ болѣзни Гоголь, понимавшій, что его «ошеломленной» головѣ «чудятся» «непонятныя глупости», по всей вѣроятности, понималъ, что и радость, и печаль безпричинны, но когда припадки стали чаще и продолжительнѣе, долженъ былъ свыкнуться съ этими новыми состояніями, которыя, конечно, мало-по-малу сливались, соединялись со всѣмъ его я. Радость сочетается у насъ съ идеями о богатствѣ, величіи, превосходствѣ, могуществѣ, святости; печаль всегда сочетается съ идеями о болѣзни, ничтожествѣ, грѣховности, преслѣдованіяхъ, оскорбленіяхъ. Если радость возникаетъ часто и при томъ такая, что ее «не въ силахъ вынести природа человѣка», больной необходимо долженъ придти къ убѣжденію, что онъ обладаетъ необычайной святостью, стоитъ въ сношеніяхъ съ высшими силами, что онъ выше «природы че-

ловѣка». Вѣдь мы по опыту знаемъ, что радости безъ причины не бываетъ, а слѣдовательно больной, переживающій «страшную радость», долженъ считать себя счастливымъ, т.-е. или богатымъ, или святымъ, или очень умнымъ.

У Гоголя, какъ это бываетъ у многихъ больныхъ, были и соответствующія колебанія чувствованій измѣненія въ умственной дѣятельности; онъ самъ говоритъ, что «волненіе обращало въ исполина всякій образъ, пролетавшій въ мысляхъ», и дѣйствительно такими «исполинами» слѣдуетъ считать его идеи объ обладаніи «высшей силой», о дарѣ пророчества, о нравственномъ совершенствѣ.

Мы не знаемъ, когда начались у Гоголя эти состоянія; почти всѣ больные рассказываютъ о такихъ припадкахъ, лишь долго спустя послѣ ихъ возникновенія; принимая во вниманіе скрытность Гоголя, идеи величія, высказанныя въ его письмахъ 1841 г., мы въ правѣ заключить, что онѣ были уже въ 1841 году, а можетъ быть и ранѣе. Вслѣдствіе такихъ припадковъ или состояній смутныя идеи величія, и ранѣе бывшія у Гоголя, должны были принять ясную форму и, что еще важнѣе, занять очень видное мѣсто во всей его жизни. Но рядомъ съ идеями, сопряженными съ радостью, должны были формироваться и бредовыя идеи, сопряженные съ печалью, то-есть идеи грѣховности, крайняго собственнаго несовершенства; необходимости какого-то особеннаго покаянія, вообще идеи мрачнаго, печальнаго характера.

Идеи величія и идеи грѣховности могутъ развиваться параллельно, если «страшная радость» и «мучительная печаль» возникаютъ одинаково, часто, достигаютъ равной интенсивности, остаются въ сознаніи одинаково долго, но могутъ на первый планъ выступать то тѣ, то другія идеи.

Повидимому, въ Москвѣ на первый планъ выступили бредовыя идеи грѣховности, идеи о необходимости какого-то исключительнаго покаянія; тридцати-трехлѣтній Гоголь, до этого времени не посѣщавшій съ чисто-религіозной цѣлью монастырей, вдругъ, рѣшаетъ ѣхать въ Іерусалимъ, рѣшаетъ вернуться въ Россію «только черезъ Іерусалимъ». Едва ли есть набожные паломники въ Палестину, не молившіеся уже въ близкихъ и отдаленныхъ отъ ихъ жительства монастыряхъ. Набожные богомольцы, побывавъ во многихъ родныхъ монастыряхъ, наслушавшись о Святой Землѣ, собираются въ это отдаленное путеше-

ствіе. Такъ дѣлаютъ истинно религіозные и образованные, и простые люди. Гоголь, не молившись въ русскихъ монастыряхъ, (въ 1835 г. онъ посѣтилъ Кіевскія пещеры въ качествѣ туриста), вдругъ, рѣшаетъ, что онъ можетъ вернуться въ Россію «только черезъ Іерусалимъ». Правда, Гоголь еще въ 1835 г. на лекціяхъ исторіи показывалъ «маленькія гравюры на стали, изображавшія виды Палестины и другихъ восточныхъ странъ», и потому, можетъ быть, уже тогда у него была неясная мысль о «воспитаніи себя» поѣздкой ¹⁾ въ Палестину. Эта быстро созрѣвшая рѣшимость «только черезъ Іерусалимъ» возвратиться въ Россію, могла родиться вслѣдствіе идей о страшной грѣховности; только поѣздка въ Іерусалимъ можетъ очистить его отъ ужасныхъ грѣховъ; отъ обыкновенныхъ грѣховъ можетъ очистить поѣздка въ одинъ изъ нашихъ монастырей. Эта рѣшимость могла родиться и вслѣдствіе идей величія: обыкновеннымъ смертнымъ довольно и нашихъ монастырей, но мнѣ, обладающему высшей силой, слѣдуетъ молиться въ самомъ главномъ, самомъ святомъ мѣстѣ. Можетъ быть идеи величія и грѣховности вмѣстѣ подсказали Гоголю, что ему нужно ѣхать въ Іерусалимъ.

Идеи величія преобладаютъ въ письмѣ Гоголя къ архіепископу Иннокентію отъ 22 V 1842: «Силой вашего же благословенія благословляю васъ! Неослабно и твердо протекайте пастырскій путь вашъ»... «Я слышу въ себѣ, что ждетъ насъ многозначительное свиданіе... «Прощайте! примите мое душевное сильное лобзаніе». Человѣкъ, благословляющій и поощряющій пользовавшагося громаднымъ уваженіемъ архіепископа, долженъ чувствовать себя прекрасно, долженъ быть убѣжденъ въ своемъ величіи.

Сколько можно судить по письмамъ и поведенію Гоголя, идеи величія въ первой половинѣ сороковыхъ годовъ у него преобладали надъ идеями грѣховности, крайняго несовершенства. Онъ пишетъ Языкову 20 VII 1842, какъ ему радостно находить въ себѣ грѣхи; значить ихъ еще очень мало. «Грѣховъ, указанія грѣховъ желаетъ и жаждетъ душа моя. Если бы вы знали, какой теперь праздникъ совершается внутри меня, когда открываю въ себѣ порокъ, дотолѣ не примѣченный. Лучшаго подарка никто не можетъ принести мнѣ». Мы должны вѣрить, что дѣйствительно у Гоголя была такая странная жажда, если сопоста-

¹⁾ Тургеневъ. Т. XII. стр. 71.

вить письмо къ Языкову съ письмомъ къ Жуковскому отъ 26 VI 1842. «Скажу только, что съ каждымъ днемъ и часомъ становится свѣтлѣе и торжественнѣе въ душѣ моей... «я сталъ далеко лучше того, какимъ запечатлѣлся въ священной для меня памяти друзей моихъ»... «Чище горняго снѣга и свѣтлѣй небесъ должна быть душа моя». Первая часть «Мертвыхъ Душъ» «въ сравненіи съ другими, имѣющими послѣдовать ей частями» похожа «на придѣланное губернскимъ архитекторомъ наскоро крыльцо ко дворцу, который задуманъ строиться въ колоссальныхъ размѣрахъ».

Теперь Гоголь уже могъ наконецъ, безъ колебаній и сомнѣній, проповѣдовать, поучать и наставлять; неясное, безотчетное сознание своего необычайнаго превосходства и прежде подталкивало его поучать всѣхъ и обо всемъ. Но теперь уже онъ не довольствовался Арабесками т.-е. сборникомъ «дѣтски напыщенныхъ и утомительно пустыхъ статей» по мѣткому опредѣленію Тургенева; теперь въ обладаніи высшей силой, съ душой, ставшей свѣтлой и торжественной, онъ желаетъ проповѣдовать религію и мораль, поучать, какъ нужно вѣрить, какъ нужно молиться, какъ быть добродѣтельнымъ. Для него теперь все ясно, все несомнѣнно, каждое его слово свѣтъ... Мать свою въ письмѣ отъ 19 VIII 1842 онъ поучаетъ: «Молитвы дѣла, а не молитвы словъ требуетъ отъ насъ Иисусъ»... «скажите ему (страждущему бѣдняку) прежде всего: онъ долженъ благословить свою бѣдность и несчастія». Еще болѣе категорически онъ наставляетъ князя П. А. Вяземскаго (ему въ 1841 г. было пятьдесятъ лѣтъ) писать біографію Фонвизина: «это было велѣніе изнутри меня, потому оно могло быть Божье велѣніе и такъ уважьте его».

Гоголь уже настолько боленъ, что не понимаетъ упадка своего творчества; напротивъ онъ увѣренъ, что теперь можетъ творить лучше. «Я могу теперь работать увѣреннѣе, тверже, осмотрительнѣе, благодаря тѣмъ подвигамъ, которые я предпринималъ къ воспитанію моему и которыхъ тоже никто не замѣтилъ... Иногда силой внутренняго глаза и уха я вижу и слышу время и мѣсто, когда должна выйти въ свѣтъ моя книга, иногда по тѣмъ же самымъ причинамъ, почему бываетъ ясно мнѣ движеніе души человѣка, становится мнѣ ясно и движеніе массы» (Письмо къ Шевыреву 28 III 1843).

1) Тамъ же, стр. 64.

Въ лучшія свои минуты Гоголь однако сознаетъ, что онъ утратилъ воспримчивость, сталъ равнодушенъ къ прекрасному. «Да виноватъ ли я въ томъ, что у меня точно нѣтъ теперь никакихъ впечатлѣній, и что мнѣ все равно, въ Италіи ли я, или въ дрянномъ нѣмецкомъ городкѣ, или хоть въ Лапландіи? Что же дѣлать? Я бы отъ души радъ восхищаться свѣжимъ запахомъ весны, видомъ новаго мѣста, да если нѣтъ на это теперь у меня чутъя. Въ томъ воля Бога» (письмо Данилевскому 20 VI 1843).

Неспособность къ художественному творчеству только иногда беспокоила Гоголя; вообще же онъ думалъ, что еще можетъ творить, принимался за «Мертвыя Души», писалъ очень мало и уничтожалъ написанное. Художественное творчество уже играетъ небольшую роль въ его жизни; онъ мало занимается «Мертвыми Душами» и даже мало огорчается тѣмъ, что, какъ самъ понимаетъ, дѣло не двигается впередъ. Онъ счастливъ своимъ величіемъ, своимъ совершенствомъ, своими душевными открытіями, какъ вообще счастливъ всѣ такіе больные въ этомъ періодѣ. Увы, онъ уже счастливъ, что испытываетъ «страшную радость», что всякій образъ обращается въ «исполина». Въ томъ же письмѣ къ Данилевскому, стѣсняясь съ которымъ вообще Гоголь находилъ излишнимъ, онъ пишетъ: «Мое внутреннее зрѣніе въ замѣнъ того проясняется болѣе и болѣе; я вижу по-немногу яснѣе то, что вдали, бодрѣй продолжаю путь свой и радостиѣ становится взоръ мой по мѣрѣ того, какъ гляжу болѣе впередъ и не промѣняю минутъ этой радости ни даже на юность, ни даже на свѣжесть первыхъ впечатлѣній».

Въ такомъ состояніи Гоголь нуждается въ слушателяхъ, еще болѣе почтительныхъ, чѣмъ Ивановъ. Языкову, видимо, были не совсѣмъ пріятны поученія Гоголя, который проповѣдовалъ весьма настойчиво, и высказывалъ явно ипохондрическія идеи. Больной Языковъ писалъ брату «Холодно мнѣ и скучно и даже досадно, что я согласился на лъстивыя слова Гоголя и поѣхалъ въ Римъ, гдѣ онъ хотѣлъ и обѣщалъ устроить меня какъ нельзя лучше; на дѣлѣ вышло не то» (Шенрокъ IV 171). Съ Языковымъ, повидимому, Гоголь былъ откровеннѣе и высказывалъ ему ипохондрическія бредовыя идеи; Языковъ писалъ брату: «Гоголь рассказывалъ мнѣ о странностяхъ своей (вѣроятно, мнимой) болѣзни: въ немъ-де находятся зародыши всѣхъ возможныхъ болѣзней; также и объ особенномъ устройствѣ головы своей и

неестественности положенія желудка. Его будто осматривали и ощупывали въ Парижѣ знаменитые врачи и нашли, что желудокъ его вверхъ дномъ! Вообще въ Гоголѣ чрезвычайно много страннаго (тамъ же, стр. 43). По своей мягкости и деликатности, Языковъ могъ выслушивать наставленія Гоголя, но ужъ конечно не могъ подпасть вліянію проповѣдника, такъ много думающаго о своемъ здоровьѣ, съ особеннымъ устройствомъ головы. Языковъ какъ и всѣ истинно религіозные люди, хорошо зналъ, что настоящіе пророки и проповѣдники меньше всего заботились о своемъ здоровьѣ, меньше всего занимались своимъ я.

Гоголю пришлось поискать другую аудиторію для своихъ проповѣдей, и при томъ дамскую, такъ какъ мужчины не такъ легко поддаются внушенію и вообще не долюбиваютъ назойливыхъ проповѣдниковъ. Смирнова пріѣзжаетъ въ Римъ, и Гоголь ей проповѣдуетъ съ такимъ успѣхомъ, что Смирнова съ ревностью прозелитки вводитъ его въ домъ Вьельгорскихъ, гдѣ Гоголь скоро завоевываетъ положеніе наставника и утѣшителя.

Мы не знаемъ, какъ поучалъ Смирнову Гоголь, какъ онъ убѣдилъ эту очень умную даму въ своей святости, но если даже при чтеніи писемъ Гоголя къ Смирновой у Базарова «скверно во рту» дѣлалось, то трудно даже вообразить какъ ужасны были для здравомыслящаго человѣка бесѣды больного Гоголя съ истерической «знатной дамой». Въ поученіяхъ Гоголя свѣтскимъ дамамъ, конечно, были тѣ же качества, которыми Тургеневъ характеризуетъ его письма къ нимъ: «болѣе противной смѣси гордыни и подыскиванія, ханжества и тщеславія, пророческаго и прихлебательскаго тона въ литературѣ не существуетъ».

Смирнова уже въ Римѣ настолько увѣровала въ Гоголя, что въ іюлѣ 1843 г. онъ пишетъ ей безъ стѣсненій, «Призницъ сажаетъ его (А. О. Россета) на цѣлую четверть часа бригадиршей въ воду»... «онъ ужъ не чувствуетъ, есть ли у него бригадирша или нѣтъ».

Время, проведенное Гоголемъ въ обществѣ знатныхъ дамъ, было именно тѣмъ періодомъ болѣзни, когда на первый планъ выступали идеи величія, когда у Гоголя, какъ онъ самъ признается въ письмѣ къ Данилевскому, было много радостныхъ минутъ.

Гоголь уже окончательно убѣдился, что для того, чтобы чему-нибудь учить, не нужно учиться самому, не нужны впечатлѣ-

нія, не надо перерабатывать воспринятое такъ, какъ всѣ люди. Для него нѣтъ необходимости наблюдать, замѣчать, обдумывать, сомнѣваться; при томъ же знанія, пріобрѣтенныя обычнымъ путемъ обыкновенными смертными такъ несовершенны. Гоголь теперь уже вполне убѣжденъ, что онъ одаренъ необычайной способностью, онъ узнаетъ истину самымъ простымъ, даннымъ ему, за неизвѣстные намъ «подвиги», способомъ. Во-первыхъ, онъ обладаетъ «внутреннимъ чутьемъ», которымъ можетъ «прозрѣвать» изъ Дюссельдорфа въ Москву, что «отъ тебя (Языкова) не такъ далеко время писанья и работы». Въ томъ же письмѣ Гоголь (отъ 4. XI. 1843) сообщаетъ, какъ онъ узнаетъ истину; этотъ способъ поразительно простъ. Нужно молиться и «окажутся въ душѣ вопросы»... «И за вопросами въ ту же минуту послѣдуютъ отвѣты, которые будутъ прямо отъ Бога. Красота этихъ отвѣтовъ будетъ такова, что весь составъ уже самъ собою превратится въ восторгъ; и къ концу какой-нибудь недѣли увидишь, что уже все составилось, что нужно: и предметъ, и значеніе его, и сила и глубокой внутренней смыслъ—все; стоитъ только взять въ руки перо, да писать».

Интересно, что гениальный Гоголь уже не замѣчалъ, что это средство ему не помогаетъ, не замѣчалъ бросающагося въ глаза противорѣчія: самъ онъ лѣчился и у Призница, и въ Остенде и въ Карлсбадѣ, консультировалъ знаменитыхъ врачей, а Языкова поучалъ, что «болѣзнь нужно побѣждать».

При всемъ нежеланіи, я здѣсь долженъ коснуться, установившихся мнѣній о крайней религіозности, мистичизмѣ и аскетизмѣ Гоголя; я вполне понимаю, какъ трудно касаться этихъ вопросовъ.

Гоголь никогда не былъ аскетомъ и всегда жилъ такъ, какъ ему нравилось; онъ и теперь очень толково обдѣлалъ свои денежныя дѣла, поручилъ дѣла своимъ московскимъ друзьямъ, черезъ Смирнову получалъ пособія и отъ Двора, и изъ казначейства. Онъ жилъ тамъ, гдѣ лучше всего себя чувствовалъ, много путешествовалъ, тратилъ деньги на лѣченіе, на книги, и вообще говорить о какомъ-либо аскетизмѣ нѣтъ основанія. Правда, онъ сталъ меньше ѣсть, но не вслѣдствіе аскетизма, а потому, что желудокъ отказывался переваривать много пищи; но онъ пользовался прекраснымъ столомъ у своихъ знатныхъ друзей. Самъ Гоголь неоднократно говорилъ, что у него, кромѣ чемо-

дана, ничего нѣтъ, и онъ «за комфортомъ не гоняется»; но останавливался онъ въ хорошихъ гостинницахъ, а всякій, кто много путешествовалъ, знаетъ, какъ стѣсняеть путешественника громоздкій багажъ. Я не могу считать религіознымъ человѣка, который рѣшается писать про свои наставленія: «Не пренебрегайте никакъ этими правилами: они всѣ истекли изъ душевнаго опыта, подтверждены святыми примѣрами и потому примите ихъ, какъ повелѣніе самого Бога» (письмо къ Вьельгорской отъ 26 1844). Свои наставленія сравнивать съ повелѣніями Бога не будетъ истинно религіозный человѣкъ, такъ же какъ и не будетъ называть тѣхъ, кто готовъ его наставленія принимать за повелѣнія Бога, «благоуханнѣйшей» «благодатной» (письма къ А. М. Вьельгорской отъ 2 и 16 X 1844), а стараго пріятеля за неисполненіе ничтожной просьбы ¹⁾ человѣкъ г... (письмо къ Аксакову 16 V 1844).

Трудно и даже невозможно считать истинно-религіознымъ человѣка, который говоритъ: «трудно человѣку придумать, чѣмъ бы оскорбить меня» и вмѣстѣ съ тѣмъ ругаетъ Погодина за то, что онъ приложилъ къ своему журналу его портретъ, Плетнева за то, что тотъ высказалъ свое мнѣніе о недостаткѣ образованія Гоголя.

Можно лишь удивляться злобности, съ которой Гоголь ругаетъ Погодина, «точно чушка, которая не даетъ порядочному человѣку; какъ только завидитъ, что онъ присѣлъ гдѣ-нибудь подъ заборъ, она суетъ подъ самую свою морду, чтобы схватить первое Ей хватишь камнемъ по хрюкалу изо всей силы, ей это ни по чѣмъ: она чихнетъ слегка и вновь суетъ хрюкало подъ ²⁾ (Письмо къ Языкову 26 X 1844).

Добродушный Плетневъ, повѣривъ увѣреніямъ Гоголя, что онъ желаетъ указанія его ошибокъ, написалъ ему («Русс. Вѣс.», 1840 XI 36): «Ты только геній-самоучка, поражающій творчествомъ своимъ и заставляющій жалѣть о своей безграмотности и невѣжествѣ въ области искусства», и Гоголь, позабывъ о безчисленныхъ услугахъ Плетнева, такъ его отдѣлываетъ въ письмѣ

¹⁾ Этимъ же нецензурнымъ словомъ онъ называетъ того же пріятеля въ письмѣ къ Языкову отъ 12 XI 1844.

²⁾ Точками обозначены совершенно неудобныя для печати слова.

къ Смирновой: (1844 г. «Плетневъ... вовсе невиненъ, но зато онъ смѣшнѣе всѣхъ и точный ребенокъ...») «Изъ его письма я узналъ, что онъ больше ребенокъ, нежели я предполагалъ; въ письмѣ юношескіе упреки, юношескія стремленія...» «Къ этому примѣшалась мысль о единствѣ церкви, въ какомъ-то безотчетномъ, не объяснившемся для него самого соединеніи ея съ литературой...» «Плетневъ имѣетъ умъ неглубокъ и *немногостороненъ*, а потому онъ не могъ видѣть далѣе того горизонта, который обнимають глаза его, и естественно, что отвергаетъ и самую мысль, что есть пространство внѣ имъ зримой черты».

Тогда же Гоголь окончательно потерялъ уваженіе къ наукѣ, къ научной мысли, хотя и раньше, по своему умственному складу не могъ вполне цѣнить научное мышленіе; все же онъ не отрицалъ значенія научной мысли, кое-что читалъ, кое-чѣмъ интересовался. Теперь онъ овладѣлъ новымъ способомъ познания, съ презрѣніемъ относится и къ наукѣ, и къ ея крупнѣйшимъ представителямъ; *онъ* открылъ новый способъ узнавать истину; *онъ* человѣкъ необыкновенный. «Человѣку, рожденному съ большими силами, слѣдуетъ, прежде чѣмъ сразиться, глубоко воспитать себя...» «Сегодня гегелисты, завтра же шелингисты, потомъ опять какіе-нибудь *исты*». Что же дѣлать? Уже таково стремленіе общества быть какими-нибудь *истами*. Естественно, что Гоголь теперь съ полнѣйшей самоувѣренностью поучаетъ К. С. Аксакова приготовить множество «прекрасныхъ филологическихъ статей». Это я могу сказать впередъ, потому что я самъ слушалъ съ большимъ удовольствіемъ, когда онъ изъяснялъ мнѣ производство многихъ словъ». Гоголь, совершенно не знавшій филологіи, даже поучаетъ К. С. Аксакова, какъ онъ долженъ работать. Необходимо замѣтить, что это письмо было отъ 21 XII 1844, а уже 17 IV 1844 С. Т. Аксаковъ писалъ Гоголю: «Мнѣ 53 года. Я тогда читалъ Оому Кемпійскаго, когда вы еще не родились...» «Я не порицаю никакихъ, ничьихъ убѣжденій, лишь были бы они искренни, но ужъ, конечно, ничьихъ и не приму. И вдругъ вы меня сажаете, какъ мальчика, за чтеніе Оомы Кемпійскаго, нисколько не зная моихъ убѣжденій, да еще какъ? въ узаконенное время, послѣ кофею, и раздѣляя чтеніе на главы, какъ на уроки... И смѣшно, и досадно... И въ прежнихъ вашихъ письмахъ нѣкоторые слова наводили меня на сомнѣнія. Я боюсь, какъ огня, мистицизма, а мнѣ

кажется, онъ какъ-то проглядываетъ у васъ... Терпѣть не могу нравственныхъ рецептовъ, ничего похожего на вѣру въ талисманы... Вы ходите по лезвію ножа! Дрожу, чтобы не пострадалъ художникъ...» Само собою разумѣется, что Гоголь не обратилъ вниманія на справедливый протестъ благодушнаго и умнаго С. Т. Аксакова и не замедлилъ въ письмѣ къ отцу снабдить сына непрошенными совѣтами.

Зиму 1844—45 г. Гоголь жилъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ у Жуковского; зима, проведенная на сѣверѣ, отзывалась очень дурно на его здоровьѣ; впрочемъ, можетъ быть, ухудшеніе послѣдовало и самостоятельно, безъ всякой причины. Весной или лѣтомъ 1845 г. (точно не установлено) Гоголь пишетъ протоіерею Базарову: «Пріѣзжайте ко мнѣ причастить: я умираю».

Въ письмѣ къ Языкову отъ 5 VI 1845 Гоголь такъ описываетъ свое состояніе: «Я худѣю теперь и истаяваю не по днямъ, а по часамъ; руки мои не согрѣваются вовсе и находятся въ водянисто-опухломъ состояніи». Въ письмѣ къ Жуковскому отъ 14 VI 1845 онъ дополняетъ картину болѣзни «исхуданіе и странный болѣзненный цвѣтъ кожи». Гоголь ѣдетъ совѣтоваться съ знаменитыми врачами; Круккенбергъ, такъ же какъ и Кнопъ, нашель, что болѣзнь чисто нервная; Карусъ нашель болѣзнь печени и направилъ Гоголя въ Карлсбадъ, гдѣ мѣстный врачъ Флекльсъ подтвердилъ распознаваніе Каруса, но больному стало хуже. Гоголь поѣхалъ къ Шенлейну, который «рѣшилъ, что во мнѣ разстройство въ нервической системѣ, такъ называемое *nervoso fascioso* (въ брюшной полости)» (письмо къ Толстому 1 IX 1845). Въ письмѣ къ Аксакову отъ 29 X 1845 Гоголь нѣсколько иначе называетъ свою болѣзнь. «По его (Шенлейнъ) мнѣнію, сильнѣй всего у меня поражены были нервы въ желудочной области, такъ называемой системѣ *nervoso fasciculosus*». Такимъ образомъ намъ совершенно неизвѣстно, чѣмъ собственно въ то время хворалъ Гоголь, въ чемъ состояло наступившее въ 1845 г. ухудшеніе; мы знаемъ только, что врачи не одинаково опредѣляли болѣзнь Гоголя. Мы не понимаемъ, какъ называлъ Шенлейнъ болѣзнь Гоголя; можетъ быть, Гоголь перепуталъ слова Шенлейна, а можетъ быть, этотъ врачъ понималъ, что имѣетъ дѣло съ крайне мнительнымъ больнымъ, сказалъ что-нибудь, чтобы успокоить больного.

Гоголь побывалъ въ Гресфенбергѣ и въ октябрѣ пріѣхалъ

въ Римъ, гдѣ наступило нѣкоторое улучшеніе; 25 X 1845 Гоголь писалъ къ Аксакову: «Здоровье мое хотя и стало лучше, но все еще какъ-то не хочетъ совершенно установиться. Чувствую слабость и, что непонятнѣе, до такой степени зябкость, что не имѣю времени сидѣть въ комнатѣ: долженъ ежеминутно бѣгать, согрѣваться. Едва же согрѣюсь и приду, какъ въ мигъ остываю, хотя комната и тепла, и долженъ вновь бѣгать согрѣваться. Въ такой бѣготнѣ проходитъ почти весь день, такъ что не имѣется времени даже написать письма, не только что другое».

Д-ръ Баженовъ¹⁾ предполагаетъ, что осенью 1845 г. въ Римѣ Гоголь страдалъ маляріей; маляріей и обусловленнымъ ей малокровіемъ онъ объясняетъ зябкость Гоголя, но, во-первыхъ, Гоголь пріѣхалъ въ Римъ во второй половинѣ октября (9 X онъ писалъ Иванову изъ Вероны) и почувствовалъ себя лучше; 24 X онъ пишетъ Смирновой: «Мнѣ гораздо лучше»; объ улучшеніи же онъ писалъ и Аксакову отъ 25 XI. Во-вторыхъ, Гоголь жаловался на зябкость уже въ 1839 г., и, какъ мы видѣли, это явленіе его особенно мучило всю весну и лѣто 1845 г.; уже въ іюнѣ истощеніе было такъ ужасно, что Гоголь въ письмѣ отъ 14 VI 1845 писалъ: «По моему тѣлу можно проходить полный курсъ анатоміи: до такой степени оно высохло и сдѣлались кожа да кости»²⁾.

Самъ Гоголь въ письмѣ къ Погодину отъ 8 II 1846 г. такъ описываетъ свое состояніе за прошлый годъ: «Тяжки и тяжести мнѣ были послѣднія времена и весь минувшій годъ такъ былъ тяжелъ, что я дивлюсь теперь, какъ вынесъ его. Болѣзненные состоянія до такой степени (въ концѣ прошлаго года и даже въ началѣ нынѣшняго) были такъ невыносимы, что повѣситься или утопиться казалось бы похожимъ на какое-то лѣкарство и облегченіе».

Необходимо отмѣтить, что это ухудшеніе въ болѣзни Гоголя не сопровождалось тоской, печалью или хандрой; настроеніе было весьма удовлетворительно. Въ томъ же письмѣ Гоголь пишетъ: «Какъ ни страдало мое тѣло, какъ ни тяжка была моя

¹⁾ Op. cit., стр. 25.

²⁾ 29 III 1845 Гоголь пишетъ гр. Толстому: «Тѣло мое дошло до страшныхъ охлажденій; ни днемъ, ни ночью я не могъ согрѣться. Лицо мое все пожелтѣло, а руки распухли и почернѣли и были ничѣмъ не согрѣваемый ледъ, такъ что прикосновеніе ихъ ко мнѣ пугало меня самого».

болѣзнь тѣлесная, душа моя была здорова; даже хандра, которая приходила въ минуты болѣе сносныя, не посмѣла ко мнѣ приближаться. И тѣ душевныя страданія, которыхъ доселѣ я испыталь много, замолкнули вовсе»... «Духъ мой становится въ такое время связнымъ и расположеннымъ къ дѣлу». То же самое Гоголь пишетъ Смирновой въ письмѣ отъ 20 II 1846: «Голова и мысль вызрѣли, минуты выбираются такія, какихъ я далеко не достоинъ, и все время какъ ни болѣло тѣло, ни хандра, ни глупая необъяснимая скука не смѣла приближаться ко мнѣ».

Теперь уже ясно, что ухудшеніе здоровья Гоголя, послѣдовавшее въ 1845 г., не было припадкомъ меланхоліи, а потому никоимъ образомъ нельзя, какъ то дѣлаетъ д-ръ Баженовъ, всю болѣзнь считать періодической меланхоліей. Дѣйствительно, у Гоголя было нѣсколько вполнѣ выраженныхъ припадковъ меланхоліи, были и не вполнѣ законченные приступы, но, кромѣ припадковъ меланхоліи, у Гоголя было много и другихъ патологическихъ явленій. Болѣзнь Гоголя крайне сложна, складывается изъ многихъ симптомовъ, изъ которыхъ только нѣкоторые намъ извѣстны, и при томъ не всѣ извѣстные намъ симптомы понятны. Въ самомъ дѣлѣ, какъ мы можемъ понять ухудшеніе 1845 года, если его, очевидно, не понимали изслѣдовавшіе Гоголя врачи. Можно, конечно, дѣлать предположенія и догадки, но онѣ ничего намъ не выясняютъ, и потому я не могу согласиться съ д-ромъ Баженовымъ, съ его крайне простымъ опредѣленіемъ болѣзни Гоголя. Я думаю, что гораздо правильнѣе ограничиться уясненіемъ того, что намъ болѣе извѣстно о болѣзни Гоголя.

Тяжкія физическія страданія, были ли они вызваны дѣйствительно какимъ-либо органическимъ заболѣваніемъ, или были чисто ипохондрическаго характера, весьма напугали Гоголя, сдѣлали его набожнымъ. Онъ не только совѣтовался съ врачами, принималъ лѣкарства, пилъ воды, пользовался гидротерапевтическимъ лѣченіемъ, уѣхалъ на югъ, но усердно молился Богу о выздоровленіи, просилъ всѣхъ, кого могъ, молиться о своемъ выздоровленіи. До этого времени Гоголь не отличался особою набожностью. Говорятъ, что религіозность была внушена ему матерью, приписываютъ даже эту заслугу законоучителю высшей гимназіи въ Нѣжинѣ¹⁾, однако всѣ воспоминанія лицъ,

¹⁾ „Древняя и Новая Россія“, т. II, 1879 г.

знавшихъ Гоголя, и главнымъ образомъ его письма свидѣтельствуютъ, что его набожность развивалась параллельно съ развитіемъ болѣзни. Особой симпатіи къ духовенству у Гоголя долго не было; извѣстно, что онъ любилъ рассказывать непечатные анекдоты о «попахъ»; даже въ письмѣ къ Бѣлинскому въ отвѣтъ на знаменитое письмо послѣдняго Гоголь писалъ: «Я очень много зналъ дурныхъ поповъ и могу вамъ рассказать множество смѣшныхъ про нихъ анекдотовъ». Правда, Гоголь видѣлъ въ улучшеніяхъ своего состоянія особую къ нему милость Божію, но вѣдь такъ думаютъ многіе вѣрующіе люди. Даже въ 1843 г. Гоголь не обнаруживалъ особой набожности и къ церковнымъ обрядамъ относился небрежно. 8 VII 1843 онъ пишетъ къ Языкову: «Сдѣлай также слѣдующее заведеніе; всякую субботу вечеромъ отслужи у себя всенощную. Тебѣ стоитъ послать только за первымъ попомъ, и онъ отслужитъ у тебя въ комнатѣ». Другимъ языкомъ заговорилъ Гоголь вслѣдствіе страданій, пережитыхъ имъ въ 1845 г., а именно 15 VII онъ проситъ Смирнову: «Итакъ я теперь, перекрестясь и благословясь и предаюсь совершенно на волю Божію, ѣду въ Карлсбадъ; а васъ прошу помолиться обо мнѣ, безцѣнный другъ мой Александра Осиповна. Отправьте молебны о моемъ выздоровленіи и попросите помолиться обо мнѣ того изъ служителей Божіихъ, чьи молитвы доступны и дѣйствительны. Молитвы лучшихъ изъ насъ много могутъ сдѣлать». Особенно горячо проситъ Гоголь молиться о его выздоровленіи Шереметеву (25 VII 1845), а матери пишетъ: «Отправить обо мнѣ молебенъ не только въ вашей церкви, но даже если можно и въ Диканькѣ, въ церкви святого Николая, котораго вы всегда такъ умоляли о предстательствѣ за меня». Чѣмъ была обусловлена набожность Гоголя, хорошо видно изъ его писемъ къ матери отъ 15 VIII 1845: «А обо мнѣ, то-есть о моемъ выздоровленіи не переставайте молиться крѣпко» и отъ 11 IV 1846, объяснивъ ей, гдѣ онъ предполагаетъ лѣчиться въ 1846 году, онъ пишетъ: «Чувствую, что больше всего мнѣ слѣдуетъ надѣяться на Святыя Мѣста и поклоненіе Гробу Господню, чѣмъ на докторовъ и лѣченіе». Поэтому Гоголь, какъ онъ пишетъ матери, рѣшаетъ ѣхать въ Палестину, предварительно полѣчившись и проведя зиму на югѣ. Выходитъ, что поѣздка въ Палестину—послѣднее средство, къ которому придется прибѣгнуть, испытать болѣе доступныя. Такъ Гоголь, какъ извѣстно, и сдѣлалъ.

Чѣмъ больше Гоголь страдалъ, тѣмъ больше лѣчился и молился; лѣченіе и молитвы больше всего занимаютъ его вниманіе. Въ іюнѣ 1846 г. онъ пишетъ гр. Толстому: «Спросите у Груб-би, почему мнѣ въ Германіи стали давать изъ аптекъ порошокъ не темносѣрый, какъ въ Парижѣ, но совсѣмъ темный и при томъ сухой, а не влажный. Затѣмъ мысленно обнимаю васъ и графиню, молю Бога, да ниспошлетъ все, что наиболѣе нужно душамъ вашимъ. Остаюсь вѣчно вашъ Г. Передъ выѣздомъ въ разсѣянности я позабылъ вамъ сказать, что въ одной молитвѣ изъ тѣхъ, которыя вамъ далъ, пропущена одна строчка». Какъ-то и грустно, и неловко читать такое сопоставленіе порошковъ и молитвъ; только болѣзнь доводитъ до такого малодушія, что человѣкъ не знаетъ, что важнѣе, порошки или молитвы. Истинно религіозные люди не пишутъ въ письмѣ о цвѣтѣ порошка, а въ Post-Scriptum'ѣ о пропущенной строкѣ молитвы.

Лѣченіе мало помогаетъ Гоголю, и набожность его все растетъ; въ 1847 г. онъ вступаетъ въ переписку съ о. Матвѣемъ. Чтобы понять, какъ тяжкія нервныя страданія измѣнили Гоголя, нужно сравнить его письмо къ архіепископу Иннокентію и письмо 1845 г. къ о. Матвѣю; тяжело страждущій Гоголь проситъ о. Матвѣя «молиться обо мнѣ крѣпко, крѣпко...» «Помолитесь же обо мнѣ».

Хотя послѣднее письмо написано къ простому священнику, но Гоголь уже не говоритъ «жму заочно вашу руку», «благословляю васъ», «пріимите мое душевное сильное лобзаніе», «вы меня не забудете, я знаю», а проситъ замѣчаній и упрековъ, «сказать мнѣ хоть два словечка о „Выбранныхъ мѣстахъ“».

Такимъ образомъ набожность, появившаяся вмѣстѣ съ физическими страданіями, усиливалась вмѣстѣ съ усиленіемъ этихъ страданій; когда Гоголю становилось лучше, ослабѣвала и набожность, а именно, когда вслѣдствіе путешествія его здоровье нѣсколько улучшилось, Іерусалимъ не произвелъ на него должнаго впечатлѣнія. Впрочемъ, это будетъ болѣе выяснено, когда мы перейдемъ къ его путешествію въ Палестину.

Считаю необходимымъ оговориться, что въ набожности Гоголя не было ничего патологическаго, что никоимъ образомъ нельзя считать его крайнюю набожность проявленіемъ его болѣзни, такъ же какъ нельзя считать и доказательствомъ его психическаго здоровья. Всѣ психіатры убѣждены въ необходимости богослуженія въ заведеніяхъ для душевнобольныхъ; въ благоустроенныхъ заведеніяхъ для душевнобольныхъ имѣются храмы.

Понятно, что я не считаю себя компетентнымъ въ вопросахъ религіозности и набожности, и потому не могу говорить съ должной полнотой о религіозности и набожности Гоголя, но, какъ врачъ, видѣвшій не мало тяжело страдающихъ и умирающихъ больныхъ, могу сказать, что именно во время болѣзни проявляется истинная религіозность. Истинно религіозные люди не только терпѣливо переносятъ страданія, но и мужественно смотрятъ въ глаза опасности, мало жалуются на болѣзни и съ внушающей уваженіе сосредоточенностью готовятся къ смерти, заботятся о своихъ близкихъ. Однимъ словомъ религія даетъ имъ могучее утѣшеніе. Люди, въ жизни которыхъ религія имѣла мало значенія, видя, что лѣченіе не помогаетъ, усиленно молятся, мало вѣря въ силу молитвы, но она имъ мало и помогаетъ. Мнѣ всегда было крайне тяжело у постели такихъ больныхъ; они страшно боятся смерти, возлагаютъ упованія то на порошки, то на молитвы, заказываютъ молебны, собираютъ консилиумы. Однимъ словомъ это тѣ люди, про которыхъ народъ говоритъ, что они не прибѣгаютъ къ молитвѣ, пока громъ не грянетъ.

Поэтому я еще разъ настаиваю, что Гоголь не былъ истинно религіознымъ человѣкомъ, и только тяжкія физическія страданія сдѣлали его набожнымъ.

Подъ вліяніемъ все ухудшающагося здоровья, у Гоголя окончательно вырабатывается мысль, что онъ живетъ въ какое-то особенное время, что онъ переживаетъ какую-то болѣзненную эпоху. Въ началѣ онъ высказываетъ эту мысль въ неопредѣленной формѣ; 21 XII 1843 онъ пишетъ Языкову: «Чувствую, что беспокойство духа, смѣшанное съ непонятной тоской, есть нынѣ болѣзнь повсемѣстная, вслѣдствіе какого-то тягостнаго расположенія въ воздухѣ; всѣ времена года перепортились»; конечно, дурная погода вліяетъ на состояніе здоровья, и потому съ Гоголемъ можно согласиться. Когда во Франкфуртѣ состояніе здоровья Гоголя рѣзко ухудшилось, эта идея приняла какую-то странную окраску. «...громоносный ударъ упадетъ на нынѣшнихъ развратниковъ, осмѣливающихся пиршествовать и безчинствовать въ то время, когда раздаются уже дѣйствія гнѣва Божія, и невидимая рука, какъ на пиру Вальтасаровомъ, чертитъ огнемъ грозящія буквы. Въ третьихъ упрекъ, и еще, сильнѣйшій,

можетъ быть, упадетъ на тѣхъ, которые осмѣливаются даже въ такія святыя минуты Божьяго посѣщенія, «пользоваться смутностью времени». (Письмо къ Языкову отъ 26 XII 1844).

Болѣе категорически высказывается Гоголь въ письмѣ къ Смирновой отъ II V 1845: «Въ этомъ году особенно на всѣхъ наведено болѣе или менѣе это нервическое разстройство, приведены въ слезы, въ уныніе и въ безпокойство тѣ, которые даже никогда дотолѣ не плакали, не унывали и не безпокоились». Конечно, Гоголь ничѣмъ не доказываетъ справедливости своей мысли, да и не старается доказать. Уже совсѣмъ непонятно, почему Гоголь думалъ, что въ Калугѣ, гдѣ онъ никогда не былъ, всѣ больные; если онъ думалъ о слабости вѣры калужанъ, то, конечно, онъ жестоко заблуждался; 27 X 1845 г. онъ пишетъ Смирновой: «Всѣ, что ни вокругъ васъ, суть больные, и если всмотритесь пристально, всякъ требуетъ вашей помощи. Вся Калуга будетъ лазаретъ вашъ». 2 I 1846 г. гр. Толстому Гоголь пишетъ «Не смущайтесь никакими препирательствами о церквахъ и тѣмъ, что совершается въ мірѣ. Время теперь молиться, а не препираться».

Едва ли чѣмъ-либо кромѣ болѣзни, можно объяснить, что Гоголь рѣшительно не понималъ, что готовится въ Германіи и Италіи. Какъ ни мало былъ Гоголь образованъ въ политическомъ отношеніи, все же, будь онъ здоровъ, какъ человѣкъ очень умный, не прозвѣвалъ бы движенія, измѣниваго и политическій и общественный старой Германіи и Италіи. Изъ его писемъ видно, что подготавливающееся освобожденіе Италіи и Германіи его ничуть не интересовало, и онъ его совершенно не замѣчалъ. Онъ, какъ и многіе больные, переносилъ на окружающее собственное настроеніе; ему казалось, что всѣ переѣнились, потому что болѣзнь измѣнила его самого, казалось, что наступила какая-то особенная эпоха. Однимъ словомъ, онъ составилъ себѣ самое превратное сужденіе о дѣйствительности, потому что вниманіе его почти всецѣло было поглощено тѣлесными страданіями, идеями величія и идеями собственной грѣховности.

Уже весною онъ рѣшаетъ путешествовать. «Въ продолженіе путешествія я устроилъ такъ, чтобы въ дорогѣ писать, потому что трудъ мой нуженъ: приходитъ такое время, когда появленіе моей поэмы есть существенная необходимость для теперешняго

положенія дѣлъ и мыслей». (Письмо Жуковскому отъ 16 III 1846). Гоголь рѣшаетъ бороться съ духомъ времени, помогать всѣмъ своими совѣтами, направлять на путь истинный. Плетневу 4 VII 1846 онъ пишетъ «приходитъ уже то время, въ которое все объяснится», а 20 VII «Свѣтло будетъ и во всѣхъ душахъ, омрачаемыхъ сомнѣніями и недоразумѣніями» 26 VII онъ проситъ Шевырева напечатать второе изданіе «Мертвыхъ Душъ», въ количествѣ 2.400 экз. «Нужно будетъ его отпечатать въ мѣсяцъ, дабы оно могло явиться въ свѣтъ никакъ не позже 15 сентября. Экземпляры разойдутся—это я знаю. Послѣ того голоса, который я подамъ отъ себя, передъ моимъ отправленіемъ на поклоненіе къ Святымъ Мѣстамъ, ихъ будутъ раскупать». Такія надежды возлагалъ многострадальный Гоголь на «Выбранныя мѣста». 30 VII, посылая начало труда Плетневу, онъ писалъ: «Печатай два завода и готовь бумагу для втораго изданія... это до сихъ поръ моя единственная дѣльная книга».

Путешествіе и купанье въ Остенде нѣсколько подкрѣпили здоровье Гоголя, и онъ усидчиво работалъ надъ «Выбранными мѣстами», и 16 X 1846 уже изъ Франкфурта послалъ Плетневу послѣднюю тетрадь.

Окончивъ «Выбранныя мѣста» Гоголь посылаетъ «Развязку Ревизора», наставляетъ Щепкина и Сосницкаго какъ играть и, наконецъ, доходитъ до того, что требуетъ: «По окончаніи пьесы, когда васъ вызовутъ, вы, раскланявшись съ публикой, скажите ей, что неудобно ли ей купить Ревизора, который продается при выходѣ изъ театра, въ пользу бѣдныхъ, по рублю серебромъ съ развязкой вмѣстѣ». (Письмо къ Сосницкому 2 XI 1846).

Удивительный проектъ Гоголя образовать комитетъ для раздачи суммы, вырученной такимъ образомъ, конечно, не осуществился, въ виду полной невозможности исполнить требованія Гоголя. Онъ поручаетъ А. М. Вельгорской образовать большой комитетъ для раздачи бѣднымъ денегъ, которая будутъ выручены отъ продажи Ревизора. «Я не думаю, чтобы кто-нибудь изъ любящихъ меня отказался отъ обязанности быть раздавателемъ вспомошествованія. Онъ будетъ не предо мною виноватъ, но предъ Христомъ...» «Позабудьте о себѣ вовсе. Никто изъ насъ не долженъ принадлежать себѣ». Гоголь проситъ А. М. Вельгорскую привлечь къ участию въ дѣятельности комитета А. Россети и Д. Самарина.

^{Синявский}
А. Россети Гоголь пишет: «Отъ Анны Михайловны Вьельгорской вы, я думаю, уже узнали о той обузѣ, которую мнѣ угодно было возложить на васъ. Какъ ни тяжело это бремя, но вы должны его принять... Но сверхъ того бремени вотъ вамъ еще другое бремя. Отправляйтесь къ Плетневу и предложите ему услуги свои въ печатаніи Ревизора».

Гоголя, повидимому, мало огорчила неудача задуманнаго имъ дѣла; Плетневу 4 XII 1846 г. онъ пишетъ: «Теперь же «Развязка Ревизора» въ такомъ видѣ, какъ есть, можетъ произвести дѣйствіе противоположное и, при плохой игрѣ нашихъ актеровъ, можетъ выйти просто смѣшной сценой».

О «Выбранныхъ мѣстахъ» писано такъ много, что нѣтъ надобности комментировать это произведение Гоголя, тѣмъ болѣе, что, гдѣ замѣшаны политическія симпатіи, тамъ никакія доказательства не убѣдятъ противниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, ужъ кажется о завѣщаніи не можетъ быть двухъ мнѣній. «Можетъ ли быть безумнѣе гордость, какъ требованіе, чтобы по смерти его завѣщаніе было немедленно напечатано во всѣхъ журналахъ, газетахъ и вѣдомостяхъ, дабы никто не могъ отговариваться невѣдѣніемъ онаго? Чтобы не ставили ему памятника, а чтобы каждый вмѣстѣ того сдѣлался *лучшимъ*. Чтобы вы исправились о имени его?.. Все это надобно повершить фактомъ, который равносильнъ 41-му числу Мартобря (въ «Запискахъ сумасшедшаго» ¹⁾). Между тѣмъ почтенный Барсуковъ не находитъ ничего страннаго въ этомъ пунктѣ завѣщанія, потому что и архіепископъ Воронежскій Антоній и митрополитъ кіевскій Константинъ (1159) тоже въ своемъ завѣщаніи просили не ставить надъ гробомъ памятника. Тутъ же Барсуковъ сообщаетъ, что завѣщанія этихъ епископовъ стали извѣстны лишь послѣ ихъ смерти ²⁾, а вѣдь Гоголь напечаталъ свое завѣщаніе *при жизни*. Также удивительно, какъ Барсуковъ не принялъ во вниманіе, какое тяжелое и ненужное огорченіе Гоголь причинилъ этимъ безпримѣрнымъ завѣщаніемъ своей бѣдной матери. Болѣзнь Гоголя вполне объясняетъ намъ, что Гоголь даже не понималъ, что онъ ужасно огорчилъ мать, но сколько-нибудь безпристрастный человекъ долженъ понять, что завѣщаніе написано больнымъ.

¹⁾ С. Т. Аксаковъ. *Op. cit.*, стр. 163.

²⁾ Барсуковъ. *Жизнь и труды Погодина*, Т. 8, стр. 575.

Психіатръ долженъ вполне согласиться съ мнѣніемъ С. Т. Аксакова ¹⁾ о «Выбранныхъ Мѣстахъ»: «Самое лучшее, что можно сказать о ней — назвать Гоголя сумасшедшимъ»: Мебіусъ ²⁾ утверждаетъ, что Ницше, когда писалъ Заратустру, былъ настолько боленъ, что если бы онъ былъ преданъ суду за это сочиненіе, то экспертъ психіатръ долженъ былъ бы высказаться за его полную невмѣняемость вслѣдствіе душевной болѣзни, что ничуть не лишаетъ эту книгу ея достоинствъ, такъ какъ и сумасшедшіе могутъ высказывать великія мысли. Если бы судъ спросилъ мое мнѣніе о вмѣняемости автора «Выбранныхъ мѣстъ», я, какъ психіатръ, высказался бы за невмѣняемость автора, и потому что эту книгу писалъ больной, и потому что она полна мыслями чисто патологическаго характера, хотя конечно въ ней есть мысли, вполне вѣрныя, свидѣтельствующія о томъ, что ихъ писалъ крупный умъ, великій художникъ.

С. Т. Аксаковъ былъ вполне правъ, когда писалъ 7 II 1847 сыну И. С. Аксакову. «онъ, точно, помѣшался, — въ этомъ нѣтъ сомнѣній». Даже зацѣпки «Выбранныхъ мѣстъ» должны сознаться, что Гоголь глубоко заблуждался относительно успѣха своей книги, рѣшительно не понималъ, почему она вызвала негодование и удивленіе почти всей мыслящей Россіи.

Сначала онъ всю вину на неуспѣхъ книги сваливаетъ на цензурныя урѣзки. «Образовалось что-то вродѣ демонскаго возстанія къ тому, чтобы воспрепятствовать ея выходу. Какія-то таинственныя партіи европейцевъ и азіатцевъ вмѣстѣ совокупились чтобы смутить и сбить съ толку цензуру («письмо къ гр. Толстому 6 II 1847»). Поэтому онъ хлопочетъ о разрѣшеніи напечатать пропущенныя мѣста и поручаетъ Плетневу готовить второе изданіе («и печатай полное изданіе третье, не заботясь о томъ, что не разошлось второе. Не забудь того, что я прошу читателей покупать не только для себя, но и для тѣхъ, которые не въ силахъ сами купить, а для раздачи людямъ простымъ, я думаю, лучше придется книга въ ея нынѣшнемъ видѣ» (письмо отъ 11 II 1847)). Шевырева Гоголь проситъ: «Поручай и другимъ узнавать, что говорятъ о ней во всѣхъ слояхъ общества, не выключая даже и дворовыхъ людей, а потому проси всѣхъ бла-

¹⁾ И. С. Аксаковъ въ его письмахъ. Т. 1, стр. 407.

²⁾ *Op. cit.*

готовительныхъ людей покупать книгу и дарить людямъ простымъ, немущимъ (письмо отъ 11 II 1847). Отзывы друзей о книгѣ не смущаютъ Гоголя, и хотя въ письмѣ къ Жуковскому онъ пишетъ: «Я размахнулся въ моей книгѣ такимъ Хлестаковымъ, что не имѣю духу заглянуть въ нее... При всемъ томъ книга моя полезна. Въ одну недѣлю исчезли всѣ экземпляры ея (хотя печатано два завода). Всѣ дотолѣ бывшіе вопросы въ литературѣ вдругъ замѣнились другими и всѣ предметы разговоровъ умныхъ людей нашихъ обществъ замѣнились другими предметами»... «послѣ моей книги все какъ-то напряжено, всѣ болѣе или менѣе, какъ противники, такъ и защитники, находятся въ положеніи неспокойномъ». Гоголь даже обвиняетъ своихъ литературныхъ друзей въ несовершенствѣ его книги, и въ самой рѣзкости ея находитъ много полезнаго. «Мнѣ было страшно самому за многое въ моей книгѣ, когда она печаталась, и по-
~~вѣрь мнѣ, что книгой моей я далъ себѣ самому гораздо силь-~~
~~нѣйшую оплеуху, нежели друзьямъ своимъ.~~ Но много было причинъ къ ея изданію, а между прочимъ и то, чтобы увидели наконецъ читатели и почитатели мои увѣ! — и самые друзья, что не слѣдуетъ торопить меня къ печатанью, когда я самъ чувствую, что не пришелъ еще въ силы выражаться ясно и просто (до простоты нужно вырасти)... «Но эта рѣзкость, дикость и заносчивость многого въ моей книгѣ расшевелитъ и задѣнетъ за живое многихъ умныхъ людей. Что же дѣлать, если такова натура русскаго человѣка, что его не заставишь до тѣхъ поръ говорить, пока не выведешь изъ терпѣнія, зацѣпя за самую живую струну»... «Право трудъ мой больше полезный *существенный*, чѣмъ думаютъ многіе, и онъ стоитъ того, чтобы друзья мои, все мнѣ простивши, всѣ мои несправедливости, поработали грудью за меня (письмо къ Шевыреву 10 III 1847). Явно враждебное отношеніе къ «Выбраннымъ Мѣстамъ», почти всей публики и критики ничуть не смущаетъ Гоголя; онъ считаетъ себя вполне правымъ, а книгу полезной для Россіи, а главное для самого себя. «И многіе въ желаніи указать мнѣ мои ошибки, стали бы рассказывать тѣ вещи, которыя именно мнѣ нужны. А этихъ вещей никакими просьбами нельзя вымолить. Одно средство: выпустить заносчивую задирающую книгу, которая заставила бы востепениться всѣхъ. Повѣрь, что русскаго человѣка покуда не разсердишь, не заставишь заговорить» (письмо къ

Шевыреву 27 II 1847). О. Матвѣю 9 V 1847 Гоголь пишетъ: «Итакъ, книга моя, прежде чѣмъ быть полезной для другихъ, полезна и для меня, и это считаю знакомъ ко мнѣ милости Божіей». Гоголя не могло смущать отрицательное отношеніе друзей къ его книгѣ, потому что онъ не могъ понимать истинной причины такого отношенія, не могъ понимать, что онъ оскорбилъ этой книгой всѣхъ благоговѣвшихъ передъ нимъ, какъ передъ великимъ писателемъ, который могущественно содѣйствовалъ самосознанію Россіи. О своихъ друзьяхъ Гоголь пишетъ: «Смирновой. «У нѣкоторыхъ изъ нихъ не хватило разумѣнія, они спутались—вотъ и все» (20 V 1847).

Гоголю не понравилось, что Бѣлинскій не похвалилъ его книги; въ силу своего характера, Гоголь всегда поклонялся властямъ придерживающимъ, а Бѣлинскій въ то время обладалъ почти диктаторской властью надъ умами значительнаго большинства. Авторъ «Мертвыхъ Душъ» въ то время уже вполне утратилъ свое проникновенное пониманіе людей и настолько не понималъ Бѣлинскаго, что порицаніе своей книги объяснилъ тѣмъ, что «онъ, кажется, принялъ всю книгу написанной на свой счетъ»... «Вѣроятно, онъ принялъ на свой счетъ козла, который былъ обращенъ въ журналистику вообще». «Пожалуйста переговори съ Бѣлинскимъ и напиши мнѣ, въ какомъ онъ находится расположеніи духа нынѣ относительно меня... Если же въ немъ утомилось неудовольствіе, то дай ему при семъ прилагаемое письмо, которое можешь прочесть и самъ» (письмо Прокоповичу 20 VI 1847).

Письмо Гоголя къ Бѣлинскому свидѣтельствуетъ, что больной поэтъ рѣшительно не могъ себѣ представить, какъ онъ оскорбилъ великаго критика, какое громовое письмо онъ получить. Какъ видно изъ письма къ Прокоповичу, Гоголь надѣялся на примиреніе съ обладающимъ властью критикомъ, смотрѣлъ на дѣло, какъ на личное недоразумѣніе, которое можно устранить. Принято, что громовое письмо Бѣлинскаго произвело сильное впечатлѣніе, вызвало «крайнюю подавленность духа», чѣмъ и объясняетъ Шенрокъ (IV 452), что Гоголь не отослалъ написаннаго имъ отвѣта. Не отрицая, что фіаско «Выбранныхъ Мѣстъ» и громовое письмо были непріятны Гоголю, на основаніи его писемъ и поведения, слѣдуетъ утверждать, что письмо Бѣлинскаго Гоголемъ не было понято и вообще не оказало серьезнаго вліянія.

Гоголь въ своемъ отвѣтѣ не указываетъ на слабыя мѣста письма Бѣлинскаго, а главнымъ образомъ, упираетъ на необразованность Бѣлинскаго, на односторонность его ума. «Журнальныя занятія вывѣтриваютъ душу, и вы замѣчаете наконецъ пустоту въ себѣ. Вспомните, что вы учились кое-какъ, не кончили даже университетскаго курса. Вознаградите (это) чтеніемъ серьезныхъ сочиненій, а не современныхъ брошюръ, писанныхъ разгоряченнымъ (умомъ) совращающихъ съ прямого взгляда». Гоголь въ этомъ письмѣ приписываетъ извѣстное стихотвореніе Полежаева — «Французъ—дитя!» и т. д. Пушкину, а Бѣлинскаго поучаетъ: «Гнѣвъ отуманилъ глаза вамъ и ничего не далъ вамъ увидѣть въ настоящемъ смыслѣ. Блуждаютъ кое-гдѣ блески правды посреди огромной кучи софизмовъ и необдуманныхъ юношескихъ увлеченій. Но какое невѣжество! Какъ дерзнуть съ такимъ малымъ запасомъ свѣдѣній толковать о такихъ великихъ явленіяхъ».

Почему не послалъ Гоголь этого письма?—потому ли что помянулъ его несостоятельность, или потому, что не нашелъ нужнымъ отвѣчать невѣжественному, по его мнѣнію, критику—мы, конечно, не знаемъ. Можно вполне согласиться съ Шенрокомъ, когда онъ говоритъ про письмо Бѣлинскаго: «нельзя не замѣтить, что это было единственное письмо, сильно подѣйствовавшее на Гоголя, хотя не оставившее особенно глубокихъ слѣдовъ» (IV 538).

На Гоголя не подѣйствовало даже то, что архіепископъ Иннокентій, Бѣлинскій и С. Т. Аксаковъ были вполне согласны въ томъ, что книга есть произведеніе неслыханной гордости человѣка; наибольшее значеніе для него имѣло теперь уже мнѣніе о. Матвѣя, потому что набожность Гоголя усиливалась по мѣрѣ того, какъ болѣзнь ухудшалась, и онъ убѣждался въ бесполезности лѣченія.

Хлопоты о второмъ, безъ пропусковъ, изданіи «Выбранныхъ мѣстъ», усиленная переписка по поводу этой книги нѣсколько оживили Гоголя; дѣла отвлекали его вниманіе отъ болѣзни, такъ же какъ путешествіе, и онъ меньше сосредоточивался на своихъ болѣзненныхъ симптомахъ. Въ оживленной перепискѣ рѣдко проскальзывались жалобы. Гр. Толстому Гоголь пишетъ 6 II 1847: «Недугъ мой состоитъ въ безсонницахъ, которыя продолжаютъ уже два мѣсяца, въ разслабленіи тѣла, въ сыпяхъ на ногахъ, но несмотря на все это, даже на волненія нервы, ду-

ша, по милости Божіей, пребываетъ въ спокойномъ равновѣсіи. Самая смерть (Языкова) не произвела во мнѣ тревожныхъ чувствъ печали, но что-то неопредѣленное и какъ бы свѣтлое. Какъ будто бы онъ для меня не умеръ».

Если дѣйствительно Гоголь хотя сколько-нибудь любилъ Языкова, то это равнодушіе при вѣсти о его смерти мы должны считать очень тяжелымъ симптомомъ; ослабленіе чувствованій указываетъ на переходъ болѣзни въ заключительный періодъ, указываетъ на начинающійся распадъ душевной жизни. Весьма подозрительны въ этомъ смыслѣ грубое непониманіе оскорбленія, нанесеннаго Погодину, неисполненное обѣщаніе загладить свою вину и особенно крайне грубыя выходки по отношенію къ кроткому и больному Иванову.

Самъ Гоголь замѣтилъ въ себѣ ослабленіе чувствованій; онъ называетъ это черствостью. 2 XII 1847 онъ пишетъ Шевыреву: «Но въ груди моей равнодушно и черство, и меня утрачиваетъ мысль о затрудненіяхъ». Это притупленіе чувствованій становится особенно ясно при сборахъ Гоголя въ Іерусалимъ; долго онъ мечталъ объ этой поѣздкѣ, возлагалъ на нее самыя большія надежды, и въ смыслѣ улучшенія здоровья, и въ смыслѣ возвращенія творческихъ силъ, упадокъ которыхъ больной поэтъ все-же понималъ. Онъ уже давно подготовлялъ себя къ этой поѣздкѣ, волновался при мысли о ней, настойчиво просилъ свою мать въ письмѣ отъ 14 XI 1846 г. не выѣзжать изъ Васильевки, пока онъ будетъ въ дорогѣ. «Мнѣ нужно именно, чтобы вы молились обо мнѣ именно въ Васильевкѣ, а не въ другомъ мѣстѣ. Кто захочетъ васъ видѣть, можетъ къ вамъ пріѣхать. Отвѣчайте всѣмъ, что находите неприличнымъ въ то время, когда сынъ вашъ отправился на такое святое поклоненіе, разѣзжать по гостямъ и предаваться какимъ-либо развлеченіямъ».

Собравшись ѣхать въ Палестину, многострадаальный поэтъ даже не испытываетъ удовольствія и желанія; онъ откровенно пишетъ: «Не ѣхать же въ Іерусалимъ какъ-то стало даже совѣстно» (7 XII 1847). То же онъ повторяетъ и въ письмѣ къ Жуковскому отъ 22 XII 1847. Передъ отъѣздомъ онъ пишетъ трогательное письмо матери, въ которомъ жалуется, «что нѣтъ силъ молиться самому: «силы мои какъ бы ослабли, сердце черство, малодушна душа» и проситъ служить за него молебны «во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ умѣютъ лучше молиться», посылаетъ 25 р.

о. Матвѣю «на три молебна» и 50 р. для раздачи «бѣднѣйшимъ»... «чтобы они помолились о здоровьи душевномъ и тѣлесномъ»; просить всѣхъ знакомыхъ молиться о немъ по особой имъ составленной молитвѣ «Боже, содѣлай безопаснымъ путь его...» и т. д.

Наиболѣе близкой теперь ему особѣ, А. М. Вьельгорской, Гоголь съ Мальты 23 I 1848 пишетъ: «Несмотря на то, что далеко не въ томъ состояніи души, въ какомъ бы хотѣлось быть для путешествія, несмотря на всю черствость и прозу души своей, я все-таки благодарю Бога, что тронулся въ дорогу»; также и въ письмѣ къ Шевыреву отъ 25 I 1848 г. онъ называетъ свою душу «холодной» и «черствой». Проницательности Гоголя мы должны довѣрять, и потому несомнѣнно, что уже въ 1847 году начался распадъ душевной жизни гениальнаго автора «Мертвыхъ Душъ»; признаки этого распада стали очевидны въ слѣдующемъ періодѣ жизни Гоголя уже «всей Москвѣ».

IX.

Съ 1848 г. начинается послѣдній, какъ вѣрно его опредѣляетъ Шенрокъ (IV 744), «крайне однообразный и въ сущности мало занимательный періодъ» жизни Гоголя. Этотъ періодъ характеризуется распадомъ душевной жизни; наконецъ, мы видимъ то состояніе, которое является послѣдствіемъ продолжительной и тяжелой душевной болѣзни, ея заключительнымъ періодомъ. Если такое состояніе развивается у обыкновеннаго человѣка, мы называемъ его вторичнымъ или заключительнымъ слабоуміемъ, но мы не имѣемъ права такъ назвать состояніе Гоголя, установившееся въ 1848 г. Въ самомъ дѣлѣ, если душевная болѣзнь значительно ослабляетъ душевныя силы, разрушаетъ душевную жизнь, то остается такъ мало, что слабость ума или слабоуміе бросаются въ глаза. Если такое несчастіе постигаетъ очень даровитаго человѣка, то остается все же больше, чѣмъ у неумныхъ людей. Я слышалъ лекцію весьма извѣстнаго ученаго, страдавшаго слабоуміемъ; не зная его болѣзни, я былъ удивленъ его плохой лекціей и не зналъ, чѣмъ объяснить, что лекція такого великаго ученаго ниже посредственныхъ. Потомъ я узналъ, въ чемъ дѣло. Понятно, что гениальный, богато одаренный Гоголь даже въ послѣднемъ періодѣ своей болѣзни превос-

ходилъ своимъ умомъ обыкновенныхъ смертныхъ. Какія опустошенія произвела болѣзнь, мы можемъ судить, сравнивая Гоголя 1838 и 1848 гг.; только при такомъ сравненіи мы можемъ понять, насколько подвинулся процессъ, насколько ослабѣли необычайныя душевныя силы Гоголя, насколько распалась нѣкогда поразительно богатая душевная жизнь гениальнаго сатирика.

И Сологубъ, и Бергъ замѣтили даже физическіе признаки распада душевной жизни Гоголя; Сологубъ замѣтилъ, что «тупо глядѣлъ на все окружающее его потускнѣвшій взоръ», «слова утратили свою неумолимую мѣткость»; этотъ знакомый Гоголя уже не сомнѣвался, что онъ «очень боленъ», что у него «затемнѣніе памяти»¹⁾.

По словамъ Берга²⁾, отъ прежняго Гоголя оставались однѣ развалины, и его взоръ потерялъ «прежній огонь и быстроту».

Самъ Гоголь ясно сознавалъ упадокъ физическихъ и духовныхъ силъ, причемъ объяснялъ это печальное явленіе старостью, забывая, что нормальная старость приходитъ гораздо позже. Смирновой Гоголь 23 XII 1850 пишетъ: «Мы, вѣдь, люди уже старые; что намъ за рауты? Вѣдь старики, по настоящему, должны только глядѣть другъ на друга, да благодарить Бога за все». Ту же мысль Гоголь высказывалъ и въ письмѣ къ Плетневу.

Какъ и всегда, Гоголь очень вѣрно понималъ состояніе своего здоровья; у него, дѣйствительно, какъ то бываетъ у лицъ съ патологической организаціей нервной системы, у вырождающихся, рано наступилъ старческій распадъ душевныхъ силъ, или какъ говорятъ, ранняя старость (*Senium praesox*). Все, что намъ извѣстно о состояніи его здоровья съ 1848 г. по день смерти, правильнѣе всего считать *Senium praesox*. Въ этомъ можетъ насъ убѣдить описаніе и анализъ этого состоянія, насколько возможно на основаніи имѣющихся у насъ свѣдѣній.

Значительное ослабленіе душевныхъ силъ, такъ сказать, объективно проявляется въ томъ, что за этотъ періодъ переписка Гоголя очень сокращается. Онъ пишетъ лишь необходимыя письма самымъ близкимъ знакомымъ, и эти письма отличаются краткостью, мало интересны; больше всего въ нихъ говоритъ онъ о слабости своего здоровья и проситъ за себя молиться.

1) Воспоминанія, «Историческій Вѣстникъ», 1886 г.

2) «Русская Старина» (1872, I, 126).

Гоголь самъ отмѣчаетъ эту печальную перемену, а 14 XII 1849 пишетъ Жуковскому: «Мнѣ нужно большее усиліе, чтобы написать не только письмо, но даже короткую записку. Что это? Старость или временное оцѣпенѣніе силъ? Сплю ли я или такъ сонно бодрствую, что бодрствование хуже сна?» Также весьма мѣтко этотъ великій даже въ послѣдніе годы своей жизни наблюдатель очертилъ свою неспособность къ работѣ: «Не могу понять, что со мной дѣлается. Отъ преклоннаго ли возраста, дѣйствующаго въ насъ вяло и лѣниво, отъ изнурительнаго ли болѣзненнаго состоянія, отъ климата ли, производящаго его, но я просто не успѣваю ничего дѣлать. Время летитъ такъ, какъ еще никогда не помню...» «Кажется, просидѣлъ за работой не больше какъ часъ, смотрю на часы — уже время обѣдать» (письмо Плетневу отъ 21 I 1851).

Еще болѣе откровенно говорить о своей ослабленной работоспособности Гоголь въ письмѣ къ Смирновой отъ 18 VII 1850: «Ничего не могу написать начисто, ошибаюсь безпрестанно, пропускаю, не дописываю, приписываю, надписываю сверху, испорчу десять бумаги и ничего не сдѣлаю».

Работа у Гоголя шла очень дурно, потому что у него ослабѣла высшая дѣятельность души — вниманіе, и произвольное мышленіе стало замѣняться непроизвольнымъ. Гоголь уже не могъ, какъ прежде, управлять ходомъ своихъ мыслей, что онъ весьма ясно и описалъ о. Матвѣю: «Далѣе мои мысли расхищаются, приходятъ въ голову незванные, непрошенные гости и уносятся помышленія, Богъ знаетъ куда, Богъ вѣсть въ какія мѣста, прежде чѣмъ успѣваю очнуться. Все какъ-то дѣлается не во-время: когда хочу думать объ одномъ, думается о другомъ; когда думаю о другомъ, думается о третьемъ» (письмо отъ 9 XI 1848). О весьма значительномъ ослабленіи вниманія говоритъ Гоголь и Чижев (Шенрокъ, IV, 725): «У меня все разстроено внутри; я, напримѣръ, вижу, что кто-нибудь спотыкнулся, тотчасъ же воображеніе за это ухватится, начнетъ развивать — и все въ самыхъ страшныхъ призракахъ. Они до того меня мучатъ, что не даютъ мнѣ спать и совершенно истощаютъ мои силы».

Изъ этихъ словъ вообще крайне скрытнаго Гоголя трудно заключить, какіе это были «призраки», его мучившіе и даже не дававшіе ему спать; были ли это навязчивыя идеи или обманы

чувствъ. Именно такія навязчивыя идеи весьма нерѣдки при психическомъ вырожденіи или дегенеративномъ помѣшательствѣ, и мнѣ не разъ приходилось наблюдать такія навязчивыя идеи ¹⁾, но призраками Гоголь могъ назвать и галлюцинаціи.

Вообще, я не могу согласиться съ д-ромъ Баженовымъ, категорически отрицающимъ галлюцинаціи у Гоголя; существованіе ихъ не вполне доказано — это вѣрно; но, зная, какъ нѣкоторые больные упорно и ловко скрываютъ свои обманы чувствъ, я не рѣшаюсь категорически отвѣтить на вопросъ, были ли у Гоголя обманы чувствъ? Въ самомъ дѣлѣ, какимъ путемъ онъ дѣлалъ свои душевныя открытія? Какимъ путемъ онъ получалъ отвѣты на свои просьбы, когда находился въ молитвенномъ экстазѣ? Какимъ путемъ онъ узнавалъ тѣ, по его убѣжденію, истины, которыя онъ проповѣдовалъ съ такою самоувѣренностью? О какихъ небесныхъ минутахъ, передъ которыми ничто всякое горе (письмо къ Жуковскому отъ 16 III 1847) говоритъ Гоголь, мы не знаемъ; но можно допускать, что именно это были минуты, когда его посѣщали небесныя видѣнія. Также намъ непонятно, о какихъ «чудныхъ явленіяхъ» писалъ Гоголь 7 VIII 1841 Данилевскому; мы знаемъ, что свое выздоровленіе въ 1840 г. Гоголь считалъ особою милостью Бога, какъ то считаютъ въ подобныхъ случаяхъ многіе; но явленія, о которыхъ пишетъ Гоголь, были такъ чудны, что «Римъ, какъ святиня, какъ свидѣтель чудныхъ явленій, совершившихся надо мною, пребываетъ вѣченъ». Никогда послѣ Гоголя *такъ* не выражался о своихъ выздоровленіяхъ; въ томъ же письмѣ, и это очень важно, Гоголь говоритъ, что «властью высшею облечено отнынѣ мое слово». Долженъ же былъ Гоголь имѣть матеріалы для такихъ заключеній, а такимъ матеріаломъ могли быть только обманы чувствъ. Къ такому выводу насъ приводитъ и то обстоятельство, что письмо писано въ 1841 г., а по свидѣтельству Боткина, именно въ 1840 г. были галлюцинаціи. С. Т. Аксаковъ ²⁾ сообщаетъ: «Но я слышалъ, что Гоголь во время болѣзни имѣлъ какія-то видѣнія, о которыхъ онъ тогда же рассказалъ ходившему за нимъ съ братскою нѣжностью и заботою купцу Н. П. Боткину, который случился на то время въ Римѣ». И С. Т.

¹⁾ Чижъ. „Учебникъ психіатріи“, 1902 г., стр. 470.

²⁾ Op. cit., стр. 46.

Аксаковъ, и Н. П. Боткинъ заслуживаютъ полного довѣрія, и я даже не могу допустить, чтобы Н. П. Боткинъ солгалъ, т.-е. сказалъ С. Т. Аксакову то, чего ему не говорилъ самъ Гоголь, а С. Т. Аксаковъ перепуталъ; каждое слово его воспоминаній дышитъ правдивостью.

Поэтому сомнѣніе д-ра Баженова въ достовѣрности этого факта рѣшительно ни на чемъ не основано, такъ же какъ и предположеніе, что галлюцинаціи были вызваны повышенной температурой, обусловленной римской маляріей; нѣтъ ни малѣйшаго основанія говорить о маляріи въ 1840 г., такъ какъ Гоголь въ 1840 г. заболѣлъ въ Вѣнѣ и поправился въ Римѣ.

Предполагать галлюцинаціи у Гоголя даже въ послѣдніе годы его жизни даетъ право слѣдующій рассказъ Кулиша. Когда въ 1851 г. Гоголь гостилъ у Смирновой, «онъ въ жары любилъ приходить въ домъ и садился на диванъ въ глубинѣ гостиной. Однажды хозяйка нашла его тамъ въ необыкновенномъ состояніи. Онъ держалъ въ рукѣ Четьи-Минеи и смотрѣлъ сквозь отворенное окно въ поле. Глаза его были какіе-то восторженные, лицо оживлено чувствомъ высокаго удовольствія: онъ какъ будто видѣлъ передъ собой что-то восхитительное. Когда А. О. заговорила съ нимъ, онъ какъ будто изумился, что слышитъ ея голосъ и съ какимъ-то смущеніемъ отвѣчалъ ей, что читаетъ житіе какого-то святого»¹⁾. Конечно, и эта сцена,—а достовѣрность разсказа не опровергнута,—не доказываетъ вполне, что у Гоголя въ домѣ Смирновой была галлюцинація, но болѣе чѣмъ вѣроятно, что Смирнова видѣла галлюцинирующаго Гоголя и что у него были зрительныя галлюцинаціи. Такъ какъ Смирнова не видѣла галлюцинантовъ, была, какъ дама истерическая, очень воспримчива, то, право, трудно даже допустить, чтобы она не вѣрно передала видѣнное ею. Я самъ не довѣряю многимъ воспоминаніямъ Смирновой, но это воспоминаніе правдиво именно потому, что если бы Смирнова что-либо тутъ добавила отъ себя, разсказъ не былъ бы такъ правдоподобенъ; читая эту сцену, прямо припоминаешь больныхъ галлюцинантовъ, которыхъ приходилось наблюдать. Восторженное выраженіе лица, устремленные въ опредѣленную точку глаза, изумленіе и смущеніе Гоголя—все это очень характерно именно для галлюцинанта.

¹⁾ „Записки о жизни Гоголя“, II, стр. 252.

Поэтому, не настаивая, что у Гоголя были обманы чувствъ, я допускаю ихъ существованіе; такое допущеніе объясняетъ намъ очень многое въ болѣзни и поведеніи Гоголя съ 1840 г.

Я понимаю, что споръ о томъ, были ли у Гоголя галлюцинаціи, не имѣетъ значенія уже по тому, что мы никогда не добудемъ безспорныхъ доказательствъ для его разрѣшенія, но весьма важно установить, что вся картина его болѣзни не вмѣщается въ рамки періодической меланхоліи, что болѣзнь его очень сложна, и по всей вѣроятности однимъ изъ ея симптомовъ были обманы чувствъ, объясняющіе намъ и проповѣдничество Гоголя, и его высокоуміе, достигшее крайнихъ предѣловъ послѣ 1840 г. Такъ какъ весьма вѣроятно, что Гоголь страдалъ обманами чувствъ, то вся картина его болѣзни и все его поведеніе намъ понятны, за исключеніемъ ухудшенія 1845 г.

Возвращаясь къ ослабленію вниманія въ послѣднемъ періодѣ жизни Гоголя, необходимо прибавить, что параллельно съ ослабленіемъ вниманія, какъ это всегда бываетъ, у больного ослабѣвала и воля. Гоголь вообще обладалъ сильной волей, рѣдкой самостоятельностью и значительной настойчивостью. Въ борьбѣ съ придирками цензуры по поводу «Мертвыхъ Душъ» Гоголь проявилъ удивительную энергію и большую находчивость. Тѣ же качества своей необычайно богатой натуры онъ проявилъ и при исканіи кафедры, въ снискиваніи себѣ средствъ къ жизни; можно лишь удивляться настойчивости, съ которой онъ завоевывалъ себѣ исключительное положеніе въ высшемъ свѣтѣ.

Съ 1848 г. онъ уже плыветъ по теченію, у него нѣтъ опредѣленныхъ плановъ: то онъ хочетъ поѣздить по Россіи, то жить зимой въ Крыму, то ѣхать въ Іерусалимъ, то ѣхать въ Грецію, то наконецъ поселиться на Аѳонской горѣ, а живетъ то въ Москвѣ, то въ Одессѣ, въ которую онъ пріѣхалъ, чтобы ѣхать въ Грецію, то у знакомыхъ, его приглашающихъ. Онъ даже не сумѣлъ выхлопотать себѣ заграничнаго паспорта, проситъ «совѣта» у гр. Орлова или министра внутреннихъ дѣлъ, нерѣшительно начинаетъ хлопоты о пособіи и въ концѣ-концовъ живетъ со дня на день, какъ придется.

Никакихъ опредѣленныхъ цѣлей и желаній у Гоголя теперь уже нѣтъ; онъ сознаетъ, что зимой ему въ Москвѣ жить не слѣдуетъ, но тѣмъ не менѣе остается жить въ Москвѣ. Вообще,

Гоголь проявляет несвойственную ему прежде пассивность, и можно думать, что въ Москвѣ онъ живетъ потому, что тамъ его съ полнымъ комфортомъ устроилъ у себя гр. Толстой.

Это ослабленіе воли проявляется въ капризномъ и причудливомъ поведеніи Гоголя; какъ намъ рассказываютъ очевидцы, особенно Бергъ, обладавшій трезвымъ умомъ, Гоголь уже ничуть не беспокоилъ себя соблюденіемъ самыхъ элементарныхъ требованій общежитія. Арнольдъ утверждаетъ, что «безцеремонность Гоголя бросалась въ глаза» ¹⁾, Данилевскій рассказываетъ, что когда Гоголь былъ у него въ Кіевѣ, къ Данилевскимъ собрались профессора и представители кіевской интеллигенціи съ исключительной цѣлью познакомиться съ авторомъ «Мертвыхъ Душъ», Гоголь скрылся изъ дома Данилевскаго, чѣмъ, конечно, очень огорчилъ своего «друга». Бергъ рассказываетъ: «Шевыревъ жаловался мнѣ, что онъ принимаетъ самыхъ ближайшихъ къ нему *черезчуръ по-царски*; что свиданія ихъ стали похожи на аудіенціи. Черезъ минуту послѣ двухъ-трехъ словъ ужъ онъ дремлетъ и протягиваетъ руку: извини! Дремлется что-то. А когда гость уѣзжалъ, Гоголь вскакивалъ съ дивана и начиналъ ходить по комнатѣ» ²⁾. Какъ слышалъ Шенрокъ (IV. 757) отъ Бартенева, Гоголь такъ держалъ себя у Хомяковыхъ: «онъ капризничалъ неимоверно, приказывая по нѣскольку разъ то приносить, то уносить какой-нибудь стаканъ чая, который никакъ не могли ему налить по вкусу; чай оказывался то слишкомъ горячимъ, то крѣпкимъ, то *черезчуръ* разбавленнымъ, то стаканъ былъ слишкомъ полонъ, то, напротивъ, Гоголя сердило, что налито слишкомъ мало». «Въ разговорахъ, какъ мы слышали изъ разныхъ источниковъ, Гоголь часто не принималъ участія, молча и презрительно поглядывая на собесѣдниковъ». По словамъ Берга: «Появленіе его (Гоголя) на вечерѣ, иной разъ нарочно для него устроенномъ, было почти всегда минутное. Пробѣжить по комнатамъ, взглянуть, посидить гдѣ-нибудь на диванѣ, большею частью совершенно одинъ; скажетъ съ инымъ пріятелемъ два-три слова изъ благоприличія, небрежно, Богъ вѣсть, гдѣ витая въ то время своими мыслями, и былъ таковъ».

¹⁾ Op. cit., стр. 83.

²⁾ Op. cit., стр. 127.

Конечно, съ людьми, умѣвшими его сдерживать и ему нужными, Гоголь держалъ себя иначе, и когда Базили, чтобы поддержать свой престижъ передъ арабами, осадилъ его, Гоголь прекратилъ капризы и неприличные выходки.

Въ хорошемъ расположеніи духа Гоголь былъ любезенъ, разговорчивъ, шутилъ, пѣлъ пѣсни и т. п.; однимъ словомъ, онъ дѣлалъ то, что ему нравилось, не имѣя уже силъ сдерживать себя передъ «существователями», хотя бы и оказавшими ему много услугъ, напр., передъ Шевыревымъ. Вѣдь и прежде Гоголь свысока относился ко всѣмъ, кромѣ лицъ, на него смотрѣвшихъ, какъ на оракула, и, конечно, «властей придерживающихъ», но все же имѣлъ достаточно воли, чтобы сдерживать себя въ границахъ приличія; теперь, съ ослабленіемъ, воли онъ вполне руководился своимъ настроеніемъ, дѣлалъ то, что ему нравилось.

Такъ какъ настроеніе Гоголя было неустойчиво, зависѣло въ высшей степени отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, то и въ поведеніи его были большія колебанія, удивлявшія его знакомыхъ. Въ дорогѣ онъ обыкновенно былъ веселъ и благодушенъ; когда чувствовалъ себя плохо, то не могъ владѣть собою при малѣйшей непріятности. Такъ Арсеньевъ рассказываетъ, что когда Капнистъ бывшаго у него въ гостяхъ Гоголя знакомилъ съ пріѣхавшимъ М. Н. Муравьевымъ: «Рекомендую вамъ моего добраго знакомаго, хохла, какъ и я, Гоголя», великій сатирикъ такъ разсердился на эту «непрошенную» (по выраженію Гоголя) рекомендацію, что сказалъ дерзость Муравьеву и, «ни съ кѣмъ не простившись, тотчасъ же уѣхалъ». Гоголь, конечно, и въ послѣднемъ періодѣ жизни былъ достаточно уменъ для того, чтобы понимать, насколько самодурство унижаетъ человѣческое достоинство.

Чувствованія также ослабѣли въ этомъ періодѣ болѣзни Гоголя; едва ли можно сомнѣваться въ ослабленіи у него эстетическихъ чувствованій когда онъ рѣшилъ исключить «Вечера» изъ подготавлиаемаго имъ изданія своихъ сочиненій: «Много въ нихъ незрѣлаго», отвѣчалъ спокойно Гоголь Бодянскому, когда тотъ убѣждалъ его не посягать «на одно изъ самыхъ свѣжихъ произведеній своихъ» (Шенрокъ, IV, 815 — 16). Набожность, усиливавшаяся въ Гоголѣ, конечно, не могла подвинуть на такое рѣшеніе.

Сестра гениальнаго писателя поразила равнодушіемъ Гоголя къ семьѣ и къ Васильевкѣ, когда онъ посѣтилъ ихъ въ 1848 году. Въ своемъ дневникѣ Е. В. Гоголь отмѣтила уже въ день прѣзда «такой холодный и равнодушный къ намъ»; на слѣдующій день «все утро мы не видѣлись съ братомъ! Грустно: не видѣлись шесть лѣтъ и не сидитъ съ нами»; на четвертый день «братъ все такой же холодный, серьезный».

Эту холодность или черствость замѣчалъ въ себѣ и Гоголь; въ Иерусалимѣ онъ уже убѣдился, что «никогда еще такъ ощутительно не видѣлась мнѣ моя безчувственность, черствость и деревянность». На ту же черствость сердца жалуется многострадаальный поэтъ и въ письмѣ къ Жуковскому отъ 28 II 1850 года, въ которомъ, по его настоятельной просьбѣ, передаетъ свои впечатлѣнія Палестины. Гоголь настаиваетъ, что онъ уже утратилъ и яркость воспріятія, и живость чувствованій. «Что могутъ доставить тебѣ мои сонныя впечатлѣнія? Видѣлъ я, какъ во снѣ, эту землю»... «Какъ сквозь сонъ видится мнѣ самый Иерусалимъ»... «Никакихъ другихъ видовъ, особенно поразившихъ, не вынесла сонная душа» ¹⁾.

Наконецъ, значительнымъ ослабленіемъ чувствованій и вообще прогрессирующимъ распадомъ душевной жизни можно объяснить удивительное сватовство гениальнаго сатирика къ А. М. Вьельгорской. Шенрокъ доказалъ, что оно было въ 1850 году, то-есть когда духовныя силы Гоголя ослабѣли уже въ значительной степени; такое сватовство едва ли было возможно въ 1848 г.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что Гоголь, удивительно понимавшій людей, прежде никогда не сдѣлалъ бы такой попытки просто потому, что вполне ясно предвидѣлъ бы, что онъ получитъ отказъ, что такой бракъ невозможенъ. Теперь же онъ самъ поставилъ себя въ положеніе крайне тяжелое, особенно для самолюбиваго, преисполненнаго высокомѣрія челоѣка.

Также прежде Гоголь не рѣшился бы свататься къ молодой дѣвушкѣ, такъ какъ зналъ, что ему нужна не жена, а уче-

¹⁾ Матвѣевъ („Русская Старина“, 1903, II, 301) находитъ, что художественность описанія Палестины въ этомъ письмѣ доказываетъ неосновательность мнѣнія объ упадкѣ творчества Гоголя въ послѣдніе годы его жизни. Еще одно доказательство того, что, гдѣ замѣшаны политическія симпатіи, споръ бесполезенъ.

ница и сидѣлка; ужъ очень жестоко загубить чужую жизнь, а, конечно, если бы А. М. приняла предложеніе Гоголя, то ея участь была бы крайне печальная. Нельзя также забывать, что у Гоголя именно въ то время не было никакихъ средствъ и слѣдовательно онъ думалъ жить на средства жены или ничего не думалъ объ этой сторонѣ дѣла.

Шенрокъ (IV, 737) говоритъ: «Это увлеченіе его могло быть только болѣзненной вспышкой фальшиваго огня»; дѣйствительно, такая болѣзненная вспышка фальшиваго огня бываетъ иногда при старческомъ распадѣ душевной жизни; увы, случилось это и съ гениальнымъ сатирикомъ. Кто не слыхалъ объ удивительныхъ бракахъ дряхлыхъ стариковъ; болѣзненная вспышка уже потухающаго огня толкаетъ такихъ больныхъ въ объятія самыхъ грязныхъ эгоистокъ. Нельзя отрицать, что предложеніе великимъ сатирикомъ было сдѣлано отчасти вслѣдствіе такой вспышки; можетъ быть и тутъ нѣкоторую роль играла послѣдняя вспышка передъ окончательнымъ угасаніемъ всегда крайне слабого полового чувствованія, хотя, несомнѣнно, симпатія къ А. М. главнымъ образомъ была обусловлена полной преданностью графини Гоголю. Ослабленіе высшихъ нравственныхъ чувствованій лишило Гоголя возможности критически отнестись къ своему намѣренію, подавить въ себѣ желаніе устроиться вмѣстѣ съ преданной и симпатичной ему ученицей.

Я не думаю, чтобы у Гоголя было настоящее ослабленіе памяти; его жалоба на «начинающую тупѣть память» (письмо къ Маркевичу отъ 6 XII 1849) можетъ быть просто преувеличеніемъ ипохондрика. Болѣе имѣетъ значенія заявленіе Гоголя въ письмѣ къ Плетневу отъ 7 VI 1848: «Я начинаю позабывать порядокъ дѣлъ моихъ», особенно потому что Гоголь прежде отличался удивительной памятью и всегда прекрасно помнилъ всѣ свои дѣла, но и это заявленіе не имѣетъ рѣшающаго характера, и потому болѣе вѣроятно, что память гениальнаго сатирика не пострадала.

Жалобы Гоголя на бѣдность мыслей не прекращаются въ письмахъ за этотъ періодъ; 14 IV 1848 онъ пишетъ Шевыреву: «Ничего не мыслится и не пишется; голова тупа»; 3 IV 1849 Жуковскому: «Нашло на меня такое оцѣпенѣніе»; 28 XI 1849 Смирновой: «У меня все лѣниво и сонно. Работа движется медленно»; Смирновой 18 VII 1850: «Я нахожусь въ

какомъ-то нравственномъ безсиліи». Особенную грусть вызываетъ жалоба Гоголя: «Бѣдная моя голова... Трудно, трудно бываетъ мнѣ» (письмо къ матери отъ 2 IX 1851). Какъ ни притупляются нервы при чтеніи исполненныхъ однообразныхъ жалобъ писемъ Гоголя, но чтеніе этихъ ужасныхъ строкъ вызываетъ крайне тяжелое чувство; это стонъ изстрадавшагося, измученнаго человѣка. Несчастный гениальный поэтъ проситъ мать: «Молитесь обо мнѣ, добрый моя, родная душѣ, моя матушка. Часто мнѣ бываетъ трудно, очень, очень трудно».

Распадъ душевной жизни великаго писателя выражался и ослабленіемъ умственныхъ интересовъ; Гоголь всегда жилъ напряженной умственной жизнью, всегда у него были серьезные интересы; теперь же онъ самъ замѣчаетъ, что его ничего не интересуетъ: «Не могу понять, отчего не пишется и отчего не хочется говорить ни о чемъ. Можетъ быть, оттого, что не стало, наконецъ, ничего любопытнаго на свѣтѣ. Нѣтъ извѣстій». Это писалъ Гоголь 3 IV 1849, то-есть когда совершались великія историческія событія. Дѣйствительно, новыхъ мыслей Гоголь уже не высказываетъ, если не считать интереса къ «Домострою», поученіями котораго онъ увлекался.

Гоголь, какъ это нерѣдко бываетъ со стариками, возмущается своимъ временемъ; оно кажется ему особенно грѣховнымъ, развратнымъ; все, по его мнѣнію, идетъ дурно. Въ письмѣ А. М. Вельгорской (1848) онъ пишетъ, что живетъ «среди явленій потрясающихъ», «посреди потрясающей безтолковщины». Данилевскому 24 VIII 1848: «Никто не можетъ вынести страшной тоски этого роковаго переходнаго времени и почти у всякаго ночь и тьма во кругъ». Данилевскому 24 X 1848 Гоголь пишетъ: «Я теперь серьезно задумался о томъ, служить ли тебѣ, добиваться ли мѣста въ нынѣшнее время, когда все такъ невѣрно, когда завтра не знаешь, что будетъ». Рано состарившійся Гоголь думаетъ, что «теперь время лжей и слуховъ» (письмо къ матери 24 V 1850), «что бракъ теперь не есть пристроеніе къ мѣсту. Только и слышишь теперь раздоры между родителями и дѣтьми, только и слышишь о томъ, что нечѣмъ вскормить, не на что воспитать, некуда пристроить дѣтей. И какъ вспомнишь, сколько въ послѣднее время дотолѣ хорошихъ людей сдѣлались ворами и грабителями... Будущее не вѣрно» (письмо къ матери 5 VII 1851). Наконецъ, онъ пугаетъ мать, «что (съ) каждымъ годомъ будетъ затруднительнѣе до-

стать мѣсто, труднѣе воспитывать дѣтей, бѣдственнѣй всѣмъ, имѣющимъ семейство». Эти совѣты ужъ старческія мысли сопровождаются характерными для стариковъ совѣтами: Гоголь совѣтуетъ бережливость, запасливость.

Идеи величія, выступавшія на первый планъ въ предыдущемъ періодѣ, теперь только иногда проскальзываютъ въ письмахъ Гоголя; онъ еще даетъ совѣты, но уже въ скромной формѣ, присоединяетъ къ нимъ просьбу; въ своемъ духовномъ завѣщаніи онъ поучаетъ друзей, а матери и сестрамъ приказываетъ: «По кончинѣ моей никто изъ нихъ уже не имѣетъ права принадлежать себѣ, но--всѣмъ тоскующимъ».

При сравненіи съ письмами предыдущаго періода, несомнѣнно, что идеи величія отступили на второй планъ, что Гоголя эти идеи мало интересовали, мало занимали, что онъ едва ли былъ теперь убѣжденъ въ томъ, что его слово облечено высшей властью. Правда, въ его поведеніи были видны идеи величія; иначе нельзя объяснить ужаснаго высокомерія, оскорблявшаго даже поклонниковъ великаго поэта. Но мы знаемъ, что отступившія на задній планъ идеи величія еще долго проявляются въ поведеніи больныхъ, въ манерѣ себя держать; можетъ быть, тутъ имѣетъ значеніе привычка. Особенно бросается въ глаза несоответствіе между содержаніемъ сознанія и поведеніемъ при распадѣ душевной жизни. Бывшія галлюцинаціи, давно забытыя идеи бреда нерѣдко мы можемъ узнать именно по манерѣ себя держать, по поведенію больного. Вѣдь и многострадальный Гоголь въ послѣднемъ періодѣ своей жизни ничѣмъ не мотивировалъ, ничѣмъ не оправдывалъ своего высокомернаго, исполненаго презрѣнія ко всѣмъ существователямъ поведенія. Напротивъ Гоголь постоянно толковалъ о необходимости смиренія, о своей грѣховности, своей неспособности работать, просилъ всѣхъ за себя молиться, заказывалъ молебны. Вѣдь очевидно, что поведеніе его не соответствовало содержанію сознанія въ данное время, но соответствовало содержанію сознанія предшествовавшаго періода, когда на первомъ планѣ были идеи величія.

Уже это несоответствіе между содержаніемъ сознанія и поведеніемъ указываетъ на значительный распадъ душевной жизни; вѣдь не нужно обладать даже выдающимся умомъ Гоголя, чтобы понять, что такое поведеніе недостойно грѣшнаго, сознающаго свое несовершенство человѣка, и если бы въ послѣдній періодъ

своей жизни онъ обладалъ всѣми своими богатыми способностями, онъ и держалъ бы себя, какъ кроткій, сознающій свою грѣховность человѣкъ, стремящійся къ совершенствованію. Вѣдь онъ видѣлъ, какъ держалъ себя гр. Толстой, какъ простъ и непритязателенъ былъ этотъ его другъ. Арнольдъ категорически утверждаетъ, что Гоголь имѣлъ «странную претензію знать все лучше другихъ».

Гоголь въ послѣдніе годы своей жизни много думалъ о своей грѣховности, о своей неспособности даже молиться и больше всего боялся смерти. Мы не знаемъ, какіе именно грѣхи приписывалъ себѣ Гоголь, но его отчаяніе, его постоянный страхъ передъ смертью, его возрастающая набожность—все это нерѣдко наблюдается именно у стариковъ, и при томъ у лицъ, у которыхъ старость наступила рано. Кто не зналъ стариковъ, бурно прожившихъ жизнь, постоянно твердящихъ о своихъ грѣхахъ и о грядущемъ возмездіи, постоянно боящихся смерти, заказывающихъ молебны, ставящихъ свѣчи, кладущихъ земные поклоны. Обыкновенно такіа лица въ теченіе своей жизни были вполнѣ индифферентны къ вѣрѣ, смѣялись надъ «попами», рассказывали непечатные анекдоты о монахахъ и т. п. Когда же наступаетъ старость, и, какъ я многократно убѣждался, перерожденіе сердца и сосудовъ достигаютъ значительной степени, тогда сознаніе своего безсилія вмѣстѣ съ безотчетнымъ страхомъ порождаетъ у этихъ лицъ идеи грѣховности, боязнь за будущее; они ищутъ, но — увы! — не находятъ себѣ утѣшенія въ молитвѣ, постѣ, соблюденіи тѣхъ предписаній церкви, которыхъ прежде не исполняли. Такъ какъ процессъ идетъ впередъ, и страхъ смерти усиливается, то они просятъ молиться за себя другихъ, заказываютъ молебны, жертвуютъ на богоугодныя учрежденія и т. д. Извѣстно, что католическіе монахи и монахини умѣло эксплуатировали въ свою пользу этотъ страхъ больныхъ и отлично обдѣлывали свои дѣла.

Такое же настроеніе и такіа же мысли были у Гоголя въ послѣднемъ періодѣ его многострадальной жизни. Старческій распадъ душевныхъ силъ, ранняя физическая дряхлость проявлялись ничѣмъ не обоснованнымъ страхомъ; онъ боялся загробной жизни, боялся и смерти, тяготился и жизнью. Дѣйствительно, къ жизни его уже ничто не привязываетъ, и она ему въ тягость; ему ужъ «не любъ» тотъ почетъ, какимъ онъ окруженъ;

слава величайшаго художника его не радуетъ, такъ какъ онъ даже сомнѣвается въ полезности своихъ художественныхъ произведеній; онъ никого и ничего не любитъ. Онъ то принимается за продолженіе «Мертвыхъ Душъ», то мечтаетъ составить географію Россіи, начертанную сильнымъ живымъ слогомъ, но жесткая къ нему судьба еще сохранила ему способности настолько, что въ лучшія свои минуты онъ сознаетъ свое безсиліе, сознаетъ, что его геній уже угасъ.

Какъ ни тяжела была жизнь несчастному поэту, онъ боится смерти, и этотъ страхъ, крайне мучительный, не покидаетъ его. Путешествіе въ Іерусалимъ, посѣщеніе Оптиной пустыни, молитвы о. Матвѣя, матери—все это ничуть не успокаиваетъ Гоголя, потому что процессъ идетъ впередъ. Нельзя безъ волненія читать его письма къ матери, въ которыхъ онъ все горячѣе и настойчивѣе умоляетъ ее молиться за него. Въ концѣ 1851 г. онъ ей пишетъ письмо въ нѣсколько строчекъ, состоящее изъ горячей просьбы молиться за него: «Никогда такъ не чувствовалъ потребности молитвъ вашихъ, добрѣйшая моя матушка. О, молитесь, чтобы Богъ меня помиловалъ»... «Ваши постоянныя молитвы обо мнѣ такъ теперь мнѣ нужны, такъ нужны — вотъ все, что умѣю вамъ сказать! О, да поможетъ вамъ Богъ обо мнѣ молиться». Бросается въ глаза, что дряхлѣющій и тѣломъ, и душой поэтъ проситъ молиться только о себѣ, самъ молится только о себѣ и ни о чемъ другомъ, какъ и всѣ больные; онъ не беспокоится о спасеніи своихъ родныхъ, своихъ друзей; онъ весь поглощенъ страхомъ грядущаго возмездія и страхомъ смерти. Конечно, всѣ люди, въ большей или меньшей степени, боятся смерти, боятся грядущаго возмездія или, по крайней мѣрѣ, неизвѣстности, но *hic modus in rebus*. Только больные и чаще всего больные старики такъ боятся смерти и грядущаго возмездія, какъ боялся Гоголь въ послѣдніе годы своей жизни.

Распадъ душевныхъ силъ прогрессировалъ, увеличивалась и набожность Гоголя; когда онъ чувствовалъ себя лучше, онъ меньше боялся смерти, не такъ настойчиво просилъ молиться за себя. Я уже говорилъ, что у постели больныхъ, я часто видѣлъ набожность людей, даже не религіозныхъ, подъ вліяніемъ страха смерти исполняющихъ предписанія церкви. По выздоровленіи набожность исчезаетъ, прекращается хожденіе въ церковь, соблюденіе постовъ; молебны больше не заказываются, свѣчи не

ставятся; больному хуже, опять онъ становится набожнымъ. Истинно религиозные люди не боятся разстаться съ этимъ міромъ, съ теплой вѣрой ожидаютъ жизни, и даже нѣтъ ни печали, ни воздыханія.

Во всякомъ случаѣ набожность Гоголя ничуть не превышала набожности очень, очень многихъ больныхъ и дряхлыхъ стариковъ; она обращала на себя вниманіе, потому что Гоголь былъ еще молодъ, а въ его годы дѣйствительно такая набожность наблюдается рѣдко.

Гоголь и въ послѣдніе годы своей жизни не былъ аскетомъ и мистикомъ. Онъ пользовался всѣми доступными ему благами жизни, когда гостилъ у Смирновыхъ, даже одѣвался франтовато, хотя крайне безвкусно, держалъ особаго слугу; однимъ словомъ, жилъ такъ, какъ жили богатые люди. Едва ли вѣрно, что все его имущество помѣщалось въ чемоданъ и портфель, такъ какъ у него было много книгъ духовнаго содержанія. Впрочемъ, ему и не было надобности заботиться о житейскихъ удобствахъ, такъ какъ вообще эти крайне непріятныя хлопоты онъ возложилъ на своихъ друзей. Я вполне согласенъ съ д-ромъ Баженовымъ, что о мистицизмѣ Гоголя не можетъ быть и рѣчи; вѣдь съ такимъ же правомъ намъ пришлось бы считать мистиками и замоскворѣцкихъ купчихъ. Настоящіе мистики меньше всего хлопотали объ излѣченіи своихъ недуговъ; они преслѣдовали болѣе возвышенныя цѣли; съ вполне безкорыстною любовью ихъ душа стремилась къ Вѣчному; они старались постигнуть тайны не для того, чтобы выздороветь отъ болѣзни; они не боялись смерти, напротивъ, земное существованіе для нихъ не имѣло особой цѣны. Можно лишь удивляться какъ создалась, и какъ удержалась легенда о мистицизмѣ Гоголя; даже досадно, что на это заблужденіе указалъ Мельхиоръ де Вогюэ, хотя еще Бѣлинскій вполне вѣрно и весьма ясно указывалъ на источникъ или причину набожности Гоголя: «болѣзненной боязнію смерти, чорта и ада вѣтеть отъ вашей книги» ¹⁾.

Х.

С. Т. Аксаковъ совершенно вѣрно говорилъ о Гоголѣ: «Я не знаю, любилъ ли кто-нибудь Гоголя исключительно какъ человека. Я думаю — нѣтъ, да это и невозможно... Всякому было

¹⁾ Барсуковъ, Т. 8, стр. 605.

очевидно, что Гоголю ни до кого нѣтъ дѣла» ¹⁾. То же самое говоритъ Бергъ: «дѣйствительнаго друга у Гоголя, кажется, не было во всю жизнь» ²⁾.

Справедливость заключенія С. Т. Аксакова и Берга подтверждаетъ самъ Гоголь въ своихъ письмахъ. Такъ, С. Т. Аксакову онъ писалъ: «Я былъ въ состояніи всегда любить всѣхъ вообще, но любить кого-либо особенно предпочтительно я могъ только изъ интереса». Еще болѣе ясно онъ высказался въ письмѣ къ Смирновой отъ 2. IV. 1845 г.: «Теперь же покаместъ и мнѣ всѣ чужіе, и я всѣмъ чужой».

Казалось бы, что такое заключеніе опровергается тѣмъ обстоятельствомъ, что у Гоголя было много «друзей», много знакомыхъ, съ которыми онъ поддерживалъ переписку, услугами которыхъ онъ пользовался. Изучая дружескія отношенія Гоголя, необходимо согласиться съ мнѣніями С. Т. Аксакова и Берга, потому что дѣйствительнаго друга, за исключеніемъ Данилевскаго, въ молодости у Гоголя не было. Гоголя настолько цѣнили лучшіе люди того времени, что онъ могъ выбирать себѣ друзей; очень многіе желали завязать дружескія отношенія съ гениальнымъ писателемъ. Но Гоголь такъ себя держалъ по отношенію къ своимъ поклонникамъ, что даже благодушный С. Т. Аксаковъ долженъ былъ придти къ заключенію, что Гоголя, какъ человека, любить было невозможно. Я рѣшительно не могу понять, какъ психіатръ, д-ръ Баженовъ, можетъ объяснять развитіе Гоголя обстановкой, въ которой онъ жилъ. Д-ръ Баженовъ (стр. 31) говоритъ: «Его личныя отношенія сложились такъ, что онъ почти не зналъ Бѣлинскаго, но хорошо зналъ Шевырева, не былъ знакомъ съ Грановскимъ, но былъ близокъ съ Погодинымъ, не встрѣчался съ Герценомъ, хотя и слышалъ о немъ». Удивительно, какъ д-ръ Баженовъ не принялъ во вниманіе, что каждый выбираетъ себѣ подходящія знакомства, сходитъ съ людьми, ему симпатичными по характеру и убѣжденіямъ, и потому необходимо объяснить, отчего Гоголь упорно уклонялся отъ знакомства съ Герценомъ, не сблизился съ Бѣлинскимъ и В. П. Боткинымъ, А. И. Тургеневымъ и былъ друженъ съ Шереметевой, о. Матвѣемъ. Также совершенно ошибочно д-ръ Ба-

¹⁾ Тамъ же, стр. 199.

²⁾ „Русская Старина“, 1872, т. I, стр. 118.

женовъ объясняетъ развитіе и убѣжденія Гоголя духомъ времени, эпохой; напомнимъ, что Бѣлинскій родился въ 1810 г., Герценъ—въ 1812 г., Грановскій, Огаревъ и Станкевичъ—въ 1813 году, Бакунинъ—въ 1814 г.; очевидно, что и въ то время, какъ, впрочемъ, и всегда, были люди весьма различныхъ направленій. Психологъ и психіатръ долженъ объяснить почему, на основаніи какихъ мотивовъ, выбиралъ себѣ друзей Гоголь, почему онъ сближался съ Погодинымъ, Жуковскимъ, Шереметевой, Смирновой, почему онъ не писалъ изъ-за границы Пушкину, не пожелалъ сблизиться съ Бѣлинскимъ и даже не отвѣтилъ на его письмо, почему онъ не сошелся съ Грановскимъ и не желалъ познакомиться съ Герценомъ.

Гоголь выбиралъ себѣ друзей съ извѣстной системой; въ выборѣ знакомствъ не было случайности, и хотя трудно найти что-либо общее между Пушкинымъ и Шереметевой, однако внимательное изученіе переписки Гоголя и его біографіи вполне объясняетъ намъ крайне разнородныя знакомства Гоголя. Прежде всего поражаетъ, что Гоголь ни съ кѣмъ не поддерживалъ дружбы только по общности взглядовъ и стремленій; между друзьями Гоголя нѣтъ ни одного чисто идейнаго друга, чловѣка равнаго Гоголю, однихъ съ нимъ взглядовъ и стремленій; Гоголь и не искалъ такихъ друзей.

Всѣхъ друзей Гоголя мы можемъ раздѣлить на двѣ категоріи: одни ему были полезны, другіе были его учениками; самымъ близкимъ другомъ Гоголя была Смирнова, потому что она была и полезна ему, и была почтительной его послѣдовательницей.

Кто не могъ быть полезенъ Гоголю, не раздѣлялъ его взглядовъ, не подчинялся ему, тотъ не могъ быть ему другомъ. Больной поэтъ не могъ интересоваться убѣжденіями, стремленіями, не могъ интересоваться людьми; ему были нужны средства для лѣченія, средства для жизни безъ обязательнаго труда, къ которому вслѣдствіе болѣзни онъ былъ неспособенъ, нужны были преданные ученики, признающіе его неизмѣримое превосходство, и потому онъ выбиралъ себѣ друзей, которые оказывали ему услуги, которые смотрѣли на него, какъ на оракула. Казалось бы странно, что Гоголь могъ быть друженъ и съ Пушкинымъ, и съ Погодинымъ, и съ Шереметевой, но Пушкинъ хлопоталъ для него о кафедрѣ, давалъ ему темы для художественныхъ про-

изведеній, Погодинъ давалъ деньги займы, принималъ въ своемъ домѣ Гоголя, его мать и сестеръ, а Шереметева молилась о его выздоровленіи. Пушкинъ, Жуковскій, С. Т. Аксаковъ, Погодинъ, Шевыревъ, Плетневъ, Прокоповичъ, Смирнова, Шереметева, Толстой—всѣ эти друзья были полезны Гоголю; они или добывали ему пособія, или давали займы деньги, хлопотали объ его изданіяхъ и т. п. Анненковъ, Ивановъ, Языковъ, Вьельгорскіе, Смирнова удостоивались дружбы, потому что почтительно выслушивали наставленія Гоголя, были преданными учениками и притомъ также оказывали услуги: Анненковъ переписывалъ «Мертвыя Души», Языковъ давалъ деньги займы, Вьельгорскіе радушно принимали въ своемъ аристократическомъ домѣ великаго сатирика. Понятно, что при такомъ подборѣ друзей Гоголь не могъ сойтись съ людьми, которые не могли ему быть полезны, не соглашались съ нимъ; такъ, когда Гоголь убѣдился, что Бѣлинскій не можетъ быть ему полезенъ въ борьбѣ съ цензурой, онъ прекратилъ съ нимъ отношенія, а про А. И. Тургенева писалъ: «несетъ дичь».

Въ выборѣ друзей, въ сношеніяхъ съ ними весьма ясно сказалась патологическая организація Гоголя, его болѣзнь. Только въ молодости онъ поддерживалъ настоящія дружественныя отношенія со своими нѣжинскими товарищами, но уже и тогда онъ былъ скрытенъ и высокомеренъ. Потомъ онъ выбиралъ себѣ друзей съ большимъ знаніемъ людей, поддерживалъ полезные знакомства и даже сумѣлъ найти себѣ поклонницъ въ самомъ высшемъ кругу общества. Однако, вслѣдствіе своей болѣзни онъ никого не могъ привязать къ себѣ, никто не любилъ его, какъ чловѣка. «Въ воспоминаніяхъ о Гоголѣ близко знавшихъ его лицъ намъ приходилось часто слышать какія-то восторженно-умилительныя ноты, и при томъ отъ такихъ, которыя цѣнили въ немъ, какъ, напр., покойная княжна Репнина, именно чловѣка, а не писателя. Въ признаніи за Гоголемъ чего-то величественнаго и прекраснаго сходились они всѣ, но подтвердить этого фактически или облечь свое впечатлѣніе въ строго опредѣленную рамку никто изъ нихъ не могъ, не исключая, быть можетъ, также и Анненкова» (Шенрокъ, II, 360). Дѣйствительно, Гоголь былъ великъ, какъ гениальный художникъ, какъ глубокій знатокъ чловѣческихъ слабостей, но онъ былъ больной чловѣкъ, и потому его друзья и поклонники не могли

его понимать, не могли облечь свои впечатлѣнія въ строго опредѣленную рамку.

Для психіатра крайне интересно изучить отношенія Гоголя къ его друзьямъ, изучить эту сторону его жизни, во-первыхъ, потому что тутъ ярко проявлялась его болѣзнь, во-вторыхъ, для того, чтобы объяснить, какъ выбиралъ друзей Гоголь, какъ къ нимъ относился. Если бы Гоголь не былъ боленъ, то онъ нашелъ бы себѣ другихъ друзей, завязалъ бы дружескія отношенія съ передовыми умами своего времени. Если бы онъ не былъ боленъ, то при своей гениальности ясно бы сознавалъ, что человечество признавало своими вождями и благодѣтелями только тѣхъ, кто велъ его впередъ, къ свѣту.

Разсмотрѣніе хотя и краткое дружескихъ отношеній Гоголя даетъ новое доказательство его болѣзни, выясняетъ до какой степени болѣзнь вліяла на поведеніе многострадальнаго поэта, лишила его возможности любить людей, любить хорошее въ людяхъ.

Понятно, что въ жизни писателя самую большую роль должна играть дружба или, по крайней мѣрѣ, знакомство съ писателями, учеными, художниками. Каждый выбираетъ себѣ друзей въ зависимости отъ своего темперамента, взглядовъ, направленія, вкусовъ и потому очень важно разсмотрѣть литературныя связи Гоголя, выяснить, кто были его друзья изъ среды писателей и ученыхъ.

Тутъ прежде всего насъ поражаетъ, что чисто интеллектуальныя, не дѣловыя отношенія у Гоголя были только къ Пушкину, да и то можно думать, что даже дружба съ Пушкинымъ была не лишена практической подкладки. Мы, конечно, никогда не узнаемъ, какъ относился Гоголь къ Пушкину, о чемъ они бесѣдовали, но слѣдя за жизнью Гоголя, зная каковы были отношенія Гоголя къ другимъ выдающимся лицамъ, необходимо придти къ заключенію, что Гоголь не былъ подъ вліяніемъ Пушкина. Гоголю, конечно, была крайне лестна дружба великаго поэта, котораго онъ заставилъ хлопотать у Уварова о кафедрѣ, темами котораго онъ пользовался. Въ 1835 г. послѣ «На выздоровленіе Лукулла» отношенія Гоголя къ Пушкину, очевидно, измѣнились настолько, что автора Ревизора ничуть не интересовала драма, переживаемая въ то время Пушкинымъ. Въ 1836 г. Гоголь настолько безучастенъ къ Пушкину, что безъ малѣйшаго колеба-

нія оставляетъ Петербургъ и, слѣдовательно, лишаетъ себя возможности пользоваться совѣтами и указаніями Пушкина. Впрочемъ, и въ 1834 г. онъ ничуть не колебался переѣхать въ Кіевъ, и тогда общество и «дружба» Пушкина значили для Гоголя очень мало. Уѣзжая надолго въ 1836 г. изъ Россіи, Гоголь такъ мало думалъ о Пушкинѣ, что даже не навѣстилъ великаго поэта, чтобы попрощаться съ нимъ, попросить у него передъ долгой разлукой совѣтовъ и указаній. Само собою разумѣется, что Гоголь не могъ считать себя виновнымъ въ этомъ недостаткѣ вниманія по отношенію къ гениальному поэту, такъ много сдѣлавшему для Гоголя. Въ письмѣ къ Жуковскому отъ 16. VI. 1836 Гоголь пишетъ: «Даже съ Пушкинымъ я не успѣлъ и не могъ проститься: впрочемъ, онъ въ этомъ виноватъ. Для его журнала я приготовлю кое-что, которое, какъ кажется мнѣ, будетъ смѣшно: изъ нѣмецкой жизни. Плетневу скажите, что я буду писать къ нему изъ Ахена». Итакъ, Гоголь даже не находилъ нужнымъ писать Пушкину; обѣщанной повѣсти онъ, конечно, не приготовилъ.

Остается невыясненнымъ, зналъ ли Гоголь о грозѣ, висѣвшей надъ головой гениальнаго поэта; впрочемъ, это и не важно, такъ какъ очевидно, что если онъ не зналъ, то это также доказываетъ его полное безучастіе къ Пушкину, какъ и то, если онъ зналъ, но не обратилъ вниманія на всю эту трагедію. Оставивъ Россію, Гоголь не обнаружилъ ни малѣйшаго интереса къ Пушкину, его дѣламъ и занятіямъ.

Какъ перенесъ Гоголь извѣстіе о смерти Пушкина, намъ не извѣстно, такъ какъ Данилевскій рассказывалъ Шенроку, что роковое извѣстіе было получено въ Парижѣ (Шенрокъ, III, 166), а Золотаревъ говоритъ, что Гоголь узналъ объ этомъ въ Римѣ. Можно лишь положительно утверждать, что смерть Пушкина ни малѣйшаго вліянія на развитіе болѣзни и вообще дѣятельность Гоголя не имѣла. Только восторженный и благодушный С. Т. Аксаковъ могъ думать, что зябкость Гоголя была «признакомъ болѣзненнаго состоянія нервовъ, которые не пришли еще въ свое нормальное положеніе послѣ смерти Пушкина». Восторженные, полные благоговѣнія отзывы о Пушкинѣ въ письмахъ Гоголя свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что великій сатирикъ понималъ гениальнаго поэта. Если бы Пушкинъ не погибъ такъ рано, онъ могъ бы вліять на Гоголя лишь своими произведеніями, такъ

какъ Гоголь, конечно, не вернулся бы въ Россію, не жилъ бы въ Петербургѣ, чтобы пользоваться обществомъ Пушкина.

Вообще, на Гоголя никто и никогда не оказывалъ замѣтнаго вліянія, и понятно, что Пушкинъ не могъ имѣть вліянія на уже возмужалаго Гоголя, если его вліяніе было очень не велико, когда Гоголь былъ молодъ, мало извѣстенъ.

Дружба Гоголя съ Жуковскимъ отличалась большой продолжительностью, болѣе двадцати лѣтъ, и большой устойчивостью; тѣмъ не менѣе намъ совершенно непонятно, на чемъ собственно основана была эта дружба. Жуковскій былъ на двадцать шесть лѣтъ старше Гоголя, по своему характеру, мировоззрѣнію, дѣятельности, казалось бы, вовсе не могъ быть другомъ великаго сатирика. Право трудно себѣ представить, что сближало двухъ столь несходныхъ между собою поэтовъ. Однако несомнѣнно, что Жуковскій весьма благожелательно относился къ своему великому молодому другу, высоко цѣнилъ его способности, многократно помогалъ ему. Повидимому, благодушный Жуковскій даже не пытался вліять на молодого друга, сознавая его превосходство. Какъ относился Гоголь къ Жуковскому; насколько искренно онъ былъ ему преданъ, намъ неизвѣстно несомнѣнно, что письма Гоголя къ Жуковскому рѣзко отличаются отъ писанныхъ къ другимъ лицамъ: тонъ ихъ всегда почтительный, въ нихъ нѣтъ поученій и высокомерія; во всѣхъ письмахъ видно желаніе выставить себя въ благопріятномъ освѣщеніи. Изученіе писемъ Гоголя къ Жуковскому интересно въ томъ отношеніи, что по нимъ легко составить себѣ сужденіе о характерѣ и взглядахъ Жуковскаго. Какъ извѣстно, письма эти достигали цѣли, и Жуковскій любовно относился къ Гоголю. Мы однако не можемъ вполне довѣрять искренности этихъ писемъ, потому что, какъ извѣстно, благодаря протекціи Жуковскаго, великій сатирикъ неоднократно получалъ пособія отъ Двора. Какъ-то странно, что Гоголь въ 1836 г., оставляя Россію, не подумалъ написать Пушкину, но не позабылъ написать Жуковскому. Однако это предпочтеніе Жуковскаго Пушкину оказалось весьма предусмотрительнымъ: благодаря Жуковскому, Гоголь получалъ пособія, а Пушкинъ былъ бесполезенъ въ этомъ отношеніи. Конечно, нельзя отрицать, что Гоголь любилъ Жуковскаго больше, чѣмъ Пушкина, но дурная сторона стремленія съ помощью пособій устроить свое «земное положе-

ніе» въ томъ, что уже плохо вѣрится въ искренность и дружбы, и убѣжденій, лица, запрашивающаго пособія. Если бы нашъ великій сатирикъ былъ чловѣкъ здоровый, то ему не было бы оправданія въ тяжкомъ обвиненіи, высказанномъ Бѣлинскимъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто же повѣритъ искренности лица, воскуряющаго еиміамъ за полученныя пособія. Но Гоголь въ 1836 году былъ настолько боленъ, что зарабатывать деньги трудомъ не могъ, что и доказалъ во время своей жизни въ Петербургѣ. Въ 1836 г. состояніе его здоровья было такъ дурно, что онъ уже не могъ жить въ обыденной житейской обстановкѣ; какъ больной, онъ долженъ былъ лѣчиться, искать обстановки, въ которой жизнь была бы наименѣе мучительна. Только черезъ Жуковскаго онъ надѣялся получать средства, необходимыя для жизни за границей, и нисколько не сомнѣваясь въ правильности своихъ дѣйствій, сближается съ благодушнымъ поэтомъ.

Кто наблюдалъ, какъ страдаютъ такіе больные, какъ всецѣло они заняты своею болѣзью, какъ они стремятся освободиться отъ своихъ страданій, тотъ не удивится, что больному даже не придетъ въ голову вопросъ о корректности такого способа добыванія средствъ. Больного ничто, или почти ничто, не интересуетъ, кромѣ его самого, тяжело страдающаго; кто ему полезенъ, кто облегчаетъ его страданія, тотъ хорошъ, добродѣтеленъ; все остальное для него безразлично. Больному жизнь такъ тяжела, такъ хочется выздороветь, что всѣ средства къ облегченію страданій кажутся не только дозволенными, но даже вполне нравственными. Всякій опытный врачъ наблюдалъ больныхъ, людей благородныхъ, униженно вымаливающихъ подачки, разоряющихъ на поѣздки въ курорты своихъ близкихъ. Развѣ можно обвинять въ эгоизмѣ этихъ несчастныхъ, невыносимыя страданія которыхъ заставляютъ совершенно забывать объ интересахъ самыхъ дорогихъ имъ лицъ. Именно нервныя страданія такъ мучительны, что больные всецѣло забываютъ обо всѣхъ и обо всемъ.

Вполнѣ понятно, что многострадаальный поэтъ дорожилъ дружбой Жуковскаго, благодаря протекціи котораго могъ жить тамъ, гдѣ, по его мнѣнію, болѣзнь протекала относительно благопріятно. Бѣлинскій, страдавшій чахоткой, не могъ понимать больного Гоголя и потому вполне искренно высказалъ свое обвиненіе, но многострадаальный поэтъ столь же искренно счи-

талъ прекраснымъ тотъ строй жизни, при которомъ онъ могъ получать пособіе на лѣченіе.

Можетъ быть Гоголь былъ искренно благодаренъ Жуковскому; вѣдь бываютъ нѣкоторые нервные больные привязаны къ врачу, облегчающему ихъ страданія; но несомнѣнно, что онъ никогда не находился подъ вліяніемъ Жуковского, и даже благодушный поэтъ не могъ хотя сколько-нибудь воздѣйствовать на набожность Гоголя своею искреннею религіозностью. Навѣрное Жуковский неоднократно бесѣдовалъ съ Гоголемъ о религіи, но религіозныя воззрѣнія Жуковского всегда были совершенно чужды Гоголю.

Необходимо отмѣтить, что Гоголь вообще всегда пользовался дружбой Жуковского, между ними не было серьезныхъ размолвокъ, что свидѣлствуетъ о необыкновенномъ пониманіи людей Гоголемъ, и конечно ничуть не доказываетъ, что онъ былъ здоровъ. Нѣкоторые больные умѣютъ очаровывать не только своихъ сотоварищей и лицъ за ними ухаживающихъ, но и опытныхъ психіатровъ; почти всѣ душевно-больные иначе себя держатъ съ директоромъ больницы, чѣмъ съ ординаторами. Нѣкоторые съ паразитальною настойчивостью и ловкостью стремятся получить облегченіе отъ своихъ страданій; я помню больного, страдавшаго ипохондрическимъ бредомъ, на выпрошенные гроши добравшагося до Юрьева, чтобы лѣчиться тутъ отъ сифилиса, которымъ онъ считалъ себя больнымъ.

Гоголь сталкивался въ жизни со многими выдающимися людьми и, конечно, вслѣдствіе своей извѣстности, могъ завязать знакомство со всѣми лучшими людьми своего времени. Съ нѣкоторыми выдающимися дѣятелями Гоголь ограничился лишь самымъ поверхностнымъ знакомствомъ, напр. съ Лермонтовымъ, Грановскимъ, Ю. Самаринымъ; очевидно, что Гоголь вовсе не нашелъ нужнымъ поближе сойтись и съ великимъ поэтомъ и съ гражданномъ ученымъ. Гоголь не могъ сблизиться съ Бѣлинскимъ и А. И. Тургеневымъ, потому что эти свѣтлыя личности ему не нравились. Особенно паразитально, что Гоголь не оцѣнилъ нравственной красоты Бѣлинскаго, и даже могъ допустить, что «Бѣлинскій невѣрный человѣкъ». Въ 1841 году Гоголь смотрѣлъ на Бѣлинскаго настолько сверху внизъ, что даже не удостоилъ его отвѣтомъ. А. И. Тургеневъ, по отзыву Гоголя, «несетъ дичь»; понятно, что знакомство съ такимъ лицомъ нежелательно, и Го-

голь его «видѣлъ разъ и въ другой мелькомъ» (письмо къ Языкову отъ 12. 11. 1845) необходимо замѣтить, что А. И. Тургеневъ былъ другомъ Жуковского и на двадцать-четыре года старше Гоголя.

Съ Герценомъ Гоголь не нашелъ нужнымъ знакомиться, а къ Бакунину относился враждебно, даже не зная его лично.

Вообще, Гоголь систематически уклонялся не только отъ дружбы, но даже отъ сближенія съ лучшими людьми своего времени, и только С. Т. Аксакову удалось часто видаться съ Гоголемъ, поддерживать добрыя отношенія. Близкія отношенія между Аксаковымъ и Гоголемъ установились всецѣло благодаря крайнему благодушію и восторженности этой прекрасной и даровитой семьи; всѣ они любили Гоголя, какъ великаго поэта, крайне радушно его принимали, а С. Т. занималъ для него деньги. Самъ Гоголь не былъ расположенъ къ Аксаковымъ, и только позволялъ себя любить и «лелѣять». Смирновой онъ писалъ про Аксаковыхъ: «хотя я очень уважалъ старика и добрую жену его за ихъ доброту, любилъ ихъ сына Константина за его юношеское увлеченіе, рожденное отъ чистаго источника, несмотря на неумѣренное, излишнее выраженіе его, но я всегда, однакожъ держалъ себя вдали отъ нихъ. Бывая у нихъ, я почти никогда не говорилъ ничего о себѣ... Я видѣлъ съ самаго начала, что они способны залюбить не на животь, а на смерть... Словомъ, я бѣжалъ отъ ихъ любви, ощущая въ ней что-то приторное; я видѣлъ, что они способны смотрѣть распаленными глазами на предметъ своей любви». Такъ писалъ Смирновой Гоголь отъ 20, V. 1847 г., а 10. VI. 1847 увѣрялъ С. Т. Аксакова въ своемъ къ нему расположеніи, просилъ его о милосердіи; можно думать, что Гоголь все же цѣнилъ расположеніе къ себѣ семьи Аксаковыхъ, хотѣлъ сохранить знакомство съ этой семьей, гдѣ его принимали крайне радушно, гдѣ онъ всегда могъ проводить время, окруженный своими почитателями. Гоголь крайне высокомѣрно относился къ Аксаковымъ; уважалъ стариковъ за доброту, и любилъ К. С. Аксакова, какъ своего восторженного поклонника, а потому ни о какомъ вліяніи Аксаковыхъ на Гоголя и рѣчи быть не можетъ. Гоголь даже не удостоивалъ Аксаковыхъ серьезнымъ разговоромъ, видѣлъ въ нихъ благодушныхъ поклонниковъ, и никогда мнѣнія и взгляды Аксаковыхъ не интересовали его. Онъ пользовался ихъ услугами, но вообще они такъ мало значили въ его жизни, что «объ Аксаковыхъ, какъ вы

можете себя припомнить, я даже и не говорил вамъ никогда» (то же письмо къ Смирновой).

Сравнительно большое значеніе въ жизни Гоголя имѣло его знакомство съ Погодинымъ; въ первые годы это знакомство походило даже на дружбу; Гоголь дѣлился съ Погодинымъ мыслями, сообщалъ ему свои планы, но уже очень скоро выяснилось, что Погодинъ очутился въ невыгодномъ положеніи. Гоголь пользовался услугами Погодина, занималъ у него деньги, подолгу жилъ у него въ домѣ и даже съ матерью и сестрами. Погодинъ, увѣренный, что Гоголь отблагодаритъ его за всѣ эти услуги и дастъ ему статьи для Москвитянина, долго оказывалъ услуги Гоголю, но наконецъ обидѣлся, и отношенія «друзей» попортились. Хотя психіатра и не можетъ интересоваться, по чьей винѣ «друзья» разсорились, но все же не лишнее замѣтить, что «дружба» Погодина была очень выгодна Гоголю; «дружба» Гоголя была весьма невыгодна и въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніяхъ, Погодину. Едва ли можно говорить о вліяніи Погодина на Гоголя, о какихъ-либо общихъ умственныхъ и художественныхъ интересахъ. Гоголь, очевидно, прекрасно понималъ Погодина, извлекалъ всѣ выгоды изъ «дружбы» съ нимъ, никогда не считалъ Погодина себя равнымъ и не находилъ нужнымъ чѣмъ-либо отблагодарить Погодина за оказанныя услуги. Гоголь смотрѣлъ на Погодина сверху внизъ, при чемъ такъ мало обращалъ на него вниманія, какъ на человѣка, что, окончательно съ нимъ поссорившись, жилъ въ его домѣ и даже праздновалъ въ его саду свои именины. Само собою разумѣется, что отношенія измѣнились не вслѣдствіе какихъ-либо теоретическихъ разногласій; вообще, убѣжденія и взгляды не играли тутъ никакой роли; Гоголь хотѣлъ какъ можно выгоднѣе издать свои произведенія, а Погодинъ хотѣлъ, и съ нѣкоторымъ правомъ, чтобы Гоголь сотрудничалъ въ «Москвитянинѣ». Гоголь въ декабрѣ 1844 г. вполне откровенно писалъ Смирновой: «жертвовать мнѣ временемъ и трудами своими для поддержанія ихъ любимыхъ идей было невозможно, потому что я, во первыхъ, не вполне раздѣлялъ ихъ мысли, во-вторыхъ, мнѣ нужно было чѣмъ-нибудь поддержать бѣдное свое существованіе, и я не могъ пожертвовать моими статьями, помѣщая ихъ къ нимъ въ журналы, но долженъ былъ ихъ напечатать отдѣльно, какъ новія и свѣжія, чтобы имѣть доходы».

Такъ какъ Гоголь не хотѣлъ чѣмъ-либо жертвовать для Погодина, то этотъ весьма расчетливый, обремененный семьей, знавшій нужду историкъ, чтобы хотя чѣмъ-либо вознаградить себя за принесенныя «жертвы», украсилъ свой журналъ портретомъ Гоголя, не испросивъ на то разрѣшенія великаго сатирика. Гоголь такъ разобидѣлся, что является даже сомнѣніе относительно истинной причины такой обидчивости. Гоголь не только нецензурно изругалъ Погодина въ частномъ письмѣ, но и въ Выбранныхъ Мѣстахъ троекратно бранитъ его. Когда Гоголю указали на неприличіе его поведенія по отношенію къ Погодину, онъ обѣщалъ печатно отозваться хорошо о Погодинѣ, но обѣщанія, конечно, не исполнилъ, хотя времени для этого было очень много. Дѣлаетъ честь благодущію Погодина его дальнѣйшее отношеніе къ Гоголю, но не подлежитъ сомнѣнію, что никогда подъ вліяніемъ Погодина Гоголь не находился, хотя и пользовался его услугами.

Отношенія Гоголя къ Плетневу и Шевыреву крайне просты и ясны; со свойственнымъ ему знаніемъ людей великій сатирикъ понималъ, что эти лица прекрасно будутъ исполнять его порученія, и потому поручилъ Плетневу веденіе своихъ дѣлъ въ Петербургѣ, а Шевыреву въ Москвѣ. Гоголь обнаружилъ удивительное знаніе людей, поручивъ свои дѣла въ Петербургѣ Плетневу, а въ Москвѣ Шевыреву, и лучшаго выбора сдѣлать было нельзя. Благодущіе Плетнева и крайняя аккуратность Шевырева были очень полезны Гоголю, который смотрѣлъ свысока на обоихъ своихъ «друзей». Когда Плетневъ, на правахъ стараго покровителя Гоголя, позволилъ себѣ указать ему на недостатокъ его образованія, Гоголь очень желчно отозвался о благодущномъ Плетневѣ въ письмѣ къ Смирновой. Хотя въ 1847 году Гоголь въ письмѣ къ Смирновой (отъ 20. 17. 1847) и хорошо отзывался о Шевыревѣ («въ немъ зрѣетъ много добра для Россіи»), но по пріѣздѣ въ Москву такъ обращался съ нимъ, что бѣдный Шевыревъ даже жаловался Бергу. Вина Шевырева состояла въ томъ, что онъ, хотя и весьма мягко, позволилъ себѣ возражать Гоголю, не соглашаясь съ нимъ, и потому не могъ рассчитывать даже на простую вѣжливость со стороны Гоголя. Шевыревъ очень долго исполнялъ его порученія, оказывалъ, и при томъ вполне безкорыстно, много услугъ Гоголю, который поэтому и удостоивалъ его своими письмами; наивный Шевыревъ считалъ себя даже

«другомъ» великаго сатирика, рѣшительно не понималъ отношенія къ себѣ Гоголя. По возвращеніи въ Россію, Гоголь уже не находилъ нужнымъ скрывать враждебнаго отношенія къ Шевыреву и удостоивалъ его лишь весьма краткими «аудіенціями».

Если бы Шевыревъ зналъ, какъ враждебно относятся лица съ параноическимъ характеромъ ко всѣмъ, кто осмѣливается имъ возражать, онъ не жаловался бы Бергу на грубое обращеніе Гоголя: другого и быть не могло.

Плетневъ и Шевыревъ не могли имѣть вліянія на Гоголя, который на обоихъ смотрѣлъ сверху внизъ и, конечно, съ полнымъ правомъ; также они, и по своему возрасту, и по своему характеру и развитію, не могли подпасть вліянію Гоголя, и потому отношенія всегда оставались, въ сущности, дѣловыми; Плетневъ и Шевыревъ много оказали услугъ великому сатирику, были ему очень полезны, и уже за одно это имѣютъ право на нашу благодарность. Благодушіе Плетнева и Шевырева по отношенію къ Гоголю было очень велико, что конечно объясняется ихъ горячей любовью къ искусству; едва ли они не понимали, что вся ихъ «дружба» съ великимъ сатирикомъ состоитъ въ исполненіи его порученій. Если и можно допустить, что Шевыревъ гордился «дружбой» съ знаменитымъ поэтомъ, то несомнѣнно, что Плетневъ помогалъ Гоголю и исполнялъ его порученія безъ какого-либо эгоистическаго мотива.

Такимъ же исполнителемъ порученій Гоголя былъ Прокоповичъ; но при всемъ своемъ уваженіи къ великому поэту, Прокоповичъ не могъ вынести деспотизма Гоголя, и отношенія между ними не могли быть прочными. Прокоповичъ, сколько можно судить по имѣющимся свѣдѣніямъ, живо чувствовалъ свое чело-вѣческое достоинство, и потому не могъ поддерживать «дружественныхъ» отношеній съ Гоголемъ, третировавшимъ своего друга безъ всякой церемоніи. Прокоповичъ, желавшій быть полезнымъ великому сатирику, охотно принялъ порученіе Гоголя относительно изданія Мертвыхъ Душъ; по неопытности Прокоповичъ былъ обманутъ, и Гоголь очень безцеремонно требовалъ отъ него отчета, поручилъ надъ нимъ контроль Шевыреву. Къ счастью Прокоповича, онъ получилъ маленькое наслѣдство и могъ уплатить Гоголю убытки, причиненные контрафакціей. Гоголь не хотѣлъ брать этихъ денегъ: вѣдь Прокоповичъ не былъ виноватъ въ томъ, что его обокрали; деньги эти Гоголь назначилъ

на пособіе студентамъ, но сколько денегъ было роздано студентамъ, это остается неизвѣстнымъ. Плетневъ говорилъ Гроту: «Гоголя пожертвованіе есть фантазія», впрочемъ это не имѣетъ значенія въ глазахъ психіатра. Важно лишь то, что Прокоповичъ, при всей любви и уваженіи къ Гоголю, не могъ поддерживать съ нимъ дружескихъ отношеній.

Среди лицъ, которыхъ поучалъ Гоголь, двое были писатели — Языковъ и Анненковъ, и одинъ художникъ. Собственно ихъ занятія не имѣли большого значенія въ отношеніяхъ къ Гоголю; сближеніе или дружба этихъ лицъ съ великимъ сатирикомъ состояли въ томъ, что Гоголь считалъ ихъ своими преданными учениками и въ бесѣдахъ, и въ письмахъ поучалъ ихъ, давалъ совѣты, дѣлился сокровенными мыслями.

Шенрокъ говоритъ вполне вѣрно, «что дружба ихъ (Гоголя и Языкова) не имѣла въ сущности той глубокой и прочной основы, которая можетъ заключаться единственно въ сходствѣ характеровъ и убѣжденій» (т. IV. 173). Языковъ понималъ недостатки Гоголя и писалъ своей невѣсткѣ: «Гоголь до невѣроятности раздражителенъ и самолюбивъ какъ то болѣзненно; хотя въ немъ это не замѣтно съ перваго взгляда, но тѣмъ хуже для него». Больной Языковъ крайне тяготился опекой Гоголя во время ихъ совмѣстной жизни въ Римѣ. Самъ Гоголь весьма мало интересовался бѣднымъ Языковымъ, и когда въ Римъ пріѣхала Смирнова, забросилъ больного поэта. Языковъ, пови-димому, съ большимъ удовольствіемъ покинулъ Римъ и разстался съ Гоголемъ. Тяжко больному Языкову жилось очень дурно, и письма Гоголя, наполненные наставленіями и совѣтами, все же могли доставлять ему нѣкоторое утѣшеніе. или, по крайней мѣрѣ, развлеченіе. Больной Языковъ не имѣлъ достаточно энергіи, чтобы возражать Гоголю, но и ничуть не соглашался съ своимъ корреспондентомъ. Конечно, Языкову были пріятны похвалы Гоголя его стихотвореніямъ, а Гоголь не скупился на похвалы и писалъ Языкову въ 1845: «Самъ Богъ внушилъ тебѣ прекрасные и чудные стихи «къ не нашимъ». Душа твоя была органъ, а бряцали по немъ другіе персты. Они еще лучше самага землетрясенія, и сильнѣе всего, что у насъ было написано доселѣ на Руси». Понятно, что больной поэтъ радовался такимъ похва-ламъ и терпѣливо перечитывалъ письма, переполненные наста-вленіями и совѣтами. Не думаю, чтобы въ 1845 Гоголь не

понималъ цѣнности этихъ стихотвореній, а потому это удивительная похвала или, правильнѣе говоря, лесть можетъ намъ объяснить какъ и чѣмъ онъ достигалъ власти надъ людьми ему нужными. Если Гоголь Языкову, человѣку просвѣщенному, льстилъ такъ грубо, то едва ли онъ особенно стѣснялся со своими учениками, менѣе даровитыми, чѣмъ Языковъ, и понятно, что лица, которымъ онъ такъ льстилъ, терпѣливо выслушивали наставленія, исполняли порученія и т. п. Несомнѣнно, что при такой неискренности отношеній, дружбы между Гоголемъ и Языковымъ быть не могло, и можно вполне повѣрить Гоголю, когда онъ писалъ матери (25, I. 1847), что онъ «принялъ эту вѣсть покойно»; «зная, что этотъ человѣкъ, за небесную душу свою, удостоенъ небеснаго блаженства, стараюсь отъ всѣхъ силъ, чтобы и меня удостоилъ Богъ быть съ нимъ вмѣстѣ, а потому молю Его ежеминутно, чтобы продлилъ сколько возможно продолѣе жизнь мою, дабы я въ силахъ былъ надѣлать много добрыхъ дѣлъ и удостоиться, подобно ему, небеснаго блаженства». Такого удивительнаго оправданія высокими цѣлями естественнаго желанія жить подольше, я ни у кого не читалъ; смерть «друга» даже оказалась полезной, такъ какъ дала поводъ еще настойчивѣе добиваться «продленія жизни».

Анненковъ, при всемъ своемъ поклоненіи Гоголю, какъ человѣкъ прекрасно образованный и умный, не могъ находиться подъ вліяніемъ Гоголя; дѣйствительно, только болѣзнію Гоголя можно объяснить, что великій сатирикъ не могъ имѣть благотворнаго вліянія на своихъ образованныхъ поклонниковъ. Анненковъ почтительно относился къ Гоголю, исполнялъ его порученія, выслушивалъ его наставленія, но не поддавался вліянію Гоголя. Шенрокъ даже упрекаетъ Анненкова въ излишней уступчивости по отношенію къ Гоголю. Надо полагать, что такое неполученіе отпора своимъ *большимъ идеямъ* могло только утверждать Гоголя въ увѣренности, будто онъ въ самомъ дѣлѣ находится на *истинной* дорогѣ. Уже значительно позднѣе Анненковъ рѣшался иногда нѣсколько смѣлѣе выразить свои взгляды, но тогда онъ получалъ отъ Гоголя такія письма, которыя выдавали закоренѣлость его заблужденія (IV. 7). Если бы Анненковъ осмѣлился возражать Гоголю, то «дружба» ихъ тотчасъ-же прекратилась бы, какъ напр. съ В. Боткинымъ, такъ самоотверженно ухаживавшимъ за больнымъ поэтомъ въ 1840. Дружба Гоголя съ

Анненковымъ дѣйствительно крайне интересна въ психологическомъ отношеніи, такъ какъ показываетъ, какъ можетъ ослѣплять даже умнаго и трезваго человѣка поклоненіе. Анненковъ, однако, при всемъ своемъ поклоненіи Гоголю, не поддавался его вліянію, и въ самомъ дѣлѣ, развѣ могъ здоровый человѣкъ усвоить міровоззрѣніе больного, смотрѣть его глазами на міръ. Анненковъ долго не понималъ, что его кумиръ—человѣкъ больной, но наконецъ, хотя и очень поздно, долженъ былъ признать, что съ Гоголемъ «свершился важный переворотъ въ его существованіи». Гоголь считалъ Анненкова настолько преданнымъ себѣ, что даже въ 1846 г., встрѣтивъ его въ Бамбергѣ, совѣтовалъ ему зимой пріѣхать въ Неаполь, чтобы выслушать тамъ поученія Гоголя. Когда Гоголь убѣдился, что Анненковъ не желаетъ выслушивать поученій, существованіе Анненкова перестало его интересовать. Анненковъ сообщаетъ весьма цѣнное свѣдѣніе о состояніи Гоголя въ 1846 г.—«Я вамъ говорю—пріѣзжайте въ Неаполь... Я открою тогда секретъ, за который вы будете меня благодарить... Кто знаетъ, гдѣ застанетъ человѣка новая жизнь». Анненковъ обладалъ трезвымъ умомъ, и потому не очень заинтересовался «секретомъ», критически отнесся къ Выбраннымъ Мѣстамъ, и, конечно, Гоголь прекратилъ съ нимъ отношенія. Анненковъ никогда не былъ особенно близокъ къ Гоголю; великій сатирикъ въ Петербургѣ принималъ поклоненіе восторженнаго юноши (Анненковъ былъ на 4 года моложе Гоголя), а въ Римѣ Анненковъ переписывалъ Мертвыя Души, иногда гулялъ съ Гоголемъ, при чемъ Гоголь былъ съ нимъ такъ скрытенъ, что Анненковъ не рѣшался спросить великаго сатирика, почему онъ проводитъ «иногда добрую часть ночи, дремля на диванѣ и не ложась въ постель»¹⁾.

Безспорно, что самымъ преданнымъ поклонникомъ Гоголя былъ Ивановъ; о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ было писано много, но едва ли намъ точно извѣстны истинныя отношенія между двумя великими художниками. Для пониманія этихъ отношеній необходимо точнѣе знать, когда развилась и какъ проявлялась душевная болѣзнь Иванова. О болѣзни Иванова, загубившей его талантъ, намъ извѣстно очень, очень мало, а вѣдь этой болѣзнію и объясняется незаконченность художественной дѣятельности

¹⁾ Ор. сі. стр. 238.

этого даровитого, а можетъ быть, и гениальнаго живописца. И. С. Тургеневъ въ своемъ краткомъ воспоминаніи объ Ивановѣ, со свойственною ему объективностью, описываетъ тяжелое душевное разстройство Иванова ¹⁾. Бѣдный художникъ высказывалъ В. Боткину и Тургеневу вполне опредѣленные идеи бреда преслѣдованія; онъ увѣрялъ, что лакеи въ ресторанахъ подкуплены, чтобы его отравить. Къ сожалѣнію ни В. П. Боткинъ, ни И. С. Тургеневъ не придали серьезнаго значенія словамъ Иванова. Интересно, что такой умный человѣкъ, какъ Тургеневъ, могъ допускать самое невѣроятное, лучше сказать, нелѣпое объясненіе бреда Иванова. «Бѣдный отшельникъ! Двадцатилѣтнее одиночество не обошлось ему даромъ». Тяжкая болѣзнь Иванова, конечно развилась много лѣтъ ранѣе 1857 г., и должна была вліять на всю его жизнь и дѣятельность; вслѣдствіе болѣзни Ивановъ былъ «бѣдный отшельникъ»; вслѣдствіе болѣзни онъ былъ обреченъ на «двадцатилѣтнее одиночество», болѣзнь помѣшала ему работать, сблизилась съ Гоголемъ, сдѣлала его безотвѣтнымъ поклонникомъ великаго сатирика.

Душевною болѣзнию Иванова объясняется, что онъ находился подъ вліяніемъ Гоголя; изъ всѣхъ друзей Гоголя только одинъ Ивановъ подпалъ его вліянію, конечно понимая это слово въ серьезномъ значеніи. Только одного Иванова можно считать ученикомъ, послѣдователемъ Гоголя, хотя конечно, и Ивановъ, наконецъ, освободился отъ этого вліянія. Тутъ нѣтъ надобности выяснять, были ли для Иванова полезны вліяніе и учительство Гоголя. Великій сатирикъ, по словамъ Стасова, «въ 40-хъ годахъ понималъ Иванова едва-ли еще не менѣе того, чѣмъ въ 30-хъ годахъ Брюллова», но былъ расположенъ къ этому преданному поклоннику. Вообще, лица съ параноическимъ характеромъ благосклонны только къ своимъ поклонникамъ, а Ивановъ благоговѣлъ передъ Гоголемъ; симпатія къ дѣятельности Иванова едва-ли играла большую роль въ дружбѣ Гоголя къ Иванову уже потому, что Гоголь вообще мало понималъ живопись, мало ей интересовался. Трудно допустить, что тотъ, кто восторгался Помпеемъ, могъ восхищаться произведеніемъ Иванова.

Гоголь относился благосклонно только къ тѣмъ нашимъ художникамъ, которые были къ нему почтительны; степень благо-

склонности вполне соотвѣтствовала степени почтительности, то есть, наибольшей благосклонностью пользовался Ивановъ, затѣмъ Иорданъ и, наконецъ, Моллеръ; различіе въ дарованіи и направленіи тутъ не играло роли. Иорданъ вообще не долюбивалъ Гоголя, правильно цѣнилъ несимпатичныя черты его характера, но держалъ себя по отношенію къ нему такъ почтительно, что въ завѣщаніи Гоголь рекомендовалъ покупать извѣстную гравюру Иордана.

Ивановъ, несмотря на всю свою кротость и благоговѣніе, долженъ былъ оборвать свои дружескія отношенія къ Гоголю, и освободился изъ подъ его вліянія. Вообще, насколько можно судить по письмамъ Гоголя къ Иванову, художественные интересы играли самую ничтожную роль въ ихъ отношеніяхъ; Гоголь въ письмахъ давалъ порученія Иванову, обсуждаетъ дѣловые вопросы; часто въ письмахъ видна симпатія къ этому крупному художнику. Изъ всѣхъ друзей Гоголя, можетъ быть, наибольшей симпатіей великаго сатирика пользовался именно Ивановъ; по крайней мѣрѣ, къ такому выводу приводитъ изученіе писемъ Гоголя. Никто изъ друзей Гоголя, такъ не благоговѣлъ передъ нимъ, никто не относился къ нему съ такой безпредѣльной почтительностью, какъ Ивановъ, страдавшій бредовымъ помѣшательствомъ (*Delire chronique*). Для психіатра и, я думаю, также для психолога, крайне интересна эта дружба двухъ гениальныхъ больныхъ русскихъ художниковъ, долго жившихъ вдали отъ родины.

Данилевскій былъ друженъ съ Гоголемъ, пока болѣзнь не лишила гениальнаго поэта способности любить кого либо. Данилевскій былъ единственнымъ другомъ Гоголя; только одного Данилевскаго Гоголь любилъ какъ человѣка; Данилевскій не былъ поклонникомъ и ученикомъ Гоголя, хотя и цѣнилъ его произведенія. Насколько теперь мы можемъ судить о Данилевскомъ, это былъ благородный, неглупый, крайне пріятный въ обществѣ человѣкъ, живо чувствующавшій свое человѣческое достоинство. Право, несправедливо обвинять Нѣжинскую гимназію, давшую намъ такихъ образованныхъ и полезныхъ дѣятелей, какъ Базили, Данилевскій и Прокоповичъ. Гоголь открытъ въ своихъ письмахъ къ Данилевскому, болѣе чѣмъ въ письмахъ къ другимъ лицамъ; несомнѣнно, что общество Данилевскаго доставляло удовольствіе великому сатирику, любившему

¹⁾ Поѣздка въ Альбано и Фраскани. Т. I.

вмѣстѣ съ своимъ школьнымъ другомъ приносить «жертвы» въ «храмахъ». Въ 1843 дружба охладѣваетъ, и уже прежней дружественной откровенности болѣе нѣтъ. Данилевскій, ясно понимавшій превосходство своего знаменитаго друга, однако не могъ выносить его крайне высокомернаго къ себѣ отношенія; общихъ интересовъ между больнымъ поэтомъ и вполне здоровымъ Данилевскимъ уже не было. Гоголь поздравилъ своего бывшего пріятеля съ женитьбой, давалъ порученія и совѣты; но когда Данилевскій обратился къ Гоголю съ просьбой помочь ему своей протекціей, великій сатирикъ, вмѣсто помощи, снабдилъ его совѣтами и нравовченіями, не имѣвшими цѣны въ глазахъ Данилевскаго. Конечно, теперь нельзя рѣшить съ увѣренностью, не могъ или не хотѣлъ Гоголь помочь своему бывшему другу; но болѣе вѣроятно, что не хотѣлъ, такъ какъ по своимъ отношеніямъ къ Смирновымъ, Капнисту, Россету могъ бы быть полезенъ Данилевскому, занимавшему весьма скромную и непріятную должность—инспектора пансіона при Кіевской гимназіи. Дѣла Данилевскаго были очень плохи, и онъ имѣлъ право на болѣе широкую дѣятельность, что и доказалъ тѣмъ, что дослужился до сравнительно важной должности. Гоголь вообще мало интересовался своимъ бывшимъ пріятелемъ, въ 1848 г. былъ безцеремоненъ съ Данилевскимъ и даже сдѣлалъ ему крупную непріятность; не только въ деревнѣ, но и въ Кіевѣ Гоголь не удостоилъ своимъ разговоромъ общество, собравшееся къ Данилевскому, чтобы познакомиться съ Гоголемъ (Шенрокъ, IV. 746). Можно себѣ представить, какъ было обидно такое пренебреженіе бывшему «другу» и его женѣ; въ провинціальномъ обществѣ такое пренебреженіе могло оказаться неблагоприятнымъ для общественнаго положенія Данилевскаго.

Шенрокъ старается доказать, что Гоголь вообще любилъ Данилевскаго, оказывалъ ему услуги; дѣйствительно, Гоголь далъ Данилевскому разъ взаймы денегъ, когда Данилевскаго обманулъ въ Парижѣ какой-то мошенникъ, но ввиду состоятельности Данилевскаго этотъ небольшой заемъ въ сущности ничтожная услуга; даже мало знакомому лицу оказываютъ такіа услуги на чужбинѣ. Данилевскій выручилъ изъ бѣды мать Гоголя, давъ ей въ займы денегъ, когда самъ былъ въ весьма затруднительномъ положеніи. Если бы Гоголь, хотя сколько нибудь, любилъ Данилевскаго послѣ 1843 г., онъ бы былъ лю-

безенъ въ его домѣ, похлопоталъ бы о хорошемъ для него мѣстѣ: мы знаемъ, что Гоголь умѣлъ добиваться того, чего хотѣлъ.

Во всякомъ случаѣ необходимо отмѣтить, что Гоголь не имѣлъ вліянія на духовное развитіе Данилевскаго, хотя Данилевскій былъ человѣкъ просвѣщенный и воспріимчивый, жаждавшій свѣта и дѣятельности. Конечно, въ глубокой старости Данилевскій съ умиленіемъ рассказывалъ Шенроку о своей дружбѣ съ Гоголемъ, но кто же не дорожитъ воспоминаніями молодости; однако и Шенроку не удалось узнать чего-либо относительно Гоголя у Данилевскаго, такъ Гоголь былъ скрытенъ съ своимъ «другомъ». Данилевскій даже не могъ опредѣлить, когда и какъ развился «мистицизмъ» Гоголя.

Охладѣвъ къ Данилевскому, Гоголь сошелся съ Смирновой, которую можно считать его самымъ близкимъ другомъ въ послѣдній періодъ жизни. Гоголь въ письмахъ къ Смирновой такъ же откровененъ, какъ прежде былъ съ Данилевскимъ; дружба съ Смирновой даже болѣе глубока, чѣмъ съ Данилевскимъ, такъ какъ у нихъ больше общихъ интересовъ.

Отношенія Смирновой къ Гоголю не вполне понятны, потому что личность Смирновой навсегда останется неразгаданнымъ. О запискахъ Смирновой въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза-Эфрона (60, 531) сказано: «всѣ эти лица ведутъ между собою довольно безсвязные разговоры, черезъ которые красною нитью проходитъ стремленіе выставить въ лучшемъ свѣтѣ автора записокъ... Записки переполнены анахронизмами и мало достоверными фактами». Чтеніе этихъ записокъ производитъ, по крайней мѣрѣ на меня, прямо удручающее впечатлѣніе своей сочиненностью и фальшивостью. Авторъ статьи о Смирновой въ словарѣ дѣлаетъ предположеніе: «Повидимому, при изданіи записокъ имѣлись какіе-то письменные матеріалы самой С., но они были подвергнуты сильной переработкѣ (по всей вѣроятности дочерью С. Ольгой, умершей въ 1870 г.)». Но едва ли такое предположеніе основательно; во-первыхъ, зачѣмъ дочери было такъ «сочинять» отъ имени матери, а во-вторыхъ, такъ «сочинять» можетъ далеко не всякій, и болѣе вѣроятно, что сама Смирнова выставила себя «въ лучшемъ свѣтѣ». Записки Смирновой, а также и весьма сбивчивыя и неполныя о ней свѣдѣнія даютъ мнѣ право предполагать, что эта богато одаренная дама страдала истеріей, чѣмъ объясняются ея «сочинительство»

и неустойчивость. Родственникъ одного друга Смирновой говорилъ мнѣ, что нервныя разстройства, по временамъ, достигали у нея «до степени полного сумашествія». Больше точно и подробно въ чемъ состояли припадки психической болѣзни, какъ часто они повторялись и какъ были продолжительны, я узнать не могъ.

Для меня неясны мотивы ея сближенія съ Гоголемъ; возможно, что ей просто льстиво сближеніе съ знаменитымъ сатирикомъ, было пріятно считаться другомъ великаго поэта; по своей отзывчивости и восприимчивости—а истерички крайне отзывчивы и восприимчивы, она быстро поняла, какъ нужно держать себя съ Гоголемъ, чтобы пользоваться его дружбой. Возможно, что и вслѣдствіе скуки и вслѣдствіе болѣзненного состоянія, а Смирнова хворала нервами въ періодъ сближенія съ Гоголемъ, она заинтересовалась набожностью и новою моралью, конечно лишь поверхностно и на короткое время, такъ какъ была очень умна для того, чтобы серьезно и надолго увлечься этимъ больнымъ міропониманіемъ. Возможно, что, какъ увлекающаяся дама, она не сразу поняла, что гениальный поэтъ слабъ какъ моралистъ, и потому вѣрила всякому слову автора Мертвыхъ Душъ, полагая, что все, что онъ говоритъ, такъ же гениально, какъ его художественныя произведенія. Вообще, ввиду безспорной склонности Смирновой «сочинять», мы не можемъ рѣшить, насколько искренна была ея дружба съ Гоголемъ.

Впрочемъ, для насъ и не имѣетъ большого значенія, какъ относилась къ Гоголю Смирнова, важно лишь то, что Гоголь ее считалъ вполне ему преданной ученицей и поклонницей. Необходимо отмѣтить, что Гоголь въ теченіе своей жизни имѣлъ лишь двухъ вполне преданныхъ ему послѣдователей—Иванова и Смирнову. Ивановъ несомнѣнно страдалъ душевной болѣзью, Смирнова, по всей вѣроятности, страдала истеріей, и во всякомъ случаѣ была особа крайне «нервная». Оговариваясь, что допуская истеричность Смирновой, я этимъ ничуть не оспариваю ея гибкаго ума и большого образованія; вѣдь и Жанна д'Аркъ была истеричкой. Ивановъ при всемъ своемъ поклоненіи Гоголю не могъ быть ему интересенъ; напротивъ, умная, образованная аристократка должна была очень нравиться Гоголю, конечно не какъ женщина, а какъ преданная ему поклонница. Мы не знаемъ, о чемъ бесѣдовалъ въ Римѣ и Ниццѣ больной Гоголь

съ больной Смирновой, но несомнѣнно, что Смирнова не имѣла никакого вліянія на Гоголя, а великій поэтъ почти никакого на скучающую «знатную даму». Вѣроятно отъ болѣзни, а можетъ быть отъ неудачи въ свѣтской «карьерѣ», Смирнова, по словамъ Шенрока, «нерѣдко предавалась жестокой хандрѣ» и ей нуженъ былъ собесѣдникъ. Ея маленькая дочь (Надежда Николаевна) очень тонко опредѣлила взаимныя отношенія матери и Гоголя; «Maman est malade, parcequ'elle n'a personne pour causer avec elle; je sais, qu'à Nice elle avait toujours Gogol pour la distraire, quand elle etait nerveuse» говорила она въ Калугѣ. Смирнова, какъ особа увлекающаяся (истеричка?) подпала, правда на весьма короткое время, настолько подъ вліяніе Гоголя, что выслушивала его наставленія, исполняла его требованія, заучивала, по его приказанію, псалмы и т. п. Однимъ словомъ, никогда Гоголь не имѣлъ такой преданной и вполне покорной поклонницы. Имѣло конечно значеніе и то, что Смирнова была элегантная аристократка, имѣла прекрасно обставленный домъ, заботилась о финансахъ Гоголя. Вслѣдствіе патологическаго высокомерія, ему, безспорно, нравилось аристократическое общество; въ этомъ обществѣ онъ держалъ себя, конечно, иначе, чѣмъ среди литературныхъ «друзей» и простыхъ помѣщиковъ. Можно лишь удивляться легендѣ объ «аскетизмѣ» Гоголя, жившаго на равной ногѣ съ Вьельгорскими, Смирновыми, Толстыми и Апраксинами. Развѣ можно было лучше устроить «земное положеніе»? Вѣдь ужъ выше и богаче этихъ семействъ и найти было нельзя. Можно, конечно, пожалѣть, что вслѣдствіе болѣзни гениальный поэтъ не могъ имѣть болѣе благотворнаго и широкаго вліянія.

Смирнова была очень умна, прекрасно образована и потому вліяніе Гоголя на нее было весьма непродолжительно; когда за границей она жестоко хандрила, не имѣла никакихъ серьезныхъ интересовъ, она могла увлечься и даже сильно своеобразными набожностью и моралью больного поэта, но какъ скоро она вернулась въ Россію, у ней появились болѣе серьезныя заботы. Придворныя отношенія, служба мужа, новыя знакомства совершенно поглотили ея вниманіе, и сближеніе съ Гоголемъ не оставило замѣтнаго слѣда въ дальнѣйшей жизни увлекающейся «знатной дамы». Гоголь весьма переоцѣнивалъ свою власть надъ Смирновой; онъ ее считалъ настолько себѣ

преданной, что отъ 8. X. 1846 г. писалъ: «Благословясь, поѣзжайте со мною въ Іерусалимъ», а 9. XI. 1846 г., чтобы облегчить цензурныя затрудненія при изданіи Выбранныхъ Мѣстъ, почти требуетъ, чтобы она ѣхала хлопотать въ Петербургъ. «Если вы до сихъ поръ еще въ Калугѣ, то оставляйте все и поѣзжайте въ Петербургъ. Вы теперь будете тамъ такъ же нужны мнѣ, какъ и самой себѣ. Поѣзжайте однѣ, безъ дѣтей; если это хлопотливо, остановитесь прямо у Вьельгорскихъ; они вамъ дадутъ комнату. Нужно именно, чтобы вы были у нихъ. Такъ я хочу—скажите имъ; впрочемъ, они и сами почувствуютъ, что такъ нужно и такъ слѣдуетъ». Конечно, Смирнова не отнеслась серьезно какъ къ первому желанію, такъ и ко второму. Гоголь тогда также заблуждался относительно своего лучшаго друга, какъ и относительно Выбранныхъ Мѣстъ.

Какъ увлекающаяся «знатная дама» Смирнова, при всемъ своемъ умѣ, не поняла Выбранныхъ Мѣстъ, за что ея, конечно, обвинять нельзя. Если-бы она поняла это произведеніе, то Гоголь лишилъ бы ее своей дружбы, и потому говорить о вредномъ вліяніи Смирновой на Гоголя нѣтъ основанія. Смирнова помогала Гоголю, выхлопотала ему большое пособіе у Государя, за что мы можемъ съ благодарностью вспоминать объ этой «знатной дамѣ».

И Ивановъ, и Смирнова недолго находились подъ вліяніемъ Гоголя; болѣе продолжительно было вліяніе на Иванова, но бѣдный художникъ былъ болѣе тяжело боленъ, чѣмъ Смирнова; очевидно, что больной, хотя и гениальный сатирикъ, не могъ имѣть глубокаго вліянія на кого-либо. Я конечно знаю, что многіе великіе художники не имѣли серьезнаго вліянія на своихъ друзей, но вѣдь они и не жалали имѣть преданныхъ учениковъ, а Гоголь всю жизнь стремился «поучать», проповѣдовать, искалъ почитателей, вполнѣ ему подчиняющихся, и, конечно, если бы онъ былъ здоровъ, онъ имѣлъ бы друзей, глубоко ему преданныхъ, жадно ловившихъ бы слова гениальнаго поэта. Мы знаемъ, какъ круто измѣнилъ свои воззрѣнія Ивановъ въ послѣдній періодъ жизни; можно лишь радоваться, что Смирнова скоро освободилась изъ-подъ вліянія Гоголя. Если бы Гоголь былъ здоровъ, онъ, при своемъ стремленіи поучать, оказалъ бы вліяніе на вполнѣ здоровыхъ, способныхъ и усвоить и приложить къ дѣлу его поученія. Вслѣдствіе болѣзни, всѣ его поученія и

наставленія оказались, по меньшей мѣрѣ, безплодны: идеи Выбранныхъ Мѣстъ и не могли имѣть другой судьбы; едва ли и умный Вигель искренно хвалилъ это удивительное произведеніе.

Только совершенно не понимая Гоголя, можно допускать, что онъ былъ влюбленъ въ Смирнову, интересовался ей, какъ женщиной; Гоголь никогда и ни въ кого влюбленъ не былъ. Сближеніе съ Смирновой произошло тогда, когда многострадаальный поэтъ былъ настолько тяжело болѣнъ, что о любви не могло быть и рѣчи. Въ Петербургѣ Гоголь мало заинтересовался Смирновой, и дружба между ними не установилась; насколько можно судить по письмамъ, Гоголь не вспоминалъ о Смирновой. Также мало онъ интересовался Смирновой въ 1837 г., когда они встрѣтились въ Баденѣ. Только въ Римѣ въ 1844 г. произошло сближеніе, завязались болѣе дружественныя отношенія, и намъ вполнѣ понятно, почему: Гоголь въ то время нуждался въ преданномъ ученикѣ, котораго могъ бы поучать, который слушалъ бы его проповѣдь. Ивановъ не подходилъ для такой роли, Языковъ не пожелалъ слушать проповѣди и соглашаться со взглядами Гоголя; Смирнова удовлетворяла всѣмъ требованіямъ больного поэта. Онъ не могъ имѣть болѣе преданной и болѣе отзывчивой ученицы; она не только соглашалась съ Гоголемъ, усвоила его идеи, исполняла его требованія (заучивала псалмы), но даже нашла ему другихъ послѣдователей (Вьельгорскихъ). Понятно, что Гоголь вполнѣ дружественно относился къ Смирновой, былъ съ ней откровеннѣе, чѣмъ съ другими друзьями, желалъ съ ней видѣться, въ ея домѣ не позволялъ себѣ капризовъ и странныхъ выходокъ. Возможно, что Гоголь цѣнилъ элегантность и знатность Смирновой, но едва ли какое-либо вліяніе на него оказывала красота Смирновой; онъ вообще былъ безразличенъ къ женской красотѣ и хотѣлъ жениться на А. М. Вьельгорской, которая была не хороша собою.

Смирнова познакомила Гоголя съ Вьельгорскими и помогла ему завязать знакомства въ высшемъ свѣтѣ. Однако, только И. М.? *Ап.* Толстого можно считать «другомъ» Гоголя; какъ относился Гоголь къ Толстому, для меня не совсѣмъ ясно; можетъ быть Гоголь лишь постольку интересовался Толстымъ, поскольку тотъ слушалъ наставленія Гоголя, былъ ему полезенъ. Едва ли Гоголь смотрѣлъ на Толстого, какъ на равнаго и цѣнилъ высоко его умъ.

Я считаю совершенно неправильнымъ мнѣніе о большемъ и вредномъ вліяніи на Гоголя О. Матвѣя Константиновскаго; этотъ почтенный священникъ не имѣлъ и не могъ имѣть вліянія на Гоголя, вообще никогда не подпадавшаго чужому вліянію. Уже въ 1845 г. Гоголь просилъ Смирнову: «отправьте молебень о моемъ выздоровленіи и попросите помолиться обо мнѣ того изъ служителей Божіихъ, чьи молитвы доступнѣе и дѣйствительнѣе». Смирновой не удалось найти священника, молитвы котораго «дѣйствительнѣе»; Гоголь хворалъ попрежнему и самъ искалъ такого священника, въ надеждѣ выздоровленія. Толстой указалъ ему на извѣстнаго благочестіемъ О. Матвѣя, и Гоголь, полагая, что онъ нашелъ священника, молитвы котораго «доступнѣе и дѣйствительнѣе», вступаетъ въ переписку съ О. Матвѣемъ, 12. XII. 1847 г. онъ посылаетъ ему 50 руб. для раздачи «бѣднѣйшимъ, какіе вамъ встрѣтятся, прося ихъ, чтобы помолились они о здоровьи душевномъ и тѣлесномъ того, который отъ искренняго желанія помочь далъ имъ деньги». «25 руб. назначаю на три молебна о моемъ путешествіи и благополучномъ возвращеніи въ Россію, которые умоляю васъ отслужить въ продолженіе Великаго поста и послѣ Пасхи, какъ вамъ удобнѣе». Скоро однако Гоголь могъ убѣдиться, что молитвы О. Матвѣя не «дѣйствительнѣе» молитвъ тѣхъ, кого онъ раньше просилъ за себя молиться: здоровье не улучшилось, и потому ни особаго довѣрія, ни особаго почтенія къ О. Матвѣю онъ питать не могъ. Что О. Матвѣй никакого вліянія на Гоголя не имѣлъ, доказывается съ очевидностью тѣмъ, что никакого измѣненія въ образѣ жизни, поведеніи и занятіяхъ Гоголя со времени сближенія съ О. Матвѣемъ не послѣдовало. Гоголь послѣ сближенія съ О. Матвѣемъ жилъ совершенно такъ же, какъ и раньше, т. е. съ полнымъ комфортомъ, работалъ надъ Мертвыми Душами, читалъ актерамъ Ревизора и т. п. Едва ли О. Матвѣй одобрялъ то высокомеріе, съ какимъ Гоголь держалъ себя, не совѣтовалъ ему быть внимательнѣе къ роднымъ и знакомымъ. Правда, Гоголь заѣзжалъ въ Оптину Пустынь, но вѣдь всякій мало-мальски религіозный человѣкъ посѣщаетъ монастыри; и въ Оптиной Пустыни Гоголь искалъ монаховъ, молитвы которыхъ «доступнѣе и дѣйствительнѣе». О. Матвѣй не могъ имѣть вліянія на Гоголя, во-первыхъ, потому что не помогъ многострадальному поэту, во-вторыхъ, потому что, насколько намъ извѣстно

о почтенномъ О. Матвѣѣ, онъ заботился о спасеніи души, а больной поэтъ о своемъ здоровьѣ. Какъ истинно религіозный человѣкъ, О. Матвѣй преслѣдовалъ совсѣмъ не тѣ цѣли, понималъ религію совсѣмъ не такъ, какъ больной поэтъ. Мы конечно не знаемъ съ точностью чему поучалъ Гоголя О. Матвѣй, но все, что намъ извѣстно объ этомъ священникѣ, даетъ намъ право думать, что онъ былъ глубоко религіозный человѣкъ, и потому его вліяніе должно было быть благотворно. Къ сожалѣнію, больной поэтъ уже не могъ находить утѣшенія и поддержки въ религіи, и потому поученія О. Матвѣя не приносили ему ни утѣшенія, ни поддержки и даже его разстраивали. Въ этомъ мы не можемъ обвинять О. Матвѣя; возможно, что онъ, какъ человѣкъ мало образованный, мало понималъ Гоголя, но вѣдь религіознаго утѣшенія не могъ дать больному поэту ни одинъ священникъ, ни одинъ монахъ, и Гоголь напрасно искалъ священниковъ, «чьи молитвы доступнѣе и дѣйствительнѣе». Едва ли требованія О. Матвѣя были крайне строги и неразумны; по крайней мѣрѣ, его другъ А. Толстой, во время болѣзни Гоголя, держалъ себя какъ истинно религіозный человѣкъ. Этотъ добрый другъ Гоголя не только приглашалъ къ нему врачей и употреблялъ всѣ средства, чтобы больной кушалъ, но прекратилъ у себя богослуженія, чтобы не обременять Гоголя хожденіемъ по лѣстницѣ, утѣшалъ Гоголя, когда тотъ скорбѣлъ о сожженіи рукописей. Ни о какомъ изувѣрствѣ тутъ и рѣчи быть не можетъ, и потому странно говорить о вредномъ вліяніи О. Матвѣя на Гоголя, когда даже на Толстого такого вліянія не было. Если бы О. Матвѣй имѣлъ вліяніе на Гоголя, многострадальный поэтъ меньше бы страдалъ въ послѣдніе годы своей жизни, былъ бы скромнѣе и добрѣе, не мучился бы страхомъ загробной жизни. Я наблюдалъ вліяніе на больныхъ лютеранъ фанатичныхъ проповѣдниковъ; оно всегда бываетъ крайне непродолжительно и поверхностно; сначала обычно бываетъ увлеченіе и даже полное подчиненіе, но такъ какъ фанатики стремятся спасти душу, а больной желаетъ выздороветь, то скоро наступаетъ разочарованіе.

Я не берусь рѣшать, почему Гоголь уже съ первыхъ шаговъ своей художественной дѣятельности былъ окруженъ друзьями и почитателями, пользовался вниманіемъ представителей высшаго общества. Ни одинъ изъ нашихъ художниковъ не имѣлъ такъ

много почитателей и друзей въ разныхъ общественныхъ кругахъ, какъ Гоголь. Если такое почитаніе его какъ художника и человека свидѣтельствуемъ о высокомъ развитіи общества, объ его отзывчивости, то, конечно, мы можемъ только радоваться, что въ то время было такъ много лицъ, умѣвшихъ цѣнить геніальность нашего великаго сатирика.

Объ отношеніяхъ Гоголя къ матери и сестрамъ, по моему мнѣнію, говорить нѣтъ надобности уже потому, что такія интимныя отношенія никогда не могутъ быть намъ извѣстны. Вообще, судить о родственныхъ отношеніяхъ, не зная всѣхъ подробностей, едва ли возможно, да едва ли и нужно, и даже удобно. Это чисто частная жизнь, которой лучше не касаться. При томъ эти отношенія не имѣютъ большого значенія съ точки зрѣнія психіатра; есть вполне здоровые люди, не любящіе своихъ родныхъ, также есть душевно-больные, привязанные къ своей семьѣ. Поэтому я не буду касаться родственныхъ отношеній нашего великаго поэта.

XI.

Послѣдніе дни жизни многострадальнаго поэта описаны такъ неясно и сбивчиво, что намъ совершенно неизвѣстно, отчего собственно умеръ Гоголь. Поэтому о болѣзни, сведшей въ могилу нашего геніальнаго сатирика, мы не можемъ сказать ничего опредѣленнаго, да въ сущности никакого особаго значенія ни для уясненія личности и дѣятельности Гоголя, ни въ медицинскомъ отношеніи, самъ по себѣ вопросъ—отъ какой болѣзни умеръ Гоголь, конечно, не имѣетъ. Однако, необходимо сказать нѣсколько словъ и о послѣдней болѣзни Гоголя для выясненія нѣкоторыхъ недоразумѣній и неправильныхъ взглядовъ.

Въ послѣднемъ періодѣ своей жизни Гоголь, повидимому, не перенесъ острыхъ заболѣваній; общій распадъ физическихъ и душевныхъ силъ прогрессировалъ медленно и непрерывно, но толчковъ или обостреній въ теченіи болѣзни не было. По крайней мѣрѣ, никто изъ друзей Гоголя не замѣтилъ какихъ-либо рѣзкихъ колебаній въ теченіи болѣзни. Зимой онъ чувствовалъ себя хуже, лѣтомъ нѣсколько лучше; хотя Гоголь неоднократно утверждалъ, что для его организма необходимо «*нена-топленное тепло*», прогулки «*на благотворенномъ воздухѣ*», однако такой зябкости, какъ въ 1845 г., не было. Вообще, по-

скольку можно судить по его письмамъ, какихъ-либо значительныхъ обостреній или ухудшеній у Гоголя за эти годы не было. Такъ какъ Гоголь чувствовалъ себя нехорошо въ теченіе двухъ зимъ, проведенныхъ въ Москвѣ, зиму 1850—51 гг. онъ провелъ въ Одессѣ, послѣднюю же зиму своей жизни проводилъ въ Москвѣ, такъ какъ, вслѣдствіе уже значительнаго ослабленія воли, остался въ этомъ городѣ. Знакомые Гоголя передаютъ, что эту зиму Гоголь выглядѣлъ хорошо и даже былъ веселъ; дѣйствительно, въ февралѣ 1852 г., за девять дней до масляной, онъ «въ слѣдующее воскресенье» собирался у Кушелева слушать малороссійскія пѣсни. Докторъ Тарасенковъ увѣряетъ даже, что за мѣсяцъ до смерти Гоголь «былъ цвѣтущаго здоровья, бодръ, свѣжъ, крѣпокъ». (Шенрокъ; IV, 856) Но едва ли мы можемъ вѣрить заявленію Тарасенкова; онъ или плохо наблюдалъ, или позабылъ виденное, и потому вообще его воспоминанія не могутъ считаться очень точными. Отчаянное письмо къ матери, писанное въ концѣ 1851 г., а также и письмо отъ 2. II. 1852 г. ясно свидѣтельствуютъ, что Гоголь не былъ «бодръ, свѣжъ и крѣпокъ». Въ послѣднемъ письмѣ къ матери онъ уже проситъ молиться объ его выздоровленіи «соединенно, во взаимной между собою любви крѣпкой, безъ которой не пріемлется отъ насъ молитва. Еще разъ обнимаю васъ и прошу васъ сильно, сильно обо мнѣ молиться». Что Гоголь въ февралѣ 1852 г. совсѣмъ не былъ «бодръ, свѣжъ и крѣпокъ», можно судить и по слѣдующему обстоятельству: въ первыхъ числахъ февраля пріѣзжалъ въ Москву о. Матвѣй и поучалъ Гоголя, при чемъ такъ перепугалъ его страшнымъ судомъ, что несчастный поэтъ прервалъ его рѣчь словами: «довольно, оставьте меня! не могу болѣе слушать! слишкомъ страшно». 6. II. 1852 г. Гоголь письменно извинился передъ о. Матвѣемъ. Онъ уже давно боялся смерти и ада, и Арнольди говоритъ «всѣ знаютъ, какъ Гоголь боялся смерти и ада и какъ эта мысль постоянно была для него причиной невыразимыхъ страданій». О. Матвѣй, конечно, и раньше многократно пугалъ отвѣтственностью на страшномъ судѣ, обличалъ въ грѣхахъ, требовалъ соблюденія всѣхъ предписаній церкви. Почему же раньше поученія о. Матвѣя не производили такого угнетающаго дѣйствія на несчастнаго поэта, почему именно теперь эти поученія такъ потрясли его, что онъ «не владѣлъ собою», просилъ прекратить истязаніе. Съ боль-

шимъ правомъ слѣдуетъ допустить, что въ февралѣ Гоголь больше чѣмъ когда-либо испугался смерти и ада, потому что состояніе здоровья его было хуже.

Есть свѣдѣніе, что за нѣсколько дней до смерти у Гоголя появилась течь изъ уха, которую нѣкоторые врачи, по словамъ Тарасенкова, могутъ почитать имѣющею связь съ его послѣдней болѣзнію. Однако, Тарасенковъ, со словъ Гоголя, передаетъ, что у него была течь изъ уха «прежде сего за годъ будто бы отъ какой-то вещи, туда запавшей». Очень жаль, что Тарасенковъ, такъ не скупившійся на упреки товарищамъ, поточнѣе не выяснилъ, когда именно была течь изъ уха и какого она была происхожденія. Если дѣйствительно течь появилась незадолго до послѣдней болѣзни Гоголя, то ее, конечно, можно ставить въ связь съ этой болѣзнію, особенно, если мы припомнимъ, что Гоголь и въ дѣтствѣ имѣлъ течь изъ уха, что отецъ его умеръ отъ чахотки. Такъ какъ Тарасенковъ не выяснилъ намъ этого весьма важнаго обстоятельства въ послѣдней болѣзни Гоголя, то всѣ его воспоминанія не разъясняютъ намъ исторіи болѣзни.

Смерть Хомяковой угнетающе подѣйствовала на Гоголя; повторилось то же, что наблюдалъ Анненковъ въ 1841 г.; также какъ и тогда, Гоголь на похороны не пришелъ. Онъ, какъ и многіе старые люди, такъ страшился смерти и ада, что боялся покойниковъ; кто не зналъ стариковъ и старухъ, въ присутствіи которыхъ ихъ близкіе не говорятъ о смерти, не вспоминаютъ объ умершихъ друзьяхъ. Конечно, это, вызванное смертью Хомяковой волненіе, скоро улеглось, и Гоголь послѣ того, какъ отслужилъ панихиду по покойницѣ, «сдѣлался спокоенъ, какъ-то свѣтелъ духомъ, почти веселъ». Въ понедѣльникъ на масляной В. С. Аксакова замѣтила, что «въ немъ было видно нѣсколько утомленіе»; Гоголь «сказалъ, что скоро уйдетъ, что долженъ лечь раньше, потому что чувствовалъ какой-то холодъ ночью, который его впрочемъ не беспокоилъ. Мы сказали: это нервный! Да, нервный, сказалъ онъ совершенно спокойно»¹⁾. «Въ среду, лавѣстили; онъ сказалъ, что не совсѣмъ хорошо себя чувствуетъ» Это болѣе похоже на начинающееся соматическое заболѣваніе. Почувствовавъ себя хуже, Гоголь рѣшилъ говѣть; въ четвергъ причащался; во время говѣнія питался просфорой, а за обѣдомъ употреблялъ только нѣсколько ложекъ овсянаго супа на

водѣ или капустнаго разсола. Причащеніе не успокоило Гоголя. Тарасенковъ точно не опредѣляетъ, когда именно ѣздилъ Гоголь въ Преображенскую больницу, гдѣ долго ходилъ взадъ и впередъ; онъ долго оставался въ полѣ, на вѣтру, въ снѣгу, стоя на одномъ мѣстѣ и, не входя въ дверь, уѣхалъ домой. Д-р. Баженовъ считаетъ невѣроятнымъ, что Гоголь ѣздилъ съ цѣлью посовѣтоваться съ извѣстнымъ юродивымъ Ив. Яковл. Корейшею, такъ какъ не допускаетъ, чтобы Гоголь былъ «склоненъ къ столь грубымъ предразсудкамъ» Я помню лицъ далеко не столь суевѣрныхъ, какъ Гоголь, посѣщавшихъ Корейшу, просившихъ его молиться за нихъ. Впрочемъ, не имѣетъ значенія, зачѣмъ ѣздилъ Гоголь въ Преображенскую больницу, а важно, что поѣздка эта могла неблагопріятно повліять на уже начавшуюся его болѣзнь.

Въ напечатанныхъ воспоминаніяхъ Тарасенкова²⁾ въ «ночь пятницы на субботу» на масляной, а въ приводимой Шенрокомъ (IV, стр. 853) рукописи «въ одинъ изъ этихъ дней», «Гоголь изнеможенный уснулъ ночью на диванѣ, безъ постели и съ нимъ произошло что-то необыкновенное, загадочное, проснувшись вдругъ послалъ онъ за приходскимъ священникомъ объяснивъ ему, что онъ недоволенъ недавнимъ причащеніемъ, и просилъ его тотчасъ же опять причащать и соборовать его, потому что онъ видѣлъ себя мертвымъ, слышалъ какіе то голоса и теперь почитаетъ себя умирающимъ». Этотъ эпизодъ описывается въ рукописи иначе (Шенрокъ IV, 849). «Въ ночь съ пятницы на субботу, послѣ говѣнія, онъ молился усерднѣе обыкновеннаго, и, стоя на колѣняхъ передъ образомъ, услышалъ голоса, которые говорили ему, что онъ умретъ». Бергъ³⁾ слышалъ отъ Овера, что Гоголь говорилъ этому врачу: «я уже слышалъ голоса». Д-р. Баженовъ не довѣряетъ воспоминаніямъ Берга и Тарасенкова, потому что они подрываютъ заключеніе Д-р. Баженова о предсмертной болѣзни Гоголя, но мнѣ кажется, что было бы правильнѣе, принимая во вниманіе сказанное Оверомъ и Тарасенковымъ, отказаться отъ діагноза Д-р. Баженова.

Гоголя лѣчили лучшіе врачи того времени: Варвинскій, Ино-

¹⁾ С. Т. Аксаковъ *op. cit.*; воспоминанія Вѣры Сергѣевны Аксаковой.

²⁾ *Отечес. Записки* 1856; XII, стр. 408.

³⁾ *Op. cit.* стр. 127.

земцевъ, Оверъ, Клименковъ, Сокологорскій, Тарасенковъ и Эвеніусъ.

Тарасенковъ описываетъ болѣзнь Гоголя такъ, что рѣшительно непонятно, чѣмъ же собственно страдалъ Гоголь; этотъ врачъ первый разъ увидѣлъ больного въ субботу на первой недѣлѣ, а въ ночь со среды на четвергъ (21 II) второй недѣли Великаго поста гениальный писатель скончался. Ввиду того, что Тарасенковъ посѣщалъ больного лишь въ послѣдніе дни болѣзни, онъ и не могъ самъ изучить предсмертную болѣзнь великаго поэта. Тарасенковъ не могъ объективно наблюдать и потому, что онъ былъ крайне взволнованъ, за что конечно его нельзя упрекнуть. Жаль, что Тарасенковъ не сообщилъ намъ мнѣнія о болѣзни Гоголя лѣчившихъ его врачей, и едва ли можно одобрить то высокомѣріе, съ которымъ онъ отнесся къ сужденіямъ болѣе его свѣдующихъ товарищей; къ сожалѣнію такое отношеніе явленіе не рѣдкое.

Тарасенковъ сообщаетъ, что послѣдніе дни своей болѣзни Гоголь очень мало ѣлъ; вмѣстѣ со священникомъ онъ кушалъ саго и черносливъ, а наканунѣ смерти ему давали пить бульонъ; слѣдовательно, едва ли можно допускать, что Гоголь умеръ отъ истощенія. Гоголь послѣдніе дни своей жизни не совершалъ движеній, что, конечно, предохраняло его отъ быстрого истощенія вслѣдствіе крайне недостаточнаго питанія. Вообще, странно говорить, что Гоголь, хотя очень мало, но все же кушавшій, умеръ отъ голода, когда экспериментально доказано, что человѣкъ можетъ до сорока дней оставаться безъ пищи.

Послѣдніе дни своей жизни Гоголь невыразимо мучился страхомъ смерти и ада; онъ страдалъ ужасно, съ невыразимымъ страхомъ ждалъ смерти и даже, по всей вѣроятности, желалъ, чтобы ужасная для него минута настала скорѣе. Шенрокъ (IV, 858) вполне вѣрно говоритъ: «психически вполне объяснимо желаніе поскорѣе подвергнуться опасности именно вслѣдствіе внушаемаго ею непредѣльнаго ужаса». Дѣйствительно, нѣкоторые больные, подъ влияніемъ этого страха, покушаются на самоубійство. Я живо помню то поистинѣ неописуемое страданіе, которое переживали мои пациенты, ужасно боявшіеся смерти; страхъ смерти это одно изъ самыхъ ужасныхъ мученій. Гоголь не могъ думать о самоубійствѣ, но онъ не желалъ лѣчиться, сопротивлялся, когда оказывали ему пособія: онъ хотѣлъ, чтобы

его мученія кончились скорѣе. Какъ ни горячо молился несчастный Гоголь, молитвы не успокаивали его. Конечно, утѣшенія и убѣжденія почтенныхъ пастырей церкви и Толстого также не облегчали страданій Гоголя; увы, мы знаемъ, что слова, самыя лучшія, безсильны противъ органическихъ процессовъ, и смертельная тоска, страхъ смерти всецѣло наполняли душу поэта въ послѣдніе дни его мученической жизни. Гоголь невыразимо страдалъ и желалъ, чтобы эти страданія скорѣе окончились; онъ понималъ, что только смерть можетъ окончить его мученія, и боялся смерти; можно себѣ представить весь ужасъ этого положенія.

Такъ какъ, къ сожалѣнію, Тарасенковъ не сообщаетъ намъ исторіи болѣзни, конецъ которой онъ видѣлъ самъ, не сообщаетъ намъ, что наблюдали и думали другіе врачи, то мы рѣшительно не знаемъ, какая собственно болѣзнь свела Гоголя въ могилу. Что эта болѣзнь была весьма серьезная, доказывается безуспѣшностью лѣченія весьма опытныхъ и весьма свѣдующихъ врачей; въ началѣ болѣзни больного лѣчилъ Иноземцевъ, а потомъ Оверъ. Въ самомъ дѣлѣ, крайне неосновательно допускать, что эти знаменитые врачи ничего не понимали и ничего не умѣли. Глубокое уваженіе къ Гоголю, его слава—все это, конечно, побуждало этихъ врачей отнестись съ величайшимъ вниманіемъ и крайней старательностью. Неуспѣхъ всѣхъ принятыхъ ими мѣръ указываетъ на крайне тяжелую болѣзнь пациента, на безсиліе медицины. Д-р. Баженовъ думаетъ, что нужно было бы принять другія мѣры, т.-е. усиленное и даже насильственное кормленіе, вливаніе въ подкожную клетчатку соляного раствора; я бы предложилъ и другія средства, но вѣдь никто не можетъ доказать, что предлагаемыя имъ средства дѣйствительно помогли бы больному, а потому всѣ такія разсужденія, по меньшей мѣрѣ, не желательны. Врачи, лѣчившіе Гоголя, вполне понимали какую тяжелую отвѣтственность взяли на себя и пережили немало тяжелыхъ минутъ; долго и много упрекали ихъ, что они не спасли Гоголя; пора-бы и перестать.

Воспоминанія доктора Тарасенкова, а отчасти и работа доктора Баженова дали основаніе упрекать лѣчившихъ поэта врачей въ грубо-доброжелательныхъ насиліяхъ надъ Гоголемъ, въ томъ, что они «истязали его и только напрасно, но безпощадно отравляли его послѣдніе часы». Дѣйствительно, по поводу ле-

ченія Гоголя еще разъ возникаетъ вопросъ, имѣютъ ли врачи право лѣчить пациента, который, въ силу своей болѣзни, не желаетъ больше жить. На этотъ вопросъ отвѣчать легко; наша современная мораль обязываетъ насъ спасать человѣка, желающаго утопиться, человѣка отравившагося, даже, когда онъ не проситъ о спасеніи; тѣмъ болѣе врачи обязаны всѣми дозволенными средствами спасать душевно больного, сопротивляющагося при лѣченіи. Все это всѣми признано и никѣмъ не оспаривается. Но нельзя обвинять и не врачей, упрекающихъ насъ въ «грубо доброжелательныхъ насиліяхъ»; вѣдь невольно является вопросъ: ну, а если бы врачи съ помощью этихъ насилій спасли Гоголя— что было бы дальше. Если они не могутъ вылѣчить больного, а могутъ только продолжить жизнь, т.-е. мученія, то они, въ сущности, только мѣшаютъ умереть спокойно, съ наименьшей суммой страданій. Гоголю жизнь была въ тягость; онъ хотѣлъ поскорѣй умереть; онъ приготовился къ смерти; зачѣмъ было ему отравлять непрощеннымъ лѣченіемъ послѣднія минуты многострадальной жизни. Вотъ посылки, изъ которыхъ дѣлается выводъ—упрекъ врачамъ, и повторяю, мнѣ кажется, что обѣ стороны правы. Тѣ, кто думаетъ, что человѣкъ вполне можетъ распоряжаться собою, что никто не имѣетъ право вмѣшиваться въ нашу личную жизнь, будутъ считать врачей, лѣчившихъ Гоголя, виноватыми. Тѣ же, кто думаетъ, что мы лишь только до извѣстной степени независимые члены великой семьи, которой мы обязаны весьма, весьма многимъ и которая поэтому имѣетъ большія права по отношенію къ каждому изъ насъ, тѣ вполне одобряютъ дѣйствія почтенныхъ врачей, лѣчившихъ Гоголя.

Къ сожалѣнію свѣдѣнія о послѣдней болѣзни Гоголя такъ неполны, что мы даже не знаемъ, въ какомъ именно состояніи больной поэтъ сжегъ свои рукописи. Конечно, очень трудно понять то душевное состояніе, въ которомъ Гоголь уничтожилъ «Мертвыя Души»; извѣстно, что онъ неоднократно сжигалъ свои рукописи. Весьма возможно, что Гоголь въ лучшія минуты чувствовалъ упадокъ творческихъ силъ и былъ недоволенъ написаннымъ; возможно, что вслѣдствіе идей грѣховности, онъ считалъ, что для спасенія души полезно уничтожить рукописи. Заслуживаетъ довѣрія рассказъ Тарасенкова о томъ, что Гоголь плакалъ, когда сгорѣли рукописи; въ то время тяжело больной поэтъ уже не былъ способенъ къ глубоко обдуманнѣмъ

поступкамъ, въ его поведеніи не было послѣдовательности, а потому онъ то сжигаетъ свои рукописи, то сожалѣетъ о содѣянномъ. Такая непослѣдовательность крайне характерна для того патологическаго состоянія, которое было у Гоголя въ послѣдніе годы жизни. Тарасенковъ сообщаетъ, будто бы Гоголь хотѣлъ просить митрополита Филарета просмотрѣть его рукописи и вычеркнуть все соблазнительное, но Гоголь былъ боленъ и потому не привелъ въ исполненіе этого намѣренія, если такое, дѣйствительно, у него было. Если бы Гоголь былъ здоровый, крайне религіозный человѣкъ, то онъ для разъясненія своихъ сомнѣній обратился бы къ такому высокому авторитету каковымъ былъ Филаретъ.

Такъ какъ мы не знаемъ, когда была написана сожженная рукопись «Мертвыхъ Душъ», то намъ навсегда останется неизвѣстнымъ, какъ много мы потеряли въ ту печальную ночь, когда больной Гоголь сжегъ свою рукопись. Правда, мы имѣемъ восторженный отзывъ С. Т. Аксакова о первой главѣ сожженной рукописи, но вѣдь самъ Аксаковъ сознается, что, когда Гоголь предложилъ прочесть вторую часть Мертвыхъ Душъ: «Я былъ совершенно уничтоженъ. Не радость, а страхъ, что я услышу что-нибудь недостойное прежняго Гоголя, такъ смутилъ меня, что я совсѣмъ растерялся». Въ такомъ настроеніи едва ли восторженный С. Т. Аксаковъ могъ быть объективенъ. Необходимо отмѣтить, что Аксаковъ ни слова не говоритъ о впечатлѣніи, произведенномъ третьей и четвертой главами. Гоголь, какъ извѣстно, превосходно читалъ свои произведенія, и это, конечно, вліяло на отзывы лицъ, слышавшихъ чтеніе сожженной рукописи. Весьма возможно, что сожженная рукопись Мертвыхъ Душъ обладала большими художественными достоинствами; Гоголь былъ такой крупный художникъ, что даже ограбленный тяжелой болѣзью, на много превосходилъ обыкновенныхъ смертныхъ. Вѣдь не помѣшала же тяжелая болѣзнь Ницше создать великія произведенія, въ которыхъ гениальныя идеи удивительно соединены съ мыслями и образами душевнобольного.

Умирающій Гоголь сказалъ Тарасенкову слова, доказывающія, что даже въ послѣдніе дни многострадальной жизни гений могъ блистать съ необычной силой. Умирающій поэтъ сказалъ Тарасенкову: «я знаю, врачи добры; они всегда желаютъ добра». Мы можемъ гордиться этимъ сужденіемъ о насъ многострадаль-

наго поэта, много лѣчившагося, обращавшагося въ своей жизни ко многимъ врачамъ. Великій сатирикъ убѣдился, что мы желаемъ добра, но увы! далеко не всегда можемъ осуществить наши самыя горячія желанія. Это сужденіе гениальнаго поэта и глубоко вѣрно, и крайне для насъ лестно; въ немногихъ словахъ онъ удивительно мѣтко опредѣлилъ основное свойство медицины и ея представителей, указалъ и на положительную, и на отрицательную сторону нашей тяжелой профессіи. Дѣйствительно, вся медицина—это желаніе добра; конечно, съ успѣхами знаній, наши желанія исполняются нѣсколько чаще, но вѣдь вмѣстѣ съ успѣхами знаній, къ намъ предъявляютъ все большія требованія, и потому врачи всегда будутъ *желать* добра, всегда будутъ стремиться къ недостижимой, по существу, цѣли. Врачи желали вылечить Гоголя, но не могли; спустя пятьдесятъ лѣтъ они также горячо желали вылечить больного Ницше, но—увы! были такъ-же безсильны, какъ и полстолѣтія тому назадъ. Утѣшеніемъ намъ можетъ служить сужденіе о насъ нашего великаго сатирика.

Повторяю, что вопросъ, отъ какой именно болѣзни умеръ Гоголь неразрѣшимъ и мало интересенъ. Въ самомъ дѣлѣ какъ теперь мы можемъ опредѣлить послѣднюю болѣзнь Гоголя, когда мы нерѣдко не можемъ діагностировать болѣзни пациента, умирающаго на нашихъ рукахъ. Ницше лечили лучшіе спеціалисты, онъ долго находился въ заведеніи для душевно-больныхъ, и все же мы не знаемъ, чѣмъ собственно страдалъ этотъ мыслитель. Для исторіи литературы также не имѣетъ значенія вопросъ, отъ какой болѣзни умеръ Гоголь. Для сужденія о состояніи общества того времени, конечно, имѣетъ значеніе, что Гоголя лечили лучшіе врачи, что онъ пользовался прекраснымъ уходомъ, что за ходомъ его болѣзни слѣдили съ напряженнымъ вниманіемъ многочисленные поклонники его гения, что смерть его повергла въ глубокую скорбь всю мыслящую Россію, что похороны его были торжественны.

Заканчивая настоящій очеркъ, еще разъ считаю необходимымъ оговориться, что я изучалъ только болѣзнь Гоголя и потому не претендую на полное объясненіе личности гениальнаго поэта. Мнѣ было бы крайне тяжело, если бы нѣкоторыя отдѣльныя фразы этого очерка были поняты, какъ порицаніе или не-

одобреніе нашего великаго сатирика. Конечно, точка зрѣнія психіатра нѣсколько отличается отъ пониманія историка литературы, и потому нѣкоторыя мои сужденія могутъ быть истолкованы, какъ порицаніе или недостатокъ уваженія. Но вѣдь мой очеркъ, въ его цѣломъ, проникнутъ искреннимъ уваженіемъ къ гениальному больному; по моему разумѣнію, произведенія Гоголя, по мѣткости изображенія, по глубинѣ пониманія человѣческихъ слабостей, не имѣютъ равныхъ въ всемірной литературѣ. Какъ психіатръ, я преисполненъ глубокаго уваженія и удивленія къ великому сатирику, который остается великимъ даже въ своей болѣзни. Обыкновенные люди не хвораютъ такъ, какъ Гоголь, болѣзнь котораго доказывала его гениальность. Было бы ошибкой искать въ болѣзни Гоголя тѣхъ же проявленій, которыя характерны для заболѣваній простыхъ смертныхъ. Конечно, болѣзнь Гоголя похожа на болѣзни, наблюдаемыя нами постоянно, но она и отличается отъ нихъ такъ же, какъ вообще гений отличается отъ обыкновенныхъ людей. Гоголь даже въ послѣднемъ періодѣ своей многострадальной жизни превосходилъ не только обыкновенныхъ, но и даровитыхъ людей и, не смотря на свою тяжкую болѣзнь, удивлялъ мѣткостью своихъ сужденій. Къ сожалѣнію, болѣзнь ослабила творческія силы великаго поэта, наложила свою печать на всю его дѣятельность, и мы можемъ лишь скорбѣть о томъ, какъ многого она насъ лишила.

Гоголь такъ великъ, что объективное изученіе его болѣзни и обусловленныхъ ею особенностей его характера и дѣятельности не можетъ ослабить того уваженія, съ которымъ мы обязаны къ нему относиться.

Изученіе болѣзни Гоголя, такъ же какъ и болѣзни Ницше, приводитъ къ заключенію, что гениальные люди и въ болѣзни отличаются отъ обыкновенныхъ людей. Ломброзо былъ вполне правъ, указавъ на тотъ фактъ, что многіе великіе люди страдали душевной болѣзнію, были надѣлены психопатической организаціей. Но великіе люди, насколько мы можемъ судить по тѣмъ далеко неполнымъ и не совсѣмъ точнымъ свѣдѣніямъ о ихъ жизни, какими мы обладаемъ, страдали своеобразными душевными заболѣваніями, весьма отличными отъ тѣхъ, какими заболѣваютъ обыкновенные люди. Конечно, въ болѣзни Гоголя можно найти и признаки неврастенія, и признаки періодическаго пси-

хоза, и признаки параной, но все же такіе діагнозы будуть односторонни, потому что заболѣваніе Гоголя, какъ человѣка необыкновеннаго, не вмѣщается въ рамки, созданныя для заболѣваній обыкновенныхъ смертныхъ.

Такимъ образомъ изученіе болѣзни Гоголя подтверждаетъ еще разъ, что Гоголь былъ человѣкъ необыкновенный, надѣленный увы! непонятной намъ организаціей; въ самомъ дѣлѣ, развѣ намъ понятно сочетаніе дивнаго творчества и душевной болѣзни, развѣ намъ понятно, какъ въ одномъ и томъ же мозгу происходило созданіе Мертвыхъ Душъ и писемъ къ калужской губернаторшѣ?

Изученіе болѣзни Гоголя, не объясняя намъ непостижимой организаціи нашего общаго учителя, однако, все-же имѣетъ свое значеніе; мы научаемся отдѣлять здоровое отъ больного въ произведеніяхъ и дѣятельности писателя, которымъ гордится наше отечество. Благодаря такому изученію, мы правильно объясняемъ отрицательныя стороны произведеній и дѣятельности гениальнаго автора, мы понимаемъ, почему нашъ великій сатирикъ создалъ такъ мало, такъ рано закончилъ свою столь необходимую для Россіи дѣятельность, почему онъ прожилъ лучшій, въ смыслѣ дѣятельности, періодъ жизни за границей, почему онъ былъ вполне чуждъ общественной дѣятельности.

Такимъ образомъ, какъ это, впрочемъ, уже ясно изъ самаго заглавія, въ мою задачу не могло входить объясненіе творчества Гоголя, проявленій его гениальнаго, богато одареннаго мозга; творчество нашего великаго сатирика изучено достаточно, а сущность гениальности намъ непостижима. Моя задача была болѣе скромная: она заключалась въ изученіи проявленій патологической организаціи Гоголя, въ объясненіи, въ чемъ состояла и какъ проявлялась болѣзнь гениальнаго писателя. Поэтому моя работа можетъ служить лишь дополненіемъ къ уже имѣющимся въ нашей литературѣ изслѣдованіямъ о произведеніяхъ и жизни Гоголя. Само собою разумѣется, что я не могъ всесторонне разсмотрѣть произведенія и жизнь Гоголя, освѣтилъ лишь одну сторону предмета, и потому мой трудъ не можетъ претендовать на полноту.

Еще разъ утверждаю, что изученіе болѣзни нашего великаго сатирика можетъ только усилить наше уваженіе къ гениальному автору Ревизора и Мертвыхъ Душъ, которому даже тяжелая душевная болѣзнь не помѣшала совершить великое дѣло.

В. Чижъ.